

МАРИУПОЛЬСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ
МАРИУПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАЕВЕДОВ
МАРИУПОЛЬСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

**МАРИУПОЛЬСКИЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК
2014 г.**

МЕЛИТОПОЛЬ
2014

ББК 63.3(4УКР-4ДОН)
УДК 908(477.62)(08)
М 26

*Мариупольский краеведческий музей и Мариупольское общество краеведов
выражают благодарность
за помощь в осуществлении издания книги авторам и спонсорам
Светлане Пилипенко,
директору центра недвижимости и оценки «НОБИЛИ»,
Анатолию Безручко,
атаману Союза казаков Донбасса «Вільність»,
Леониду Горохову,
хорунжему Союза казаков Донбасса «Вільність».*

Редакционная
коллегия: Божко Р. П.
Буров С. Д.
Дейниченко Е. В.
Кучугура Л. И.

В очередном сборнике научных, научно-популярных статей сотрудников Мариупольского краеведческого музея и мариупольских краеведов собраны материалы, освещающие актуальные вопросы местной истории и культуры края, содержатся сведения о выдающихся земляках, памятниках города. Выпуск дополняет публикация мемуарного характера.

Утверждено решением научно-методического совета Мариупольского краеведческого музея (протокол №2 от 26 февраля 2013 г.)

©Мариупольский краеведческий музей, 2014 г.
©Мариупольское общество краеведов, 2014 г.

МАРИУПОЛЕВЕДЕНИЕ

Исполнилось пятьдесят лет с тех пор, как автор этих заметок, тогда еще начинающий учитель, впервые ступил на тернистую тропу краеведческих поисков. Первыми робкими шагами на этой тропе были раздумья над темой «Наш город в литературе и искусстве», отсюда – начало моих последующих исканий: история народного образования в Мариуполе, судьбы приазовских греков-переселенцев из Крыма, уроки украинизации, мариупольское земство, Кальмиусская паланка, история мариупольской «Просвіти», история мариупольского краеведения...

Естественно, что мои краеведческие поиски в эти годы тесно переплетались с основной работой в школе, дополняя и разнообразя ее. Одним из таких школьно-краеведческих направлений была многолетняя работа с юными краеведами по созданию своих родословных, написанию ими истории своей семьи КАК ЧАСТИЦЫ ИСТОРИИ МАРИУПОЛЯ. Так, еще в 70-х годах минувшего века общими усилиями постепенно оформилась программа «Мариуполеведение».

Как тогда, в 70-е годы, так и теперь, я убежден, что ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ГОРОДА, ГДЕ ТЫ РОДИЛСЯ И ЖИВЕШЬ, ЕСТЬ КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА-ГРАЖДАНИНА (вспомните старую песню «С чего начинается Родина...»).

Особо подчеркну, что речь идет не об эпизодических беседах, экскурсиях и лекциях об истории родного края, а об отдельном и ОБЯЗАТЕЛЬНОМ курсе для всех школьников, начиная с пятого класса. Курс этот должен быть обеспечен учебным пособием, иметь минимальную базу. Как это было в дореволюционные годы в нашей Александровской мужской гимназии. Ведь книга «Мариуполь и его окрестности» не на пустом месте возникла.

* * *

Как видится мне в общих чертах реализация программы «Мариуполеведение» на начальном этапе?

С самого начала нужно сделать все, чтобы «Мариуполеведение» не стало еще одним нудным школьным предметом: учитель монотонно рассказывает – ученики пассивно слушают, а тем временем в классную комнату медленно вползает скука...

Генеральная установка «Мариуполеведения»: воспитать не только знающего историю города ученика, но и влюбленного в эту историю, в свой родной и неповторимый Мариуполь. А отсюда нашим воспитанникам только один шаг к осознанию того, что ты – частица этого сообщества, его истории, что твое настоящее и будущее кровно связано с мариупольцами, с общим трудом на благо всех и каждого.

Курс «Мариуполеведение» должен вести хорошо знающий историю города, интересующийся краеведением педагог (и это может быть не только учитель истории). Ему будут помогать все классные руководители, так как уже первые уроки, о которых мы ведем речь, будут иметь «выход» на мероприятия внеурочного, воспитательного характера.

Конспективно изложив суть замысла и цель курса «Мариуполеведение», автор этих заметок вовсе не ставит себя в позицию первооткрывателя. Эта идея, подсказанная реалиями нашей жизни, как говорят, давно «носится в воздухе». В различной форме и объеме она давно уже реализуется в нескольких городах.

В столице России, судя по сообщениям средств массовой информации, уже давно разработан курс для школьников «Москвоведение». Нечто подобное делается и в отдель-

ных школах Львова. В Киеве в 2005 году в 5-х классах нескольких школ апробирован курс «Мій Київ». Задачу этого курса сформулировала Лилия Гриневич, в то время начальник главного управления образования и науки столицы: «...таким образом городская власть будет прививать учащимся любовь к Киеву».

С 2009 года во всех школах Симферополя ввели отдельный предмет «История родного города». В телевизионном сообщении об этом событии не без гордости подчеркнули, что это «делается впервые в Украине».

Обидно стало за учительство Мариуполя, его творческий потенциал, стыдно стало за наше просвещенское руководство, которое в свое время прошло мимо этой инициативы. Ведь инициаторами этого движения должны были быть мы – мариупольские педагоги и краеведы. Хотя не в этом суть вопроса – важно, чтобы дело делалось...

А ведь речь идет не только о первоочередном (сколько же мы будем вздыхать о бездуховности наших детей), но и о реальном, возможном. **СТОИТ ТОЛЬКО ЗАХОТЕТЬ...**

* * *

Но достаточно общих, «агитационных» рассуждений. Обратимся к вопросу: с чего же начинать?

Было бы наивным представить один, адресованный всем учителям, образец. «Стандарт» губителен для нашего замысла. Вариантов должно быть несколько, каждый из них будет подсказан конкретными обстоятельствами. Вот как начинал эту работу автор публикации.

Начальный этап ее, а значит, и первый абзац программы «Мариуполеведение», можно представить словами, сказанными самими учениками.

«Я – ученик, житель города Мариуполя.

- Мои родители, братья и сестры – чем славны они?

- Моя родословная. Как создается домашний архив – основа истории нашего города.

- История моей улицы. Почему она так называется? Известные люди, жившие и живущие на моей улице. Что нужно сделать, чтобы моя улица была самой красивой в городе? Что из предложенного сделаю я.

- Мой район (поселок). Почему он так называется? Его достопримечательности.

- Мой город, его прошлое, настоящее и будущее. Какими я вижу свое место (роль) в истории города?..»

Последняя строка – это уже начало второго раздела программы «Мариуполеведение», о нем мы поговорим позже.

Хочу предостеречь коллег от спешки, для качественного выполнения первого раздела программы потребуется год.

И еще, с первой же строки программы задан тон – «Я И ГОРОД». Ученик должен почувствовать, что он начинает изучать особый школьный предмет, **В ЦЕНТРЕ КОТОРОГО ОН САМ.**

Как показывает опыт работы автора, самое интересное – третья строка: «Моя родословная».

При первом же знакомстве со школьниками на занятии кружка «Мариуполеведение» (а было это еще в 1986 году) оказалось, что, как правило, знание учениками своих родословных завершалось именами дедушек и бабушек.

А ведь еще в Запорожской Сечи от казака требовалось знание своей родословной до седьмого колена (пра-пра-пра-прадедушка). Не пришло ли время и нам возродить эту славную традицию не только в школе, но и в молодежных формированиях украинского реестрового казачества? Вот так в нашем коллективе пятиклассников появилась цель: мы – юные казачата. Мы знаем свои родословные до седьмого колена.

Вначале работа шла очень трудно. К ней подключились родители и родственники моих воспитанников, сотрудники городского краеведческого музея (Р. И. Саенко и др.). Но

мы все преодолели. В конечном итоге ученики коллективно оформили своего рода учебник отечественной истории нового времени, составленный на материале родословных школьников.

Самое интересное и трогательное в тогдашней моей практике было (буквально «со слезами на глазах») родительское собрание, на котором сами ученики объясняли своим родителям, откуда пошел их род и чем он славен. Сколько гордости слышалось в голосе юных докладчиков.

Пришлось и мне засесть за свою родословную – так появились страницы моей будущей работы «Розгойдані дзвони пам'яті», книги раздумий о прожитых годах [1].

В то же время, от педагога – организатора этой работы требуется осмотрительность и большой такт, умение предотвратить (обойти) отдельные моменты семейных историй, которые составляют семейную тайну. Речь, прежде всего, идет о приемных детях и неполных семьях.

Встречались и другие, не менее сложные ситуации. Помнится, как-то пришла ко мне на индивидуальную беседу мама одной из учениц и под большим секретом сообщила, что происходит их род из потомственных дворян. Дочь об этом не знает и не должна знать. Ведь не забудем, что педагогический опыт, о котором идет речь, состоялся в те годы, когда такие факты в биографии были «чреватые»... Мы выработали общую линию поведения в семье и на занятиях в кружке. И только сейчас, четверть века спустя, совершенно в другую социальную эпоху, я впервые упомянул об этом эпизоде.

Педагогу особо внимательно следует отнестись к информации об участии членов рода в гражданской войне, о жертвах голодомора 1932–1933 годов и репрессий 1937–1938 годов, о событиях минувшей войны. Но думающий и заботливый педагог всегда найдет приемлемое решение в той или иной ситуации.

Это был только миг в нашей – учителя и учеников – совместной работе. А сколько их было – интересных, неожиданных, запоминающихся! И сейчас – двадцать пять лет спустя – встречаясь, мы, прежде всего, вспоминаем о том, как составляли родословные. А еще ученикам запомнились мои наставления: «ТРУДНО ЛЮБИТЬ ТО, ЧЕГО НЕ ЗНАЕШЬ. ПУТЬ К ЛЮБВИ ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ ПОЗНАНИЕ... ИСТОРИЯ – ЭТО СТРОГАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА. БУДЕМ ВСЮ ЖИЗНЬ УЧИТЬСЯ У НЕЕ. И ТОГДА НАША РАБОТА ДАСТ ОБИЛЬНЫЕ ВСХОДЫ... ПОМНИ ИСТОРИЮ – ДУМАЙ О БУДУЩЕМ...»

Еще раз подчеркнем: изучение истории родного края – краеугольный камень в системе формирования личности школьника-мариупольца, патриота своего города, ради этого всем нам – учителям, школьникам и их родителям, краеведам – стоит потрудиться. Остановка за малым: нужно только захотеть.

Использованные источники

1. Мазур П. Розгойдані дзвони пам'яті. Спогади й роздуми вчителя. – Маріуполь, 2010. – 159 с.

КАЛЬМИУССКАЯ ПАЛАНКА. ПОГРАНИЧНЫЙ ИНЦИДЕНТ
С НОГАЙЦАМИ 1747 ГОДА

Немного предыстории.

- 1734 год – возвращение запорожских казаков в российское подданство.

- 18 сентября 1739 года. Белградский мир завершает русско-турецкую войну 1736–1739 годов.

- 12 октября 1742 года – окончание демаркации российско-турецкой границы к востоку от Днепра. Граница проходит по рекам Конка и Берда.

- 1743 год – запорожцы обосновываются в Северном Приазовье. Первоначально их "*центр власти*" находится на "*речке Еланчик*".

- 12 мая 1746 года. По указу Елизаветы Петровны земли к востоку от Кальмиуса передаются донским казакам. Вероятно, примерно в это же время запорожцы на месте более раннего заброшенного укрепления в устье этой реки устраивают своё сторожевое укрепление – Кальмиусскую паланку [1, с. 26].

Вскорости администрация новосозданной паланки столкнется с, вероятно, первым в ее истории кризисом. Осенью 1747 года крымские татары впервые после окончания войны массированно нарушат границу по Берде. Правда, на этот раз это будет не вражеское нашествие и не набег "*злых татаровей*". Все будет намного более прозаично и мирно. Но, тем не менее, попытки найти взаимоприемлемое мирное решение этой ситуации будет стоить больших нервов всем задействованным участникам конфликта...

Итак, как это было...

По итогам прошедшей войны кочевая часть населения Крымского ханства (преимущественно в лице ногайцев) оказалась зажатой на относительно небольшой территории между нижним Днепром, Конкой и Бердой. Здесь же выпасались и стада крымской знати. По мере восстановления поголовья скота (изрядно сократившегося в годы войны) прокормить его становилось все труднее. А в 1747 году, видимо, еще и погодные условия были тяжелыми для кочевников. К октябрю этого года ресурсы степных пастбищ были исчерпаны.

В среде ногайских бедняков началось брожение. Степи к востоку от Берды были только недавно окончательно утрачены кочевниками. У многих из них там остались памятные места и могилы родичей. Но не только воспоминания привлекали к этой территории внимание ногайцев. По сравнению с истощенными лугами ногайской стороны, нетронутое и малонаселенное левобережье Берды выглядело уж слишком привлекательным... Перед простыми ногайцами вплотную встала угроза падежа скота и, следовательно, тяжелой и голодной зимы для их семей. Это оказалось для них гораздо веселей, чем прямые запреты на нарушение границ империи со стороны турецкого султана и крымского хана. Откинув страх перед возможными последствиями, ногайские пастухи в первой половине октября 1747 года массово перешли Берду. Первоначально они не рискнули слишком удаляться от установленной границы и стали кочевать по левобережью Берды, а также по ее притоку Каратышу и по расположенной в 20 км восточнее речушке Зеленой. По подсчетам запорожцев тогда пришло около 60 табунов лошадей с их пастухами.

Естественно, что такое "подселение" не могло не затронуть интересы запорожцев. В первоначальные годы существования ведомства Кальмиусской паланки основной хозяйственный интерес местных запорожцев сосредотачивался преимущественно вокруг морского рыболовного промысла. Собственно, именно этот интерес и привел сюда

запорожцев в 1743 году. Но к середине осени 1747 года многолюдные ватаги рыболовов, надо полагать, уже прекратили лов и разошлись на зиму. Часть ушла на Сечь, часть – в Малороссию и в прилегающие к ней районы Вольностей. И только немногие остались на жительство в зимовниках на побережье и при степных речках. Кроме них, в документах об этом инциденте упоминаются также еще не разошедшиеся на зимовье ватаги звероловов-запорожцев. Вот как эта ситуация отражена в одном из документов: *"...где Войска Запорожского козаки около Озовского моря для добычи рыбной и в протчих российской границы местах живут зимовниками и немалые уже они, ногайцы, тем козакам утиски, обиды и в добыче звериной препятствия делают"* [2, с. 424]. Надо ли говорить, что для тех запорожцев, которые решились перезимовать в районе между Бердой и Зеленой, появление непрошенных "соседей" стало весьма неприятным сюрпризом?

В эту ситуацию пришлось вмешаться тогдашнему кальмиусскому полковнику Марку Усу. То ли лично, то ли через посланников, ему удалось пообщаться с ногайскими пастухами, но это ни к чему не привело. Те объясняли свое появление так: *"...якобы за неимением в далних крымских сторонах трав для прокормления тех табунов чрез приходящую зиму"* [2, с. 424]. И уходить пока не собирались. Впрочем, они вроде бы были согласны вернуться за Берду в случае, если им будет на то прямое указание крымского хана. И даже, если окажется, что они кочевали *"не в крымской границе, то-де они за выкорм той степи готовы Войску Запорожскому заплатить с отпуском тысячу рублей"* [2, с. 425].

Надо сказать, что некоторые основания для сомнений в прохождении границы Крымского ханства у ногайцев и запорожцев действительно имелись, но об этом мы поговорим позже. Пока же можно лишь сказать, что с учетом расстояний и скорости обмена письмами, ногайское требование о ханском повелении было явным и целенаправленным затягиванием дела. Тем более, что сами ногайские пастухи сообщения о своем самоуправстве в Бахчисарай не отправляли, а (по умолчанию) озадачили этим администрацию Кальмиусской паланки.

Собственных сил, чтобы самостоятельно выдворить ногайцев за Берду, у Уса не хватало. Тем более, что он и формально не имел права самовольно действовать грубой силой. Вот что говорилось, например, в 10-м артикуле закончившего последнюю русско-турецкую войну Белградского мира: *"А буде во время сего мира, между подданными обеих стран по каким причинам возбудится спор и ссора, то от пограничных губернаторов и комендантов по справедливости удобно рассмотрено да будет, а зачавшиеся несогласия чрез пересылку между обеими империями пристойными способами, к крепкому содержанию мира и дружбы да успокоятся, и для подобных тому между подданными пограничных ссор никакие неприятельские поступки от обеих сторон да не вчиняются, но совершенно и со всяким радением и дружеским способом тцатись имеют, дабы покой с обеих сторон крепко соблюдаем и хранен был"* [3]. И каким бы это ни казалось странным для наших современников, но тогдашние власти по обе стороны границы действительно пытались добросовестно выполнять положения мирных договоров. Довольно часто им это даже удавалось. Гораздо больше проблем делу поддержания мирных отношений создавали рядовые жители приграничья, которые мало обращали внимания на все эти договоры.

Пришлось полковнику Усу слать срочный запрос о своих дальнейших действиях в Сечь. Оттуда отправили запрос в Киев, к генерал-губернатору Михаилу Леонтьеву. И началась интенсивная переписка, часть которой сохранилась в деле № 6 архива Коша Новой Запорожской Сечи¹. Самые ранние из документов представляют собой реакцию Михаила Леонтьева на полученные известия. Письмо из Коша он получил 29 октября. Пару дней подумав над возникшей проблемой, уже 31 октября Леонтьев пишет два письма. Одно – ответ в Кош, второе – письмо крымскому хану Селим-Гирею. В обоих письмах,

---

1. Подборку писем можно посмотреть в Интернете по электронному адресу:
http://papacoma.narod.ru/articles/border_1747.htm

по канцелярскому обычаю того времени, сначала пересказывается содержимое предыдущих документов. Благодаря этому мы и знаем об обстоятельствах начала этого конфликта. Различаются только концовки писем. В письме Селим-Гирею Леонтьев напоминает об усилиях и с российской, и с крымской стороны по выполнению условий мирных *"трактатов"*. Он высказывает мысль, что Ногайская орда перешла Берду не по разрешению из Бахчисарая, а самовольно. Просит удалить ногайцев из российских пределов и запретить им подобные действия в дальнейшем [2, с. 245].

В письме запорожскому кошевому Павлу Козелецкому рекомендуется поступать *"по силе"* какой-то бумаги из Государственной коллегии иностранных дел, которая была отправлена из Киева на Запорожье еще 8 мая того же года [2, с. 424]. Запорожцам предлагается *"...к помянутой Ногайской орде от себя умных и к тому достойных старшин послать и со всей учтивостию спросить: "Для чего они за мирным между обоими высочайшими империями постановлением в точные российские земли вступили?" А потом с учтивостию ж требовать, дабы они конечно с тех российских земель съехали. Буде же и затем не съедут, то о том к хану крымскому от себя з жалобой писать и требовать достойной в том сатисфакции"*. Заодно поручалось, в случае отправки запорожской делегации в Крым, попутно там еще и собрать информацию *"секретным и искусным образом"*. В заключение своего письма Леонтьев еще раз запрещает устраивать ссору с татарами. И требует детального отчета о дальнейшем развитии событий после выполнения его инструкций [2, с. 424].

Но пока Кош и кальмиусский полковник ждали указаний из Киева о том, как им действовать, ситуация продолжала усложняться. 19 ноября все того же 1747 года Кош получил от полковника Уса новый рапорт. В нем говорилось о приходе новых ногайцев. Убедившись в том, что решительных и энергичных действий по выдворению первоначальных *"нарушителей"* пока не предвидится, за Берду переходят еще и семь ногайских мурз со своими стадами и *"с неколиким числом ногайцов"*. Туда же направляется около 100 овечьих отар с крымскими чабанами. Всего за Берду перешло от нескольких сот до двух-трех тысяч ногайцев и крымских татар. Расширилась и география их кочевания. Кроме уже упоминавшихся рек, ногайские кочевья стали отмечаться также на речках Коротян (видимо, нынешний Каратюк) и Камышеватой, на Белосарайской косе и даже достигли Кальмиуса.

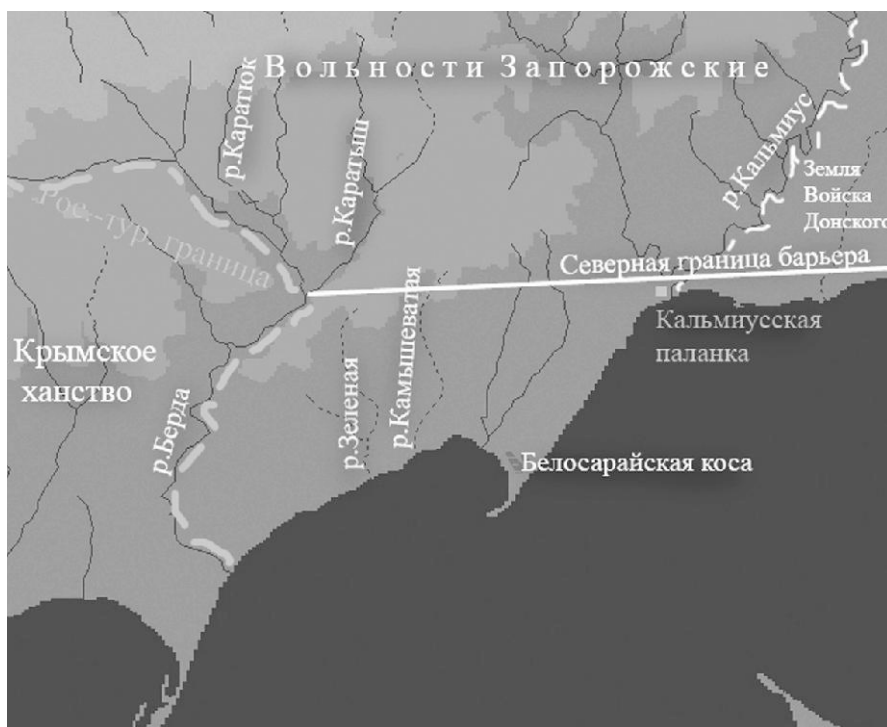

Рис. 1. Территория описываемых событий

В письме полковника отмечались случаи воровства пришлыми ногайцами коней и капканов для ловли зверя. И вновь приводятся утверждения ногайцев о том, что они находятся не на запорожской, а на своей территории. Это вызвало неуверенность у кальмиусского полковника по поводу правильности его представлений о прохождении русско-турецкой границы.

На этот раз Кош среагировал гораздо более оперативно. В тот же день были отосланы два письма. Одно – в Киев к Леонтьеву. В нем генерал-губернатору сообщались новые сведения. Также Кош фактически расписывался в том, что тоже не слишком уверен в реальном положении границы: *"Понеже мы, як между империями границу розвоженню не были"* и вновь просил инструкций [2, с. 423]. Уже упоминавшийся ответ Леонтьева от 31 октября в Кош еще не попал! На запрос же самого Уса Кош отвечал, что информация об этих событиях в Киев уже отправлена; когда будет оттуда резолюция, об этом будет сообщено кальмиусскому полковнику дополнительно. В общем, ничего самому не предпринимать и ждать указаний сверху [2, с. 417–418].

Судя по всему, запорожцам ведомства Кальмиусской паланки пришлось прожить в соседстве с ногайскими кочевьями не менее 1,5–2 месяцев. Соседство, конечно, было тревожным. В четырех из пяти уцелевших писем по этому инциденту содержатся жалобы на *"немалые обиды и воровства"*, которые ногайцы доставляют местным казакам. Более подробно это расписано лишь во втором письме Коша к Леонтьеву: *"... И делают козакам Войска Запорожского обиды и утеснение, а именно: которые козаки коня пустят пастис, а др[уг]ие железа для ловле зверя покладут, то они тотчас и воруют. Ежели же козаки Войска Запорожского те покраденние в них железа или кони в татарина опознают и отберут, то те татаре, несколько ч[е]л[о]в[е]к набежав, и отиймут, сказуючи: "Ви-де на нашем степу живете и ми в своем степу поволни. И ежели вам какое утеснение ест, то ви-де прежде нас от сего из степу изийдете. А ми имеем по самой Озов за свою отчину"* [2, с. 423].

Но вот что интересно: в те времена уже было в обычае (в том числе и на Запорожье) составлять реестры пострадавших от грабежа с подробными перечнями утраченного имущества. Это делалось в надежде когда-нибудь получить возмещение за утраты. Но в нашем случае кроме общих и расплывчатых фраз никакой конкретики не наблюдается! В уже процитированном выше отрывке не указано, ни у кого украли коней и *"железа"*, ни в каком количестве. Складывается впечатление, что изначально речь шла о каком-то одном конкретном случае, лишь потом для большего эффекта растиражированного во множественном числе. Иначе придется предполагать, что ногайцы регулярно воровали оставленные без присмотра лошадей и капканы, их регулярно на этом уличали запорожцы, и в ответ ногайцы каждый раз рассказывали заученный наизусть текст: *"Ви-де на нашем степу живете."* и т.д. Возможно, в дальнейшем будут отысканы дополнительные документы с подробностями по этим *"многим обидам и утеснениям"*. Но пока более обоснованной представляется мысль, что запорожцы, для вящего усиления драматизма, в своих рапортах несколько сгустили краски. И ногайцы, понимая всю шаткость своего пребывания к востоку от Берды, более-менее пытались сдерживать свои *"хищнические"* инстинкты. Отдельные случаи воровства так и не превратились в систему. По крайней мере, массового разорения и бегства обитателей местных зимовников по документам не прослеживается. Другое дело, что жить рядом с врагами, когда не знаешь, что им придет в голову на следующий день, психологически было не комфортно.

Теперь по поводу самой границы по Берде. В некоторых современных работах ее предпочитают называть запорожско-татарской. Причем начало ее относят к XVII веку, а конец – к 1771 году, когда Российская империя самовольно перенесла свою границу вглубь степи и включила Вольности Запорожские в свой состав. На самом деле, эта граница появилась только в октябре 1742 года. Тогда князь Василий Репнин и паша Хаджи Ибрагим Капыджа на съезде полномочных комиссаров подписали конвенцию о послевоенном положении границы между Российской и Османской империями на участке между

Днепром и Доном [3]. А вот как называют ее сами запорожцы в исследуемой нами переписке 1747 года: "...на степь и речки ея и [мператорского] в[еличеств]а границы пришли" [2, с. 423], "о приходе Ногайской орды в разние российской границы речок" [2, с. 426], "...для чего они... в точние российские земли вступили?" [2, с. 423] и т.д. Причем такие выражения употребляются Кошем не только во внешней переписке, но и во внутренней – с администрацией Кальмиусской паланки. Думается, запорожцы хорошо знали, о чем писали.

Но вернемся к ногайцам. С самого начала перехода за Берду они выдвинули четкие требования: "сказуя, что они **имеют оную степь за свою область**. И егда-де с той степи соити им крымской хан повелит и **явитца не в их границе** [выдел. авт. – LV], то-де они за выкорм той степи готовы Войску Запорожскому заплатить" [2, с. 424]. Т.е., они по какой-то причине считали, что продолжают иметь законные права на земли к востоку от Берды. Хотя и не были до конца в этом уверены ("...егда-де... явится не в их границе").

Интересно, что и кальмиусский полковник, и руководство Сечи поначалу не пытались оспорить территориальные претензии ногайцев. Они лишь запрашивали указаний сверху о своих дальнейших действиях и интересовались подробностями о реальном прохождении границы, ссылаясь на то, что в демаркации 1742 года они не участвовали. Уверенности в собственной правоте у них на этот раз не было. Это особенно заметно при сравнении с похожей ситуацией, случившейся двумя годами ранее.

В сентябре 1745 года под руководством специально уполномоченного российского офицера состоялась встреча запорожской и донской делегаций. Была предпринята попытка размежевать вновьприобретенные земли в Северном Приазовье между двумя Войсками на основе их прежних владений. Тогда запорожцы заявляли о своих исторических правах на все побережье от Берды и до Белого Камня (район к северо-востоку от Таганрога) [1, с. 24]. Что же изменилось за два года? Да ничего... Просто в 1745 году обе стороны пытались сообщить российским властям не вполне достоверную информацию. Но даже в самом худшем варианте ничего серьезней конфликта с донцами или денежного штрафа от центральных властей им не грозило. А вот озвучивать эту же версию ногайцам, у многих из которых на потерянных землях остались могилы предков, явно не стоило. Здесь бы уже дело дошло до сабель.

Но самое забавное, что и киевский генерал-губернатор не знал четко прохождения русско-турецкой границы на Берде! В уже упоминавшемся ответе Леонтьева в Кош от 31 октября он вначале дает инструкции по направлению к ногайцам "умных и к тому достойных старшин" для увещевания их об уходе из "точных российских земель". А в конце письма делает весьма красноречивую запись: "...Буде же они, нагайские татары, **на своих землях** [выдел. авт. – LV] кочуют, то им никакова в том препятствия не чинит и никакой причины к поссориванию не подават. И что по сему воспоследует, о том меня репортоват со обстоятельством" [2, с. 424]. Т.е., не исключалась возможность того, что вновь занятые ногайцами территории могут быть действительно ногайскими, а не запорожскими.

В чем же была причина того, что столь большое число и простых, и официальных лиц так затруднялись с определением принадлежности побережья между Бердой и Кальмиусом? А дело было в наличии так называемых "барьерных земель" в этих краях. Точнее – в недостаточной проработке их статуса и особенностей функционирования. А это привело к разному пониманию их принадлежности местным приграничным населением, что и отразилось в рассматриваемом нами инциденте 1747 года.

Остановимся на понятии барьерных земель подробнее. Впервые они появились здесь еще при Петре I (хотя тогда "барьерными" их, кажется, еще не называли). Если во второй половине 1690-х годов Петр осуществлял экспансию на юге, то с 1700 года он решает развернуть свои усилия на север, в сторону Швеции. Чтобы развязать руки со стороны Оттоманской Порты, 3 июля 1700 года с ней заключается Константинопольский мирный договор [4, с. 66–72]. В качестве одной из мер поддержания "покоя почивания и тишины"

для подданных обеих империй, статья V трактата предусматривала максимальное удаление друг от друга *"своевольников и зловольных"* с обеих сторон. Для этой цели было договорено создание обширного пояса *"порожных"* земель в Северном Приазовье и в Поднепровье (между Сечью и Очаковым). На этих землях запрещалось устраивать постоянные жилища и поселения (кроме одного специально оговоренного села на Днепре). Под этот же пункт, фактически, попадало и всякое крепостное строение.

В VI-й статье стороны оговаривали, что на этих землях, которые согласно трактату *"пусты быть должны"*, обеим сторонам позволялась сезонная хозяйственная деятельность. Так, *"только бы мирно и без ружья при пришествии и отшествии"*, разрешалась заготовка дров, содержание пасек, сенокос, вывоз соли, рыболовля, добыча зверя и т.д. Отдельно оговаривалось, чтобы из-за *"тесноты Крымского острова и помянутой заливы Перекопской"* выпас скота крымцами на порожних землях *"спокойно и безмятежно да состоится"*. Т.е. мирный труд и сотрудничество приветствовались. А вот лихие набеги казаков на татар (и наоборот), а также грабительские выходы казачьих лодок в Черное море запрещались целым рядом статей.

В целом, Константинопольский мирный договор не затрагивал вопросы конкретного прохождения границ. Прилегающий с юга к Азову район будет разграничен и демаркирован на местности Иваном Толстым и Хасаном Пашою только в 1704 году [5, с. 527–528]. Российско-турецкая граница на участке между Днепром и Бугом будет договорена (но без демаркации на местности!) Емельяном Украинцевым и Эффенди Кочь Магметом в 1705 году [4, с. 324–326]. Северному Приазовью повезло еще меньше. Константинопольский трактат описывает пределы этой порожней земли невнятно: *"...Да от Перекопского замка начинающейся заливы Перекопской двенадцати часов расстоянием простирающейся земли, от края даже до новаго города Азовскаго, который у реки Миуса реченной стоит, среди лежащие земли пустыя и порожния и всяких жильцов лишены да пребудут"* [4, с. 68]. Надо полагать, южная граница этих *"порожных земель"* проходила по северному берегу Сиваша и Азовского моря от Перекопского замка и до устья Миусского лимана, где тогда стоял российский Миусский городок (позже его будут называть Семеновской крепостью). С восточной стороны эти земли тянулись от Перекопа на север на двенадцать часов конного пути. Как задумывались остальные две стороны – сказать трудно. Должен ли это был быть прямоугольник, где западная сторона равна восточной? Или вытянутый клин с острием у Миусского городка? К сожалению, ни в письменных документах того времени, ни на картах первой трети XVIII века примеров функционирования и очертания *"порожных земель"* автору найти не удалось. Это, видимо, косвенно указывает на то, что всерьез этот вопрос никто тогда не рассматривал и механизм *"порожных земель"* в тот раз так и не заработал, иначе возникла бы необходимость в четком определении и обозначении на местности этих границ. Другой вопрос, насколько хорошо поняло эти положения мирного договора местное начальство с обеих сторон и насколько довело их до сведения рядовых казаков и ногайцев.

Что происходило в те годы в *"порожных землях"* Северного Приазовья, сказать трудно. Некоторые подробности об эпизодическом появлении здесь запорожцев и донцов можно почерпнуть из их воспоминаний на дебатах 1745 года [1, с. 24; 11, с. 31–40]. Возможно, подкочевывали и ногайцы. Но для понимания этого периода еще нужна проработка источников. Пока же остается лишь общее ощущение заброшенности, малолюдности и редкой посещаемости этих территорий, отсутствия тогда хозяйственного интереса к ним. Впрочем, в таком *"подвешенном"* состоянии, без четких и однозначных границ Северное Приазовье оставалось недолго. В 1711 году армия Петра потерпела поражение у реки Прут. В июне 1713 года было договорено общее очертание новой границы на участке между Днепром и Доном [6, с. 36–43]. А уже в июле 1714 года комиссары Степан Колычев, Ибрагим Ага и Мегмет Эффенди закончили демаркацию этой границы – через междуречье Самары и Орели и южнее Северского Донца [6, с. 119–121]. Она, вероятно, стала первой четко оговоренной, демаркированной и

признанной международными договорами границей в наших краях. Северное Приазовье снова вернулось в состав Османской империи.

К новому изменению границ привела русско-турецкая война 1735–1739 годов. В завершившем ее Белградском мирном договоре (сентябрь 1739 года) территориальные изменения прописаны были мало. Договорились только, *"что границы обеих империй быть имеют те, как учреждены и постановлены были в прежних трактатах"*. Но поскольку понять эти *"прежние трактаты"* было уже сложно, то должен был появиться новый договор, в котором *"оныя явственны толкованы будут"*. В целом, Белградский договор 1739 года по многим позициям был хуже для России, чем Константинопольский 1700 года. В частности, вновь захваченный русскими Азов теперь должен был быть разорен, а его округа *"по учрежденным границам 1700 года трактата, имеет остаться пустая, и между двумя империями барьером служить будет"*. Это, кстати, было первое применение понятия "барьер" относительно Приазовья. Также должны были оставаться разрушенными и укрепления Таганрогского полуострова [7, с. 890–894].

Через две недели появилась Нисская конвенция, достаточно четко оговаривавшая новые границы. Что касается земель между Днепром и Доном, на этот раз договаривающиеся стороны не стали брать за образец аморфные *"порожные земли"* времен Петра I. Граница между Российской и Оттоманской империями была проведена по Конке и Берде, с небольшим сухопутным участком между их верховьями. То, что осталось к югу и западу от этих рек, оставалось за Турцией, к северу и востоку, за небольшим исключением, – к России. Это исключение было прописано в 3-м артикуле: *"Что касается до земли, лежащей между помянутою рекою Большою Бердой даже до реки Миуса, границы таким образом определены да пребудут, как оне постановлены были мирным Трактатом, заключенным между обеими Империями в 1700 году"* [7, с. 914–915].

О том, что имелось в виду в 3-м артикуле Нисской конвенции, можно лучше уяснить из текста "Инструмента, заключенного при вершине реки Большой Берды". Он был подписан 12 октября 1742 года и завершил официальную демаркацию границ между Днепром и Миусом. Вот что в нем говорится: *"...И между помянутыми реками [Конкой и Бердой – LV] в полуденной стороне, вся земля осталась к Оттоманскому Империи, в полуночной же стороне вся земля Всероссийскому Империи, а от развилины реки Большой Берды даже до Нового города, который имеется в том месте, где река Миус в Азовское море впадает, во всем быть непременно, по [со]глашению 1700 года Трактата и Конвенции о границах; река же Конская воды, даже до впадения ее в Днепр вместо знаков граничных утверждена; от впадения ж Конских вод вниз река Днепр между обеих Империй оставлена; в помянутых же реках подданным обеим Империй без нарушения пользоваться позволяется; и по тому начало границ есть от вершины реки Конских вод и конец у Нового города, который при впадении реки Миуса в Азовское море стоит* [выделения автора – LV]" [5, с. 671–672]. Т.е. российская и турецкая границы в интересующем нас районе не совпадали! Турецкая граница шла вдоль Берды и заканчивалась у ее устья. А российская от истока Большой Берды шла вдоль нее до некоей *"развилины"*, а оттуда прямой линией через степь к устью Миусского лимана. **Получается, что все побережье Азовского моря между Бердой и Миусом являлось не "точными российскими землями", с которых так настойчиво пытались выдворить ногайцев, а нейтральными территориями, не принадлежавшими ни одной из империй! И на которых, согласно российско-турецким договорам 1700 и 1739 годов, население обеих сторон имело полное право заниматься мирной хозяйственной деятельностью.** С юридической точки зрения ногайцы могли пользоваться этими землями на тех же основаниях, что и запорожцы.

Осталось только выяснить, что такое *"развилина"* Берды, от которой поворачивала российская граница? Четкий ответ можно найти на географических картах середины XVIII века. На многих из них показано положение барьерных земель в Северном Приазовье. Зачастую эти земли сопровождались и красноречивыми надписями.

Например, на карте Бибикова 1749 года написано следующее: "Земля, которая между обеими империями останется впусе по трактату 1700 году". На ней же вдоль Конки и Берды написано "Российская и Турецкая граница", а над северной оконечностью нашего барьера – "Новая сочиненная граница", эта надпись продолжается вдоль южного барьера – "[с 1]740 по [1]742 год" (рис. 2).

Рис. 2. Фрагмент карты Бибикова 1749 года [8]

На большинстве подобных карт граница поворачивает от места впадения в Берду левого притока, подписанного "р. Ратичь" или "речка Ратичь", что явно означает несколько искаженное название реки Каратыша. Похоже, что осенью 1747 года наши ногайцы, по большей части, оказались на территории барьерных земель. Лишь в двух местах – на Каратыше и Каратюке – они точно вышли за барьер, на действительно российскую территорию.

Чтобы завершить тему барьерных земель, стоит отметить еще два момента. Первое: северная граница этих земель так и осталась "бумажной". Она попала на карты, но не была никак обозначена на местности или хотя бы словесно описана. Поэтому требовать от казаков знания того, где именно кончается барьер и начинается собственно российская территория, явно не стоило. У них просто не было возможности это узнать. Второе: согласно картам, последние 4–5 км нижнего течения Кальмиуса входили в барьер. Поэтому устройство запорожцами при устье реки своего кальмиусского сторожевого укрепления входило в явное противоречие с русско-турецкими договорами. Вероятно, со временем удастся найти документы с турецкими претензиями по этому поводу. Пока же можно привести лишь один случай. Мы знаем ответ хана Крым-Гирея 1762 года на какой-то неизвестный нам запрос запорожцев: "Кальмиус имянуемое место не токмо нам, но вообще и всему татарскому народу не ведомо" [9, с. 51]. Здесь, скорее всего, отражен не факт незнакомства крымских татар с этим названием, активно использовавшимся в наших краях как минимум с 1570-х годов. По-видимому, здесь мы наблюдаем всего лишь отказ в легитимизации расположенного в барьерных землях запорожского поселения Кальмиуса. Вероятно, этим же "неудобным" моментом объясняется и отсутствие Кальмиусской

паланки на абсолютном большинстве географических карт середины XVIII века. Пока удалось найти только одну карту с ее отображением (рис. 3).

Рис. 3. Фрагмент карты Ригельмана 1768 года

Но пора вернуться к истории с ногайцами. 25 ноября 1747 года в Кош, наконец, дошло из Киева письмо Леонтьева от 31 октября. Где оно обреталось без малого месяц, мы не знаем. Прочитав письмо, запорожская старшина, вероятно, долго размышляла. Но, в конечном итоге, не придумала ничего лучшего, чем препоручить реализацию замысла киевского руководства кальмиусскому полковнику Усу. В письме ему было почти дословно скопировано указание Леонтьева о посылке "умных и к тому достойных старшин" к ногайцам и рекомендуемое содержание их речей. В конце же требуется от полковника сообщить о том, чем закончатся порученные мероприятия. Чтобы, в случае чего, Кош направил свое письмо к хану Селим-Гирею. Также сообщается о том, что от Леонтьева к хану протест уже отправлен [2, с. 426].

Это было последнее из найденных писем по данному пограничному инциденту 1747 года. Как все закончилось, мы, к сожалению, не знаем. Понятно, что, так или иначе, но ногайцев за Берду таки выдворили. Удалось ли с них получить обещанную плату? Сомнительно... Упомянутая в письмах якобы обещанная тысяча рублей – громадная сумма по тем временам. Достаточно сказать, что денежная часть ежегодного довольствия, поставляемого в эти годы Российской империей ВСЕМУ Войску Запорожскому, составляла 4 660 рублей. Кошевой получал 50 рублей, войсковые писарь и есаул – по 30, куренные атаманы – по 16 рублей и т.д. Но, в любом случае, главное, что на этот раз смогли обойтись без крови. **Наступал период, когда в головах и казаков, и кочевников начала укрепляться одна непростая, но очень важная мысль. Что торговать и сотрудничать может быть гораздо выгоднее, чем грабить и убивать друг друга.**

Пройдет еще немного времени, и процесс прихода крымских стад и табунов в российскую часть Северного Приазовья будет упорядочен. Его, если можно так выразиться, коммерциализируют и поставят на поток. В 1773 году через наши края проезжал академик Гильденштедт. В своем дневнике он отмечает: *"До войны [т.е. до 1768 года – LV], когда окрестности Таганрога представляли еще пустыню, Запорожцы за известную пошлину, взимаемую овцами, позволяли Крымским татарам переходить через Кальмиус со скотом, который они и пасли летом на всем пространстве до Самбека, откуда к осени возвращались в Крым; но самое это пространство, по мирному договору 1700 года, принадлежало России"* [10, с. 222]. К сожалению, начало русско-турецкой войны (1768–1774 годов) в очередной раз сорвало эти успехи мирного времени и снова разворошило уголья ненависти в душах населения Степи по обе стороны границы...

Документы, касающиеся ведомства Кальмиусской паланки запорожцев, сохранились в весьма большом количестве. Найти их особой проблемы не составляет. Нужно только время, энергия и совсем немного удачи. Вероятно, оптимальным для написания общей истории этой административной единицы является представленный выше метод. Его суть – поиск цепочек документов по определенным сюжетам и простой их пересказ с минимумом окологисторических штампов, литературщины и современной политики, зато с максимумом следования содержанию документов. И тогда, рано или поздно, история этого недолгого, но важного этапа жизни Мариупольщины постепенно раскроется во всей своей непритязательной красоте.

Использованные источники

1. LV. Кальмиусская паланка. Ревизия начал // Мариупольский краеведческий сборник. – Мариуполь: Рената, 2010. – С. 15–28.
2. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. – Том 1 / упор. Л. З. Гісцова, Д. Л. Автономов та ін. – Київ, 1998.
3. Русско-турецкий Белградский мирный договор 18 сентября 1739 года // Международная военно-историческая ассоциация : официальный сайт. – Режим доступа: http://www.imha.ru/knowledge_base/library/r-library/1144524321-russko-tureckijj-belgradskijj-mirnyjj.html
4. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое. 1649–1825 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – Т. IV : 1700–1712 гг. – СПб, 1830. – 890 с. // Электронная библиотека Руниверс. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book3130/9812/>
5. ПСЗРИ. Собрание первое. 1649–1825 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – Т. XI : 1740–1743 гг. – СПб, 1830. – 991 с. // Электронная библиотека Руниверс. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book3130/9819/>
6. ПСЗРИ. Собрание первое. 1649–1825 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – Т. V : 1713–1719 гг. – СПб, 1830. – 782 с. // Электронная библиотека Руниверс. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book3130/9813/>
7. ПСЗРИ. Собрание первое. 1649–1825 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – Т. X : 1737–1739 гг. – СПб, 1830. – 990 с. // Электронная библиотека Руниверс. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book3130/9818/>
8. Бибилов И. А. Достоверная Ландкарта меж рек Днепра и Донца на разстояниях от устья Самары до Изюма и Луганской станицы, сочиненная 1749 года в сентябре и октябре м[еся]цах // Папакома : Забытые страницы истории Северного Приазовья : авторский сайт. – Режим доступа: http://parasona.narod.ru/maps/map_bibikov_1749_1753.htm
9. Отін Є. С. Гідроніми Східної України. – Київ; Донецьк: Вища школа, 1977. – 156 с.
10. Дневник путешествия в южную Россию академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773–1774 г. (перевод с немецкого) // ЗООИД. – Т. 11. – Одесса, 1879. – С. 204–228.
11. Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. – Т. 1. – К. : Наукова думка, 1990.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РОССИИ В СЕВЕРНОМ ПРИАЗОВЬЕ В 1735–1739 ГОДАХ

О событиях русско-турецкой войны 1768–1774 годов в нашем регионе вспоминают часто. Ведь ее следствием стало включение земель Северного Приазовья в состав Российской империи, заселение их представителями разных народов, основание сел и городов, среди которых был и Мариуполь. О предшествующей такой же войне 1735–1739 годов у нас говорят значительно реже. А ведь и тогда военные операции разворачивались в Северном Приазовье. Упомянется в связи с ними и устье реки Кальмиус.

Для нас события тех лет интересны ещё и потому, что не смолкает дискуссия о дате основания Мариуполя и о том, кому принадлежит роль его основателя. Поэтому мы столь тщательно всматриваемся вглубь столетий, ищем приметные имена и события, чтобы приблизиться к разгадке нашей тайны.

Одна из версий возникновения города или хотя бы небольшого укрепления в устье Кальмиуса – вслед за не очень ясным упоминанием А. А. Скальковского – это время организации Новой Сечи в 1734 году [1, с. 79; 2, с. 8]. Попробуем проверить эту версию, опираясь на данные о русско-турецкой войне 1735–1739 годов. А заодно вспомним ряд известных военных полководцев начала XVIII века, чья деятельность протекала в Северном Приазовье, а значит, их имена принадлежат и истории нашего края.

Фельдмаршал П. Ласси

Фельдмаршал Х. Миних

С этой войной связаны имена крупнейших российских военачальников первой половины XVIII века: графа П. Ласси, Б. Х. Миниха, вице-адмирала П. П. Бредалья и ряда

других, а также их коллеги-иностранца, оставившего мемуары о тех далеких временах, – Х. Манштейна¹. Он оставил важнейший документ по истории России первой половины XVIII века, этой бурной эпохи, наполненной интригами, переворотами и страстями, – «Записки исторические, гражданские и военные о России с 1727 по 1744 год с дополнением достаточного сведения о войске, флоте, торговле и проч. сей обширной империи» – и снискал скандальную славу. Он же был современником и свидетелем многих важных событий, оставил целый ряд ярких характеристик российских деятелей той эпохи.

---

1. Уроженец Ирландии граф **Питер Лэси (Ласси)** (1678–1751) прошел школу военной службы на родине, а затем во Франции, Австрии. В Россию попал при Петре I, участвовал в Северной войне (1700–1721) и Прутском походе 1711 г. Он был членом Военной коллегии России и имел чин генерал-лейтенанта. Служил и при Екатерине I, и Петре II, а императрица Анна Иоанновна произвела его в фельдмаршалы за победы в войне против Польши. П. Ласси был главнокомандующим русской армии в войне против Швеции (1741–1743), а в 1740 г. был пожалован в рейсграфы Священной Римской империи. Он пользовался расположением и Елизаветы Петровны. Попытка шведов ликвидировать приобретения России на Балтике после побед при Петре I не удалась благодаря действиям армии Ласси. Как и в предыдущей кампании, он действовал осмотрительно, заботился об армии: ее снабжении, снаряжении, питании солдат, дорожил их кровью. Ласси имел славу неустрашимого полководца, применял военные хитрости, но всегда сторонился политических интриг. Скончался Ласси в должности лифляндского генерал-губернатора в Риге.

Немец **Бурхард Христофор фон Миних** (1683–1767) обучался военному искусству у отца, служившего датскому королю, а затем служил правителям Франции, Польши, земель Гессен и Саксонии. Его "коньком" было инженерное искусство – строительство укреплений, каналов, шлюзов, и именно в качестве инженера он и поступил на службу в Россию при Петре I. Был он и генерал-губернатором Петербурга. При Анне Иоанновне он сблизился с ее фаворитом Э. Бироном, стал президентом военной коллегии (то есть военным министром), фельдмаршалом [3, с. 222–250]. Миних провел не очень удачную военную реформу в России, а также по его инициативе построили дорогостоящие линии укреплений, не сыгравшие решительной роли в обороне юга страны. В русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Миних был главнокомандующим. После смерти Анны Иоанновны в 1740 г. и бунта гвардии против Э. Бирона – регента при наследнике престола младенце Иоанне – он совершил дворцовый переворот и сместил Бирона. На короткое время Миних стал первым министром. Но следующая императрица Елизавета Петровна в 1741 г. отправила его в ссылку в Сибирь, где он провел 20 лет. Екатерина II, которую он поддержал после восшествия на престол, назначила его директором Ревельской и Нарвской гаваней Кронштадского и Ладожского каналов. И хоть солдаты, ценя его личную храбрость, называли Миниха "соколом", они же и роптали по поводу ошибок фельдмаршала в сражениях, приводивших к большим людским потерям.

Бредаль Пётр Петрович (1683–1756) – норвежец по происхождению, вице-адмирал русского флота. На службе в России с 1703 г. Был представлен Петру I и выполнял его поручения. Создал Азовскую флотилию и командовал ею во время войны 1735–1738 гг. С 1741 г. – командир Архангельского порта. В период войны со шведами в 1742 г. попал с эскадрой в шторм и вернулся в Архангельск, его обвинили в измене. 11 лет ждал суда, хоть его оправдали ещё в 1744 г. Умер, так и не узнав о помиловании [4, с. 633–634].

Христофор-Герман Манштейн (1711–1757) родился в Санкт-Петербурге и начал обучение и занятия военным делом под руководством отца, а затем учился в Нарвском и Берлинском кадетском училищах. В 1736 г. он поступил на русскую службу и принял участие в операциях войны 1735–1739 гг. под руководством Миниха [4, с. 361–362]. Он воевал честно, и был не раз ранен в этой войне. В 1738 г. он был в чине премьер-майора, а с 1740 г. – полковника. Однако в России не прижился, и самовольно покинул страну в 1744 г. после ряда отказов в прошениях о выезде на лечение в Германию. Он подал прошение об отставке, не возвращаясь в Россию. Отставку так и не получил, зато из-за интриг недоброжелателей в 1746 г. был осужден как дезертир и подлежал смертной казни через повешенье с конфискацией имущества. Манштейн публично был объявлен негодяем, а к виселице была прибита доска с его именем [4, с. 362–378; 5]. Сам Манштейн в это время уже был в Пруссии, где дослужился до генерал-майора. В конце 1740-х гг. он написал мемуары – «Записки о России...», которые выдержали 13 изданий на английском, немецком, французском, русском языках. Вследствие навета в 1756 г. Манштейна пытались привлечь к ответственности за якобы подготовку государственного переворота в России, но он не поддавался на провокацию. Погиб Манштейн во время сражения, о чем сообщил в своих записках прусский король Фридрих II.

Россия вступила в войну 1735 года, чтобы овладеть Азовской крепостью и поставить под контроль татар. Турция вела войну, чтобы не отдавать Азов и в знак протеста против вмешательства России в польские дела. Кампания 1735 года была малорезультативной: Миних так и не приступил к осаде Азова, а его сподвижник генерал-лейтенант М. И. Леонтьев не дошёл даже до Перекопа, причём потери в его войске составили до 9 тысяч человек и 9 тысяч лошадей.

Кампании 1736–1739 годов велись параллельно двумя армиями: одну возглавлял главнокомандующий Миних, вторую (Донскую) – фельдмаршал Ласси. Осаду Азова в марте 1736 года начал Миних, а затем продолжили войска под руководством Ласси. 20 июня крепость пала. Пытался Ласси пройти и в Крым, где действовали войска под руководством Миниха.

2 августа одна из трёх колонн сухопутных войск во главе с Ласси и Дебрины выступила из Азова. Это были 3 000 гренадёров из всех полков и конные драгуны Псковского полка с двухмесячным запасом продовольствия. Они должны были пройти степью через Таганрог, Кальмиус, Молочные Воды в Крым, как и 6 000 донских казаков, которые накануне вышли из Азова под командованием атамана Ивана Краснощёкова. Остальные сухопутные войска шли через крепость Святой Анны (севернее современного г. Ростов-на-Дону), Луганск, Изюм, Царичанку (возле устья реки Орели вблизи Днепра). Колонна под руководством Ласси дошла до реки Миус. Здесь 8 августа авангард войск встретил 7 украинских казаков, которые сообщили, что Миних ушёл от Перекопа, а войска генерала Шпигеля – от бродов на Гнилом море (Сиваше?) [6, с. 290] или от Бердянской косы и следовали к Бахмуту (современный г. Артёмовск). Ласси отправил посыльных проверить информацию, а также передать отряду Краснощёкова, чтобы он прибыл на Миус. 14 августа, получив от Шпигеля подтверждение отхода Миниха от Крыма, Ласси двинулся вверх по реке Миус и отвёл свой корпус на зимние квартиры к Украинской линии, поближе к Северскому Донцу [6, с. 229–230, 290–291; 7, с. 297–299]. Но у отдельных авторов упоминается движение войск до реки Кальмиус [4, с. 93; 8, с. 8]. Запорожские казаки и украинские слободские принимали участие в операциях 1736 года в составе войск Миниха, который двигался вдоль Днепра [6, с. 290–291].

В целом итоги кампании 1736 года были неутешительны: при потерях до половины личного состава армий от болезней, нехватки воды и продовольствия, русские так и не закрепились в Крыму. Один из историков так оценивал действия Миниха: *"Если бы военные действия продлились дольше, то фельдмаршал вернулся бы в Петербург с одной своей ученой головой и тактикой, к делу не приложенной"*. Характеризуя деятельность Миниха, Манштейн писал: *"В обращении своем Миних был слишком суров: он часто без надобности изнурял солдат... Зной до того изнурял людей, что многие из них падали мертвыми на ходу... А что довершило расстройство армии, так это несогласие, господствующее между главными начальниками..."* [4, с. 96]. Основным же достижением кампании этого года стало взятие Азова и закрепление его за русской армией.

Печальный опыт 1736 года по-своему обобщил адъютант генерал-майора Бирона, оставивший «Записку о том, сколько я памятую о Крымских и Турецких походах». Вот его мнение: *"Ежели я смею сказать свое мнение о завоевании Крыма, то я сие не почитаю за такое дело, которое бы в одну кампанию совершить было возможно. ...Надлежит, по учрежденной в последнем мире границе (коя составляет от Днепра до Азовского моря около 150 верст и по двум рекам, Конские Воды и Берды, простирается) редуты и ретраншементы построить, кои б провиантом, фуражем и всеми потребностями для солдат снабжены были, дабы в случае, когда армия или корпус к осени принуждены будут возвратиться, то бы там иметь могли свои винтер или кантонир-квартиры; тогда-то можно будет Перекоп и Кинбурн удержать за собою, и нужды не будет оные покидать, чтоб на будущий год паки брать"* [9, с. 265].

Операции 1737 года были спланированы более четко. Так, Миниху удалось взять крепость Очаков. Ласси совершал поход в Крым (вышел из Азова 4 мая) с сухопутными

войсками общей численностью до 25 тысяч человек (13 драгунских полков, 20 пехотных, 10–12 тысяч казаков и калмыков) [6, с. 424; 8, с. 9]. Опыт похода 1736 года показал важность включения донских казаков в состав действующих армий, что и было повторено в 1737 году. Отношения русской армии и запорожцев были более натянутыми – главнокомандующий Миних не очень доверял им. Но, учитывая, что они могли принести большую пользу в качестве отменных разведчиков и диверсантов против турок и татар, русские командиры привлекали их к боевым действиям.

В походе Донской армии принимали участие генерал-аншеф В. Я. Левашов, генерал-поручик Дуглас, генерал-майор Еропкин, Бриньи младший, генералы Шпигель и Брильи и другие [4, с. 123]. Понтонов для переправы через реки армия Ласси не брала, т.к. считала, что все степные реки можно перейти вброд или построить гати [6, с. 327]. Сбор сухопутных войск Ласси был назначен весной на реке Миус напротив Павловской крепости. А 15 мая, разделив армию на несколько колонн, Ласси вдоль берега Азовского моря пошёл отсюда на запад. Его должна была поддерживать Донская гребная флотилия². На реке Большой Еланчик войска построили один из редутов для охраны связи с Азовом [4, с. 123; 6, с. 424].

Донская флотилия на 449 лодках двумя дивизиями, возглавляемыми капитанами П. Дофремерием и Виллим Кензи, с боеприпасами и продовольствием 19 мая вышла из Таганрога под общим командованием вице-адмирала П. Бредаля. Войсками на судах (10,6 тысяч человек) командовал генерал-лейтенант В. Я. Левашов. К флотилии присоединились 66 лодок донских казаков под руководством полковника Астафьева [6, с. 425; 8, с. 10]. При движении флотилии П. П. Бредаля совместно с лейтенантами князем Несвицким, Языковым, Кашперовым провёл гидрографические исследования вдоль северного побережья Азовского моря и в устье Кальмиуса, а также составил донесение в Адмиралтейство. В нём упоминаются косы в устье Кальмиуса³ [11, с. 3].

Вблизи устья Кальмиуса пехота Ласси простояла несколько дней, ожидая прибытия флотилии Бредаля. Здесь также был построен редут [6, с. 424]. 24 мая Донская флотилия прибыла сюда же [8, с. 10] и поднялась на 10 верст вверх по реке. А 27 мая её силами здесь был наведён мост на 22 лодках, по которому войска генерал-фельдмаршала Ласси перешли на правый берег. Одновременно с судов флотилии были выгружены привезенные для армии провиант и снаряжение [6, с. 425].

Локализацию этого моста, который мог находиться примерно между Волонтеровкой и Гнилозубовкой, попытался провести мариупольский краевед, работающий под псевдонимом LV. Он же считает, что именно этот мост через Кальмиус изображён на рукописной карте 1739 года с подписью "*мостъ на лоткахъ*". Карта составлена по поручению Бредаля капитаном Данилом Герценбергом, бывшем на Азовском море в 1736–1739 годах [8, с. 30]. Она хранится в Москве, в отделе картографии Государственного исторического музея [13].

На Кальмиусе Ласси и Бредаля провели ряд совещаний, решив двигаться к Сивашу. Причём сухопутные войска должны были идти максимально близко к береговой черте. Было решено, что если флот Бредаля прибудет раньше пехоты к указанному пункту, он должен был подождать здесь войска Ласси.

---

2. У флотилии была своя предыстория. В сентябре 1735 г. командующим Донской (Азовской) флотилией был назначен контр-адмирал П. П. Бредаля. В 1736 г. для флотилии из морских полков сформировали морской батальон майора Коробанова в составе 900 человек. Тогда же часть войска Донской армии принимали участие в блокаде турецкой крепости Азов [10].

3. Бредаля провёл исследования в устье Кальмиуса, видимо, как представитель экспедиции, созданной в конце 1736 г. специально для восстановления Таганрога. Она работала под контролем Сената, в неё входили инженеры по гидротехнике и фортификации, офицеры флота, представители Адмиралтейства и Военной коллегии. Руководство этой экспедицией по линии Адмиралтейской коллегии было возложено на вице-адмирала П. П. Бредаля, а от Военной коллегии – на генерал-майора Дибриния [12].

В устье Кальмиуса под командованием Дугласа прибыли из Бахмута драгунские полки, пополнившие сухопутные войска. А к флотилии присоединились 49 лодок с провизией, боевыми припасами, обслугой артиллерии и инженерами, а также бот с пятипудовой мортирой (80 кг). 16 пустых лодок Бредаль вернул в Азов. Пехотинцы продолжали по ходу движения армии строить редуты – на реке Берде и т.д. А на Молочных Водах построили стержанц, где расквартировался госпиталь [6, с. 425].

Фрагмент карты Азовского моря
Д. Герценберга. 1739 г.

30 мая Донская флотилия с 345 лодками двинулась из устья Кальмиуса вдоль побережья Азовского моря к Геничи (ныне г. Геничеськ), прикрывая армию с моря и доставляя ей провиант и снаряжение [6, с. 425].

При достаточно подробно описанных войсковых соединениях и их продвижении мы не находим в военных донесениях ни одного слова о присутствии запорожских казаков в устье Кальмиуса, их укреплениях, наличии военных соединений, проводников, о Кальмиусской паланке и её населении или полковниках. Причём следует учесть, что русская армия находилась в устье Кальмиуса около двух недель, построила здесь редут, флотилия маневрировала по реке Кальмиус, то есть основательно обосновалась на местности. И, конечно же, если бы в устье Кальмиуса существовали хоть какие-то признаки оседлого жилья и тем более укрепления, о них бы не преминули упомянуть в военных донесениях.

Несколько подробнее остановимся на картах военных походов этого периода и редутах. Существует не менее 20 карт, учитывая разные редакции, отражающих события войны. На некоторых указаны построенные редуты и маршрут продвижения русских войск в Крым вдоль побережья Азовского моря в 1736–1737 годах, причём путь показан по-разному. Так, на картах «Provinciarum Turcico tartaricarum inter Tanaim Borysthenem...», «Carte exacte de la chersonese Taurique...» – вдали от побережья, приблизительно в среднем течении Кальмиуса, а на карте «Nouvelle Carte de la Crimée...» – ближе к побережью [14].

Даём выдержки из «Изъяснения» к двум картам того периода, хранящимся в картографическом отделе Библиотеки Академии наук России (Санкт-Петербург). Одна из них называется «Teatrum belli anno MDCCXXXVII a milite augustae russionum imperatricis adversus Turcas Tattarosque gesti», то есть «Театр войны 1737 года, которую вела армия русской императрицы против турок и татар», а вторая – «Verus Chersonesi Tauricae seu Crimex conspectus adjacertium item regionum itinerisque ab exercitu rutheno anno MDCCXXXVI et MDCCXXXVII adversus tataros suscepti», или «Точное описание Херсонеса Таврического или Крыма с прилегающими к нему областями и с указанием маршей российской армии 1736 и 1737 годов против татар».

В частности, на одной из карт указано:

"...О. Место собрания бывшей под командою его превосходительства господина генерала-фельдмаршала фон Лессиа армии у реки Миуса против крепости Павловской.

...Q. Для лучшей коммуникации при реке большом Уланчике [Еланчике] сделанной редут.

R. Другой редут при реке Калмиус.

S. Первой рандеву армии с флотилией при реке Калмиус.

T. Редут при реке Берде...

Описание рек

...Калмиус. Имеет чистую воду и довольство рыбы. В устье сея реки воды больше не

будет как на три фута. В сию реку впаля речка Холчик [Кальчик], которая добрую воду и довольно рыбы имеет.

...Берда. В ней грунт весьма каменистой, а по берегам корму мало, устье широко, но песком занесено, которое хотя на 15 сажен в море и прорыли, токмо потом из оног вода в море так сильно выбежала, что только одни лодки или небольшие шлюпки ходить могут..." [15, с. 151, 153].

**Фрагмент карты
«Nouvelle Carte de la Crimée...». 1737 г.**

По пути следования Ласси приказал соорудить несколько редутов для сообщения с Азовом. Редут – это полевое или временное укрепление в виде квадрата или многоугольника, опоясанное валом и рвом, с проходом в самой безопасной линии. Размеры его, в зависимости от величины гарнизона, – от 25 до 100 м в поперечнике. Его, как правило, охраняет гарнизон с приданными 2–4 пушками. Редуты строили, чтобы обеспечить питание армии, движение почты, контролировать ситуацию в степи, устраивать места сбора больных или раненых и для других целей. Для этих несложных земляных укреплений выбирались стратегически удобные места, прежде всего связанные с дневным переходом армии и наличием воды, природных рубежей (рек, балок), переправ.

На некоторых картах военных походов на правом и левом берегах у устья Кальмиуса есть условные обозначения в виде прямоугольников, на других же они нанесены на левом берегу Кальмиуса и на левом берегу вблизи устья Кальчика. Но что они обозначают, не ясно, т.к. нет расшифровки. На «Карте о военных экспедициях при Чёрном и Азовском море Ея Императорского Величества побеждающих российских армий. 1736, 1737 и 1738 годов» из серии «Театр войны», хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва), обозначены переправа русских войск через Кальмиус, а также редут на Еланчике и между правым берегом Кальмиуса и левым берегом Кальчика – выше переправы через Кальмиус. Тут же прямоугольниками с двухцветной раскраской нанесены, вероятно, лагеря армии [16]. Таким образом, переключается информация из донесений и на картах.

От устья Кальмиуса сухопутные войска в 1737 году двигались берегом поближе к морю, а флот непосредственно морем, и 10 июня армия прибыла к Сивашу [4, с. 123]. В районе Сивашского залива Ласси провел дерзкий и решительный маневр. Он не стал штурмовать укрепления Перекопа, а прошел на Крымский полуостров по Арабатской стрелке и неожиданно для татар вошел в Крым. 12 июля 1737 года татары были разбиты под Карасу-Базаром, русская армия разорила окрестности Бахчисарая. Однако, и на этот раз она ушла из Крыма, захватив лишь большую добычу.

Остатки истрёпанной стихией и военными действиями Донской флотилии под руководством капитана Лунина и лейтенанта Брамса были отправлены в середине августа в Азов. 14 августа 1737 года П. Бредаль вместе с солдатскими и морскими командами по побережью отправился в Азов сухопутным путём [8, с. 28].

А 10 и 12 сентября в Азов пришел отряд из 140 лодок, который, находясь на реке Кальмиус, доставлял для армии провиант [17, с. 79].

Новый поход в Крым в 1738 году также осуществляла армия Ласси. Войска перед выходом в поход должны были сосредоточиться в Бахмуте и у верховьев Кальмиуса, а Донская флотилия – в Таганроге. 30 апреля Ласси с войсками вышел из Бахмута, следуя к Кальмиусу, а Бредаль приказал двигаться к Берде, куда намеревался попасть к 15 мая.

8 мая от урочища Вершина Волчьих Вод двумя колоннами сухопутные части двинулись на юг и достигли Берды 19 мая. Здесь же к армии Ласси (15 пехотных, 7 драгунских и 6 ландмилицких полков, 6 пушек, 4 мортиры, 3 гаубицы) присоединились 4 832 донских казака, а несколько ранее – 1 385 калмыков.

Донская флотилия 18 апреля (100 лодок с трёхфунтовой пушкой каждая, здесь же были уже 1 500 донских казаков под руководством походного атамана Петрова) вышла из Азова во главе с П. Бредалем. В устье Дона к ней присоединились ещё 100 лодок донских казаков. 25 апреля она была в устье Кальмиуса. Бредаль высылал оттуда суда для контроля над акваторией и турецким флотом. Они доходили до Бердянской косы, не встречая врага, хоть 30 апреля пострадали от сильного шторма. 3 мая к флотилии прибыли ещё 48 лодок с донскими казаками и провиантом. По распоряжению Ласси флотилия Бредалья снялась с якоря 8 мая, а уже 11 была в устье Берды. Сюда же 23 мая пришли из Азова ещё 60 лодок с 3 000 донских казаков.

Тогда же (с 19 по 23 мая) был построен редут на реке Берда для оставленных больных [6, с. 543–544; 8, с. 30–31; 17, с. 79].

При описании всех этих перемещений войск вновь отсутствуют упоминания о запорожцах в устье Кальмиуса.

По дороге к Перекопу в войска Ласси влились части запорожцев. После осады была взята крепость Перекоп. Однако русские войска оставили Крым из-за отсутствия продовольствия и угрозы распространения чумы.

Бредалю пришлось выдержать ряд сражений в Азовском море с турецким флотом под руководством капудан-паши Джанум-Кадияу Геничей. Несмотря на неопытность донских казаков, рядовых пехотинцев, посаженных на суда при нехватке профессиональных матросов, важнейшие сражения были выиграны Донской флотилией. Действия Бредалья и пехоты всегда были хорошо согласованы [18, с. 633–634]. Особенно часто морские сражения происходили в районе крепости Азов и у Федотовой и Обиточной кос на пути к Перекопу.

Однако кампания 1738 года завершилась для Донской флотилии трагически. Измученный непрерывными атаками турецкого флота П. Бредаль 19 июня покинул флотилию по состоянию здоровья и отбыл в Азов. Её возглавил капитан Д. Толбухин, подчинённый начальнику сухопутных войск на флотилии бригадиру Лукину. А 15 июля «консилиум» морских офицеров принял решение о сожжении флотилии и о возвращении в Азов сухим путем. Это жёсткое разрешение безвыходной ситуации было связано с тем, что блокированная превосходящими турецкими силами Донская флотилия не могла выйти в море. Лодки были сожжены в тот же день, а их артиллерия, порох, ядра и прочее снаряжение 18 августа сухим путем доставлены в Азов [17, с. 79].

Армия Миниха в этом же году не удержала Очаков.

Основные военные действия в 1739 году предполагалось вести на западном направлении на территории Османской империи – на Днестре, в Молдавии. Армия Ласси должна была решить такие задачи: контролировать Очаков, совершить диверсию на Кубани против татар и поход в Крым. Часть полевых полков и донские казаки под командованием генерал-лейтенанта В. Я. Левашова, которые вышли из Азова 1 мая, должны были присоединиться на Кальмиусе к армии Ласси, идущей из Изюма в Крым. Донской флотилии предписывалось с 3 000 украинских казаков и 3 000 донских направиться к редуту в Геничах. Но плохое обеспечение армии, неукомплектованность войск, распространение в Азове и на Днепре "*опасной болезни*" (чумы?) делало планы Ласси весьма призрачными. Тем не менее, 10 мая 1739 года Ласси вышел с частью пеших войск из Изюма в сторону Крыма, минуя Кальмиус и Берду. Левашов же с 5-ю пехотными полками к 4 мая дошёл от Азова лишь до Миуса, где в его полках и началась "*опасная болезнь*". Донская флотилия также не могла выступить в поход, т.к. морские команды были слишком малочисленны, а посылать в район эпидемии украинских и донских казаков было опасно [19, с. 269–273]. Военные действия армия Ласси вела в низовьях

Днепра и в Северо-Западном Приазовье, у Молочных Вод, так и не вступив в Крым. Известно, что 2 июня напротив устья Кальмиуса был замечен турецкий флот [19, с. 274].

В 1739 году армия Миниха, выиграв 17 августа битву под Стаучанами и взяв крепость Хотин (современная Черновицкая область), заняла Молдавию. Однако союзница России Австрия заключила мир с Турцией. Россия должна была последовать за ней. По условиям Бахчисарайского мира от 18 сентября 1739 года, завершившего войну, Азов достался России, но укреплять его, как и восстанавливать Таганрог, не разрешалось. В Азовском и Черном морях Россия по-прежнему не имела права держать свой флот. Окончательное разграничение сфер интересов России и Турции в Приазовье было оформлено только в 1742 году.

Таким образом, мы можем утверждать, что в описаниях событий русско-турецкой войны 1735–1739 годов в авторитетных источниках того времени не содержится никаких данных о казацком укреплении в устье Кальмиуса ни под названием Домаха, ни под каким-либо ещё. Это свидетельствует о том, что запорожцы в 1735–1739 годах ещё не обосновались в устье Кальмиуса.

Использованные источники

1. Скальковский А. А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. – Ч. 2. – Одесса, 1846.
2. Саенко Р. И. Из истории основания города Мариуполя. – 2-е изд., доп. – Мариуполь, 2002 – 22 с.
3. Буганов В. И., Буганов А. В. Полководцы. XVIII в. – М. : Патриот, 1992.
4. Записки Манштейна о России с 1727 по 1744. Перевод с французского, с подлинной рукописи Манштейна // Приложение к «Русской старине», изд. 1875 года. – СПб., 1875.
5. Юргенсон А. Я. О выходе Манштейна из русской службы // Русский архив. – 1872. – № 3–4. – С. 795–804.
6. Байов А. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны. – СПб., 1906.
7. Журнал фельдмаршала Лесси о воинских операциях с 1733 по 1737 год // Сборник военно-исторических материалов / под ред. акад. Н. Ф. Дубровина. – Вып. III. – СПб., 1893. – С. 58–301.
8. Военные действия российского гребного флота под начальством вице-адмирала Бредаля на Азовском море в 1736, 1737 и 1738 годах / сост. из современных актов А. Висковатовым. – СПб., 1830.
9. Турецкая война при императрице Анне // Русский архив. – 1878. – № 1. – С. 255–274.
10. Морская пехота Российского императорского флота 1705–1917 гг. : (Краткая хронология) // Армия и флот: военно-литературный журнал. – 2001. – № 1. – Режим доступа: http://a-i-f.narod.ru/1_2001/morsk_pehota.htm
11. Людин П. Когда ещё не было Мариуполя... // Азовский моряк. – 1997. – 10 сент. (№ 66). – С. 2–3.
12. Коган В. Г. Новый Азовский поход // Карпов А. Н., Коган В. Г. Азовский флот и флотилии. – Таганрог : Сфинкс, 1994. – 296 с. – Режим доступа: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000037/st015.shtml>
13. Карта Азовского моря Д. Герценберга. 1739. Копия 1768 // Папакома : Забытые страницы истории Северного Приазовья : авторский сайт. – Режим доступа: <http://papakoma.narod.ru/maps/hercenberg.htm>
14. Карты русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // Папакома : Забытые страницы истории Северного Приазовья : авторский сайт. – Режим доступа: http://papakoma.narod.ru/maps/war_maps_1735_1739.htm
15. Кудряшов К. В. Две русские карты причерноморских степей и Крыма 1736–1737 гг. // Кудряшов К. В. Половецкая степь : Очерк исторической географии. – М. : ОГИЗ, 1948. – С. 148–156.
16. РГАДА. Ф. 192, оп. 1, ед. хр. 10.
17. Боевая летопись русского флота : Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. / под ред. доктора военно-морских наук капитана 1 ранга Н. В. Новикова. – М. : Воениздат МВС СССР, 1948. – 492 с. // Проект Военная литература. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/boevaya_letopis_flota/index.html
18. Бредаль (Петр Петрович) // Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского и др. – Т. IVа. (8 п. т.). – СПб. : изд-во Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1891. – С. 633–634.
19. Байов А. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война с Турцией в 1736–1739 гг. – СПб., 1906.

**ИЗ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОГО СЕЛА БЕШЕВО
(по материалам Мариупольского греческого суда
из фондов Мариупольского краеведческого музея)**

В конце XVIII века греки-христиане переселились из Крыма в Северное Приазовье. В соответствии с «Жалованной грамотой христианам греческого закона, вышедшим из Крыма в Азовскую губернию на поселение», подписанной Екатериной II 21 мая 1779 года, они получили возможность иметь собственный орган местного самоуправления – Мариупольский греческий суд, который ведал административными, хозяйственными, полицейскими и судебными делами. Он действовал с 1780 по 1869 год.

В Мариупольском краеведческом музее (далее МКМ) хранится небольшая часть архива греческого суда, материалы которого являются ценными документальными источниками, содержащими разнообразную информацию по истории греческого общества конца XVIII – середины XIX века. В них имеются статистические сведения о хозяйственной деятельности жителей греческих сёл, о налогообложении населения, о взаимоотношениях греков и азовских казаков и др. В архиве греческого суда также находятся ревизские сказки Мариуполя и некоторых греческих сел, составленные в связи с проведением в Российской империи 4-й, 5-й и 6-й ревизий.

Одним из населенных пунктов, основанных греками, было село Бешев, образованное выходцами из одноимённого крымского селения.

Наиболее ранним документом, в котором упоминается Бешев, является «Ревизская сказка духовенства Мариупольского уезда Азовской губернии», составленная в 1782 году. Документ содержит списки священнослужителей города Мариуполя и 19 греческих сёл и членов их семей с указанием пола, возраста, семейного положения, степени родства. Согласно этому документу, первыми священниками Георгиевской церкви села Бешев были Николай Асланов сын¹, сорока лет, и Фёдор Тохтамышев сын, сорока пяти лет. В семействе отца Николая насчитывалось восемь человек: жена Кирекия Анастасова дочь, четверо сыновей – Анастас, Пётр, Гавриил, Иордан и дочь Деспина. Самым старшим членом семьи была 80-летняя мать священника Кирадия Бабаева дочь. Кроме того, членом семьи был «швагир» – 16-летний брат Кирекии Апостол Анастасов сын. У священника Фёдора Тохтамышева сына была жена Мария Димитриева дочь и трое детей – сын Трифон и дочери Киракия и Варвара [1, л. 4 об.].

В ряде документов греческого суда имеются данные о количестве жителей греческих сёл. Так, в «Ведомости о состоянии хозяйства г. Мариуполя и греческих сёл Мариупольского уезда» за 1794 год приводится число жителей селения Бешева по ревизии 1782 года: мужского пола – 283 человека, женского пола – 261 [2, л. 18 об.]. По «Ведомости о посевах и урожаях в Мариупольском уезде» за 1797 год общее количество жителей составляло 802 человека (426 мужчин и 376 женщин). В этом документе использовались сведения, полученные в результате проведения ревизии 1795 года [3, л. 17 об.]. Более подробные сведения не только о количестве жителей, но и об их сословном делении содержатся в «Деле об отправлении повинностей жителями г. Мариуполя и греческих сёл» за 1816 год. В это время в Бешеве проживало 1 239 человек (660 мужчин, 579 женщин), в том числе духовенства – 9 мужчин и 7 женщин, дворян – 3-е мужчин и 1 женщина, крестьян – 489 мужчин и 532 женщины, наёмных служителей – 28 мужчин и 39 женщин [4, л. 25 об., 26].

Важной отраслью сельского хозяйства бешевцев в конце XVIII – начале XIX века было скотоводство. В «Ведомости о состоянии хозяйства г. Мариуполя и греческих сёл

---

1. В Крыму у греков не было фамилий, поэтому русские чиновники при переписи населения фиксировали жителей Мариуполя и греческих сел, учитывая отцовскую линию родства.

Мариупольского уезда. 1794 г.» имеется информация о состоянии скотоводства в Бешеве, о количестве скота. Например, Георгий Билюп с семьёю товарищами содержали овечий завод из 2 300 овец. За овцами присматривали шесть овчаров из этого же селения [2, л. 28 об., 29].

«Дело о раскладке оброчной повинности по скотоводству в г. Мариуполе и греческих сёлах Мариупольского уезда за 1799 и 1800 годы» содержит ведомости о количестве скота у отдельных хозяев и сумме налога со скота. В регистре *"сколько у кого состоит на пастьбе при кошах скота"* значится: у Певта Аметова – 500 овец, у Ставрино Арых Адамана – 1 000 овец, у Биреша – 2 555 овец, у Певти Поповича – 1 000 овец, у Биреша Апостола – 500 голов рогатого скота. С этих хозяев в качестве повинности за два года в казну было взыскано 151 руб. 37 с половиной коп. [5, л. 2, 17].

Согласно «Делу о состоянии хозяйства г. Мариуполя и сёл, подведомственных греческому суду. 1814 г.» состоянием на 4 октября 1814 года, в селении содержалось: рогатого скота – 1 798 голов, овец – 4 897 голов, лошадей – 480 голов. Было заготовлено 186 пудов овечьей шерсти. Количество добываемого за год жира достигало 158 пудов. Жир использовали в основном на домашние нужды, а десятая часть его шла на продажу. Ежегодно часть скота бешевцы продавали. Так, в 1814 году было продано 2 008 овец, 65 лошадей и 270 голов скота. На продажу скот гнали в Крым и на ярмарки в города Павлоград, Таганрог, Ростов, Бахмут и Нахичевань. Часть скота и овец закупалась на местах приезжими купцами из городов Курской, Харьковской, Воронежской губерний [6, л. 11 об., 12].

Помимо скотоводства жители Бешева занимались земледелием. В «Ведомости о посевах и урожае в греческих сёлах Мариупольского уезда» за 1797 год имеются сведения о количестве посеянных культур и снятом урожае: посеяно – 54 четверти² озимой ржи, 209 четвертей яровой пшеницы и 172 четверти пшеницы арнаутки; собрано 114 четвертей озимой ржи, 1 506 четвертей яровой пшеницы, 860 четвертей арнаутки. Всего посеяли 435 четвертей разного хлеба, а собрали урожая 2 480 четвертей. Кроме пшеницы и ржи поселяне выращивали просо, ячмень, лён, полбу, чечевицу. Согласно ведомости, из расчёта необходимых на душу населения продуктов на пропитание в течение года жителям селения было необходимо 2 406 четвертей муки, пшени и овощей *"из садов, лесов и огородов"* [3, л. 47 об., 48].

Земледелию сопутствовало и мукомольное производство. В 1816 году бешевцы Антон Николаев и Анастас Константинов выстроили водяную мельницу *"о трёх поставах"*, рассчитывая в следующем году получить доход в 400 рублей [7, л. 38 об., 39].

В ведомстве Мариупольского греческого суда находились сельские запасные магазины (склады), в которых хранились запасы зерна на случай неурожая. Ежегодно каждый поселянин мужского пола сдавал в запасный магазин определённую часть своего урожая. В 1817 году она составляла полчетверика озимого хлеба и полгарнца ярового. Всего магазин пополнился на 38 четвертей 6 четвериков озимого и 4 четверти 6 четвериков 6 гарнцев ярового хлеба. К 1818 году в магазине на хранении находилось: озимого хлеба – 537 четвертей 4 гарнца, ярового – 137 четвертей 4 четверика 4 с половиной гарнца [8, л. 10 об., 11]. К 1823 году количество хранимого зерна возросло и составляло: озимого – 730 четвертей 6 четвериков 4 гарнца, ярового – 161 четверть 6 четвериков 2 с половиной гарнца [9, л. 14]. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что состояние сельских запасных магазинов находилось под контролем греческого суда. 23 февраля 1818 года заседателю суда Гавриилу Биатову была отправлена расписка, составленная жителями села: *"состоящий ныне в сельском нашем запасном магазейне озимой 537 четвертей 4 гарнца и яровой 137 четвертей 4 четверика 4 с половиной гарнца всего 674 четверти 5 четвериков 1/2 гарнца хлеб нами без дозволения начальства никуда не*

---

2. Четверть, четверик, гарнец – единицы измерения объёма сыпучих тел. 1 четверть = 8 четверикам = 209,91 л., 1 гарнец = 3,38 л

употребится, но храниться будет целостно, в противном же случае подвергнем себя законному взысканию" [10, л. 8].

Документы греческого суда также свидетельствуют о неудачных попытках развития шелковичного промысла в греческих селениях, в том числе в Бешеве. В 1831 году с целью разведения тутового шелкопряда в селе было высажено 225 саженцев тутовых деревьев [11, л. 2 об.], в 1839 году их количество сократилось до 177 [12, л. 4], а в 1842 году осталось всего 60 деревьев [13, л. 13 об.].

Жалованная грамота гарантировала переселенцам освобождение от государственных налогов на десять лет, но в связи с трудностями первых лет жизни в Приазовье эта льгота была продлена ещё на два года. С 1793 года бешевцы, как и жители других греческих сёл, должны были платить налоги. Налогообложению подлежали только ревизские души. В 1798 году в Бешеве насчитывалось 426 душ мужского пола. При этом на содержание почт с каждого хозяина полагалось по 37 копеек, на содержание подъёмных лошадей за 1797 год – по 13 копеек, а за 1798 – по 26 копеек. Земельные и другие подати составили 639 рублей. А всего бешевцы заплатили в казну 962 рубля 76 копеек [14, л. 5]. В 1806 году «общие повинности» поселян составили 264 рубля 60 копеек, содержание овец обошлось в 60 рублей 16,5 копеек. Земских повинностей (по 4 копейки с души) было заплачено 17 рублей 40 копеек. Кроме того, на земельные повинности по Екатеринославской губернии ушло 132 рубля 64,5 копейки, по Херсонской и Таврической губерниям – 73 рубля 95 копеек. Ещё с каждой мужской души полагалось по 17 копеек на содержание почты Херсонской и Таврической губерний, таким образом, было заплачено ещё 73 рубля 95 копеек [15, л. 37, 86, 99].

Одно из дел Мариупольского греческого суда характеризует отношение бешевцев к исполнению церковных предписаний. Среди сохранившихся есть «Дело по сообщению Мариупольского уездного казначейства Мариупольскому греческому суду о взимании с подведомственных сему суду греков значащихся по приложенному списку за небытие их у исповеди и святого причастия в прошедшие [1]795 и других годов четырёхдесятницы штрафных денег. 4 апреля 1796 г.». Несоблюдение религиозных обрядов, уклонение от исповеди и причастия рассматривалось как отказ от канонической церкви и уход в сектантство. С нарушителей взыскивали по 5 копеек штрафных денег. В общем списке всех греков, не явившихся на исповедь и причастие, есть и 36 жителей селения Бешев [16, л. 5 об., 6, 6 об.].

В «Деле по сообщению Мариупольского нижнего земского суда о учинении изследования порутчика Курбатова о привезённом тайно скрытом лесе. Февраля 26 дня 1787 года» речь идёт о том, что донские казаки арестовали возы с дровами, которые тайно были привезены малороссиянами. Жители Бешева отобрали дрова у казаков и разделили между собой. Казаки сообщили о воровстве леса смотрителю слободы поручику Курбатову, который, *"собрав сотского и старшину спрашивал их об оном"*, но никто в преступлении не сознался. Из Мариупольского греческого суда Курбатов получил указ, *"чтобы он изследовал о сем пообстоятельнее и о преступных рапортовал бы в оной греческий суд, дабы впредь греческих селениев жители сему подобного преступления воздерживались"* [17, л. 1, 2].

Все спорные вопросы, касающиеся мариупольских греков, решались коллегиально, на общих собраниях, в которых участвовали представители от каждого из 24 греческих селений и города Мариуполя. В «Деле о землях, подведомственных мариупольским грекам. 18 апреля 1838 – 15 августа 1838 г.» рассматривался вопрос передачи азовским казакам береговой линии Азовского моря, которая находилась в общественном пользовании у греков. Греки соглашались уступить азовским казакам прибрежную территорию в обмен на другой земельный участок. Мариупольский греческий суд распорядился созвать по два депутата от каждого греческого поселения и на общем собрании выработать условия предполагаемой сделки. Доверенными лицами с *"уполномочиями"* от бешевского сельского общества были Данила Агурциов и Василий Григорьев [18, л. 16, 17].

Несмотря на то, что согласно льготе греки были освобождены от рекрутской повинности, в случае войны они готовы были оказать посильную помощь в защите отечества. В связи с угрозой англо-французской интервенции во время Крымской войны 1853–1856 годов на северном побережье Азовского моря были размещены части Войска Донского, Азовское казачье войско и народное ополчение. Не остались в стороне и мариупольские греки. В связи с недостаточным количеством казаков, их атаман генерал-майор Краснов просил Мариупольский греческий суд создать караулы из поселян на границах греческих селений, *"выделив от каждых ста душ по три человека"*. В июне 1854 года в Мариупольский греческий суд был отправлен ответ, подписанный мужским населением Бешева: *"не исключая из нас никого либо, считаем себя обязанными защитить отечество. В случае чего надобность окажется, то должны явиться по первому требованию"* [19, л. 272–274].

Таким образом, представленные документы из фондов Мариупольского краеведческого музея отображают некоторые аспекты социальной и экономической жизни Бешева в конце XVIII – середине XIX века и могут быть использованы в исследовательских работах.

Использованные источники

1. МКМ. – Фонды. – 3467-Д.
2. МКМ. – Фонды. – 3476-Д.
3. МКМ. – Фонды. – 3477-Д.
4. МКМ. – Фонды. – 3528-Д.
5. МКМ. – Фонды. – 3482-Д.
6. МКМ. – Фонды. – 3478-Д.
7. МКМ. – Фонды. – 3523-Д.
8. МКМ. – Фонды. – 3479-Д.
9. МКМ. – Фонды. – 6223-Д.
10. МКМ. – Фонды. – 6222-Д.
11. МКМ. – Фонды. – 3568-Д.
12. МКМ. – Фонды. – 3569-Д.
13. МКМ. – Фонды. – 3570-Д.
14. МКМ. – Фонды. – 3481-Д.
15. МКМ. – Фонды. – 3484-Д.
16. МКМ. – Фонды. – 3483-Д.
17. МКМ. – Фонды. – 6264-Д.
18. МКМ. – Фонды. – 3526-Д.
19. МКМ. – Фонды. – 3502-Д.

**УСЛОВИЯ ОБУЧЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
МАРИУПОЛЬСКОГО УЕЗДА
(конец XIX – начало XX века)**

Конец XIX – начало XX века – период бурного развития начального образования в Российской империи, обусловленный введением школьной реформы 14 июля 1864 года и других законоположений Министерства народного образования. Мариупольский уезд не стал исключением. В это время в городе и крупных селах уезда открываются начальные училища, устроенные по единым, установленным государством, схемам. Наблюдается значительный рост количества учебных заведений. В частности, в Мариупольском уезде в 1913 году действовало 202 школы. Условия, в которых обучались учащиеся начальных учебных заведений, – достаточно актуальная и, безусловно, интересная тема. Цель автора – осветить вопрос о помещениях, в которых располагались школы, об обеспечении их наглядными пособиями, о средствах содержания городских и земских начальных училищ Мариупольского уезда.

Одним из основных источников по теме является краткий обзор «Начальное народное образование в Екатеринославской губернии за 1912 год». Этот труд основан на официальных данных, взятых из отчетов дирекций и инспекторов народных училищ, отчетов уездных земских управ, ведомостей Епархиального училищного совета и его отделений. Он был составлен Отделом губернской управы по разработке вопросов народного образования под руководством и редакцией заведующего отделом М. А. Киященко. Материал, который содержится в обзоре, позволяет составить наиболее полное представление о состоянии школ во всех уездах и в Мариупольском в частности. Для освещения темы использовались также документы, содержащиеся в сборниках докладов, постановлений и протоколов уездных органов управления.

Все школьные здания второй половины XIX – начала XX века можно разделить на две основные группы: собственные и «наемные». Эти группы представляли собой, преимущественно, противоположенные явления. Сооружение специальных школьных построек велось по определенным образцам и планам, отвечающим основным требованиям «гигиены классных занятий». «Наемные» здания выглядели на этом фоне не лучшим образом. Лишь в некоторых селах удавалось найти подходящее, в большинстве же случаев они представляли собой случайную неудобную квартиру в одну, изредка две комнаты [6, с. 28].

Наличие большего или меньшего числа школьных помещений является показателем степени обеспеченности населения школами. По Мариупольскому уезду (состоянием на 1913 год), тем не менее, в собственных постройках находилось 96 % училищ [6, с. 29].

Поскольку в 1909 году из-за недостатка мест в приеме в училища было отказано довольно большому количеству детей, вопрос о школьных помещениях стал еще острее. Большое рвение к учебе, которое еще усилилось после принятия 3 мая 1908 года закона о введении общего начального образования, обусловило интенсивное сооружение новых школьных зданий. При школьном строительстве следовали определенным стандартам относительно освещенности, площади, вентиляции и др. Арендованные помещения старались приблизить к этим нормам [6, с. 28]. Каждое из них имело квартиру для учителя из трех комнат и кухни, двух комнат для учебных занятий, которые быстро переоборудовались в актовый зал (так называемая «просторная рекреация»).

К сельским начальным училищам предъявлялись серьезные требования, касающиеся условий, в которых должны прибывать учащиеся и учителя. Этими вопросами активно занимались земства. Согласно докладу уездной земской управы Мариупольскому уездному земскому собранию очередной сессии 1883 года о мерах по

улучшению школьных помещений, были выработаны положения об обязанностях земства по отношению к народной школе. Управа предлагала земскому собранию различные меры, в том числе осмотр классных комнат и квартир учителей. Указывались источники для выдачи «заимообразных» пособий «недостаточным» сельским обществам. Устанавливались размеры помещения школы (не менее 2-х квадратных аршин пола на каждого ученика и в высоту не меньше 4-х аршин), количество классных комнат, их состояние, состояние самого здания школы и квартиры учителя [3, с. 193–217]. Контроль над выполнением этих норм возлагался на специальную комиссию при Мариупольском уездном земстве [4, с. 218–221].

Количество собственных и «наемных» зданий церковно-приходских школ и школ грамоты находилось в ином соответствии. В Мариупольском уезде состоянием на 1913 год было 67 церковных школ. Из них 38 (56,7 %) располагались в специальных зданиях, 29 (43,3 %) – в «наемных» [6, с. 31]. Большинство церковных школ, не имеющих собственных, специально построенных домов, размещались в пристроенных к церковным сторожкам помещениях. Школы грамоты работали в крестьянских избах.

К сожалению, в официальных источниках нет подробных сведений о составе ученических и учительских библиотек по их содержанию или хотя бы общих указаний об их разделах. Имеются лишь цифровые данные о количестве книг в библиотеках при всех школах по уездам. Мариупольский уезд в начале XX века входил в ряд уездов губернии, которыми были произведены наименьшие приобретения книг. В 1912 году была куплена 2 131 книга на сумму 516 руб. Однако, этот факт не означал наименьшей обеспеченности литературой. По общему количеству учебников уезд находился на четвертом месте по Екатеринославской губернии [6, с. 67].

Повсеместно «большим местом» в школьном деле являлись учительские библиотеки. В большинстве случаев такая библиотека представляла собой несколько экземпляров различных журналов и руководств по методике и педагогике. В среднем, на одну школу губернии приходилось 68 книг. Мариупольский уезд находился на третьем месте в губернии по общему количеству книг учительских библиотек. К 1 января 1913 года общее число книг составляло 16 043 [6, с. 69].

Важным вопросом является проблема финансирования начальных учебных заведений. Одну из ведущих ролей в финансировании и содержании школ Мариупольского уезда сыграло земство. Об увеличении средств, которые оно выделяло, свидетельствует выписка из протокола собрания от 18 сентября 1879 года о принятии содержания школ в уезде полностью на счет земства: *"Собрание большинством 19 против 2 голосов постановило: прибавить к смете, будущей в 1880 г., к сумме, которую ассигнует земство на народное образование, ту сумму, которая в настоящее время приплачивается сельскими обществами, и принять содержание училищ полностью на средства земские, за исключением помещения, отопления и найма часового"* [2, с. 17].

Бесспорно, земства, играя огромную роль в финансировании учебных заведений, имели и проблемы в этой сфере. В таких случаях, невзирая на определенные трудности, они не отказывались от участия в строительстве новых школ и в обеспечении старых, а лишь просили о временном переводе их на содержание города. Об этом свидетельствуют, например, документы об открытии новых земских школ: *"Мариупольская городская управа и сельские общества: Анадольское, Мало-Янисольской волости, Нейямбургское, Грунауское вошли к управе с ходатайствами об открытии новых школ и назначении учителей, сообщая вместе с тем, что помещение для школ, классная мебель и все необходимое согласно постановлению земского собрания по этому предмету, ими уже заготовлено"*. Эти ходатайства поступили в управу в то время, когда состояние денежных средств земства не давало ему возможности удовлетворять даже обязательные потребности. В документе говорилось: *"...управа имеет честь покорно просить собрание прекратить к будущему урожаю содержание двух народных школ в городе на счет*

земства с тем, чтобы ассигнованные на этот предмет средства были использованы в поддержку тех школ в уезде, существование которых без помощи со стороны земства оказалось абсолютно невозможным. Городские же школы, содержание которых принято на счет земства только в теперешнем году, могут быть снова удержаны на городские средства к первой возможности содержания их за счет земства" [4, с. 47].

За счет земств начальные школы обеспечивались учебниками, наглядными пособиями, канцелярскими принадлежностями. Согласно ведомости о расходах на дело народного образования, в Мариупольском уезде в 1875 году в целом было потрачено 16 561 р. 77 коп. За приведенный год это была одна из наиболее значимых статей расхода земства. В 1909 году в земские училища было направлено 16 590 разных учебников, 9 глобусов, а также карты, счеты, всего на 8 087 руб. [1, с. 10–14]. В среднем, в школе на одного ученика приходилось 4 учебника. Кроме того, каждая школа имела библиотеку, которая комплектовалась также земством.

Второе место в группе поступлений на светские школы занимала сумма из государственного казначейства. В начале XX века оно стало значительным вкладчиком в дело народного образования. В 1912 году в Мариупольском уезде средства, выделенные казной на эти цели, равнялись 191 190 руб. [6, с. 105]. В общем, по губернии эта сумма составляла более 2/3 всех поступлений на народное образование, подведомственное светским учреждениям.

**Здание городской школы
им. А. С. Пушкина на Слободке**

Определенный вклад в дело народного образования вносили город и сельские общества, различные частные лица. Например, в 1890 году И. И. Найденов пожертвовал деревянный дом на Слободке по Докторскому (Гамперскому) спуску для училища, в дальнейшем получившего название «Гоголевское» [7, с. 354]. Город принимал участие в содержании шести школ Мариуполя, а школа им. Пушкина на Слободке содержалась всецело на средства города. Все остальные финансировались земством и городом.

Поступления на церковно-школьное дело в 1912 году по Мариупольскому уезду равнялись

65 124 руб. (с остатком за предыдущий год). Свыше 2/3 указанной суммы было выделено из казны Святейшего Синода – главного источника поступлений на церковно-школьное дело всей губернии. Вторая по размерам сумма собиралась от церкви Мариупольского благочиния. Оставшуюся часть средств составляли пожертвования различных местных общественных учреждений и частных лиц.

Подводя итоги обзора условий, в которых проходило обучение в начальных учебных заведениях Мариупольского уезда, можно отметить, что городские школы находились, в большинстве своем, в специальных помещениях, а в сельской местности более половины располагались в арендованных помещениях, которые не удовлетворяли стандартным требованиям. При этом строительство специальных школьных зданий велось по определенным образцам и планам, и это осуществлялось достаточно быстро, что свидетельствует об увеличении интереса общества к образовательным процессам.

В официальных источниках нет подробных сведений о комплектовании ученических и учительских библиотек учебниками, о тематике литературы. Можно

говорить о том, что школы Мариупольского уезда занимали одно из первых мест по общему количеству книг на одну школу.

Основными источниками финансирования начальных училищ были земство и государственное казначейство. Вкладчиками в дело народного образования также являлись город и сельские общества, различные частные лица. Для церковных школ основу финансирования составляли суммы, предоставленные казной Святейшего Синода.

Использованные источники

1. Ведомость о расходах на дело народного образования, произведенных Земской управой в Мариупольском уезде в 1875 году // Сборник докладов и постановлений земства Мариупольского уезда по вопросам о народном образовании с 1874 по 1877 г. – Мариуполь, 1877. – С. 10–14.
2. Выписка из протокола Земского Собрания 18-го сентября 1879 года о принятии содержания школ в уезде полностью на счет земства // Сборник докладов и постановлений земства Мариупольского уезда по вопросам о народном образовании с 1878 по 1894 г. – Ч. 2. – Мариуполь, 1894. – С. 17.
3. Доклад уездной Земской управы, Мариупольскому уездному земскому Собранию очередной сессии 1883 года, о мерах к улучшению школьных помещений // Сборник докладов и постановлений земства Мариупольского уезда по вопросам о народном образовании с 1878 по 1894 г. – Ч. 2. – Мариуполь, 1894. – С. 193–217.
4. Доклад уездной Управы о ходатайствах об открытии новых школ с содержанием на счет земства // Сборник докладов и постановлений земства Мариупольского уезда по вопросам о народном образовании с 1878 по 1894 г. – Ч. 2. – Мариуполь, 1894. – С. 47–48.
5. Заключение комиссии по докладу Управы о мерах к улучшению школьных помещений // Сборник докладов и постановлений земства Мариупольского уезда по вопросам о народном образовании с 1878 по 1894 г. – Ч. 2. – Мариуполь, 1894. – С. 218–221.
6. Начальное народное образование в Екатеринославской губернии за 1912 год : краткий обзор. – Екатеринослав, 1913. – 121 с.
7. Протоколы Мариупольской Городской думы за 1890 год. – Мариуполь, 1891.

Надежда Салькова

«ОСОБО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ» В ЖИЗНИ МАРИУПОЛЬСКИХ ГИМНАЗИСТОВ

По материалам ежегодных отчетов Александровской мужской гимназии

В 1876 году в Мариуполе были учреждены первые средние учебные заведения – две классические гимназии, впоследствии получившие названия Александровская мужская и Мариинская женская. Гимназии учреждались на основе «Устава гимназий и прогимназий» (1871 г.) и «Положения о женских гимназиях» (1870 г.), действовавших с некоторыми изменениями до революции 1917 года. Эти документы строго регламентировали учебный процесс и структуру учебного заведения. Правила для учеников, утвержденные министром народного просвещения в 1874 году, определяли поведение учащихся в учебном заведении и вне его стен, взаимоотношения гимназистов и преподавателей, многие моменты личной жизни учащихся. Контролировался внешний облик, состояние ученических квартир, режим дня, посещение увеселительных заведений. Кроме того в гимназиях уделялось большое внимание воспитанию учащихся по трем направлениям: религиозному, патриотическому и нравственному. Воспитанием учащихся занимались директор, инспектор, преподаватели, классные наставники и др.

Воспитательный процесс обеспечивали также различные гимназические мероприятия. Многие из них были описаны в ежегодных отчетах мариупольских гимназий в разделе «Особо замечательные события». В данной статье предлагается обзор внеклассной работы Александровской мужской гимназии во время директорства

Григория Ивановича Тимошевского (1891–1905), талантливого педагога, члена-корреспондента Московского археологического общества, действительного члена Екатеринославской ученой архивной комиссии, почетного члена Ростовского музея церковных древностей.

В ряду гимназических «особо замечательных событий» значительное место занимали церковные праздники, молебны, крестные ходы, панихиды. Гимназия имела свою домовую церковь, которая была освящена 15 октября 1892 года во имя святого Александра Невского [2, с. 20–21]. Ученики присутствовали на всех богослужениях. Перед началом уроков пели общую молитву «За царя и русский народ», исполняли госуда-

**Директор
Мариупольской
Александровской
гимназии
Г. И. Тимошевский**

рственный гимн. Многие учащиеся были задействованы в церковном хоре, в качестве поощрения – прислуживали при алтаре, продавали свечи, убирали в церкви. Выпускники вместе с аттестатом зрелости, как напутствие, получали библию [5, с. 87–89].

Каждый учебный и гражданский год начинался молебном «с окроплением здания святой водой». 23 ноября в церкви проходил храмовый праздник. Учащиеся гимназии принимали участие в крестных ходах, проходивших в Мариуполе. Например, 29 апреля 1893 года они присутствовали при закладке часовни в честь спасения наследника престола в Японии [3, с. 43], а в последующие годы в этот день были среди участников крестного хода на Александровскую площадь. 4 мая ученики 8 класса совершили паломничество в Марьинск, где был отслужен молебен перед чудотворной иконой Божьей Матери Одигитрии [10, с. 22].

В гимназической церкви почитались члены царской фамилии. Обязательными были панихиды по усопшим императорам Александру II, имя которого носила гимназия, Александру III. 6 ноября 1896 года отмечалось столетие со дня кончины Екатерины II. В этот день, после заупокойной литургии и панихиды в церкви Святой Екатерины, учащимся обеих гимназий была предоставлена возможность ознакомиться с жалованной грамотой, дарованной императрицей грекам при выходе их из Крыма, после чего состоялся концерт.

Ежегодно 6 декабря праздновались именины императора Николая II, 14–16 ноября 1894 года – бракосочетание Николая Александровича и Александры Федоровны. А 14 мая

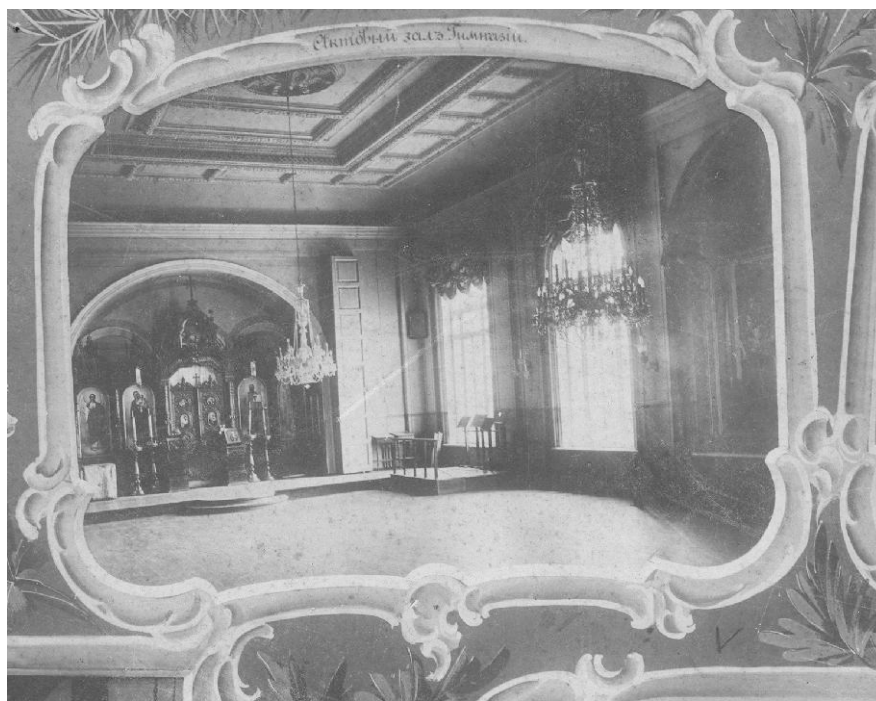
Здание Мариупольской Александровской гимназии. 1907 г.

1896 года начались торжества по случаю их коронования. В этот день утром в гимназической церкви отслужили литургию, а после объявления о свершении обряда коронования гимназисты приняли участие в молебне на площади перед Харлампиевским собором, где собралось множество горожан. В 8 часов вечера учащиеся обеих гимназий устроили торжественное шествие со светящимися разноцветными бумажными фонарями, фейерверками. В сопровождении гимназического оркестра праздничная колонна проследовала по улицам города, останавливаясь у домов городского головы И. А. Попова, попечителя гимназии Д. А. Хараджаева и предводителя дворянства П. В. Каменского, которые предложили им угощение. В следующие два дня для учащихся обеих гимназий были устроены литературно-музыкальный вечер в местном театре и танцы [6, с. 1–24].

Литературно-музыкальные вечера в Мариупольской Александровской гимназии устраивались довольно часто и, как правило, с участием девочек из женской гимназии. Программа включала различные по жанру номера: декламацию стихов, выступление оркестра, хора, сольные номера певцов, театральные постановки. Некоторые вечера устраивались в благотворительных целях, например, в пользу «Общества вспомоществования недостаточных учеников гимназии» или «Красного Креста».

Вечера проходили в актовом зале гимназии или в одном из городских помещений в присутствии родителей гимназистов и гостей. Тематика художественных вечеров была разнообразной, как правило, посвященной важному государственному событию или

**Актовый зал и Александро-Невская домовая церковь
Мариупольской Александровской мужской гимназии**

памяти известного литератора. Так, например, 6 декабря 1894 года состоялся вечер памяти И. А. Крылова и А. Г. Рубинштейна [4, с. 31], 30 января 1895 года – в честь 100-летнего юбилея А. С. Грибоедова [5, с. 17, 79–80]. 21 февраля 1902 года в театре Уварова был организован вечер по случаю 50-летия со дня смерти Н. В. Гоголя, а 22–23 апреля в гимназии отмечали 50-летие памяти В. А. Жуковского [10, с. 17–22].

Важным направлением внеклассной работы в гимназии являлось краеведение. Его организатором и вдохновителем был непосредственно Г. И. Тимошевский, получивший богатый опыт краеведческой работы в Симферопольской гимназии, где под его руководством прошла серия учебных экскурсий по Крыму. Отчеты о путешествиях

гимназистов публиковались [13]. Этот опыт он применил и в Мариуполе. Была разработана программа по изучению истории и природы и края. Преподаватели предварительно подготовили рефераты по отдельным темам, которые были рассмотрены на педагогическом совете. 1 марта 1892 года в 12 часов в актовом зале собрались ученики и служащие гимназии, родители, пожелавшие принять участие в экскурсии [1, с. 4–5, 43]. После речи законоучителя священника Павла Щербины Григорий Иванович Тимошевский сделал сообщение о переселении греков из Крыма в Северное Приазовье. Учащиеся ознакомились с жалованными грамотами, данными грекам императорами Екатериной II и Александром I, принесенными из Харлампиевского собора, и планом дарованных переселенцам земель 1779 года.

До 10 мая состоялось одиннадцать подобных лекций на различные темы и экскурсии в местные православные и католическую церкви, синагогу, где были осмотрены святыни. Учащиеся побывали в чугунно-литейном, кожевенном, пивоваренном, свечном, мыловаренном заводах, макаронной фабрике, типо-литографии. На поезде доехали до порта, где совершили морскую прогулку.

Отчет об экскурсиях Мариупольской Александровской гимназии был издан отдельной книгой под названием «Мариуполь и его окрестности» [1]. Этот сборник стал первым обобщающим трудом по истории города. Он получил положительную оценку в педагогических кругах: *"Мариупольская гимназия подарила науку и публику таким обстоятельным, полным глубокого и разнообразного интереса описанием г. Мариуполя, какого до сих пор не имеют еще и некоторые наши университетские города"* [14, с. 502–504].

В дальнейшем краеведческие экскурсии практиковались ежегодно. Как правило, это были непродолжительные путешествия с познавательными моментами. Уже через три месяца после открытия Никополь-Мариупольского завода гимназисты побывали на этом предприятии, отражающем высокий американский уровень металлургического производства [7, с. 15]. Во время морских прогулок были осмотрены землечерпальная машина, английский пароход, маяк на Белосарайской косе. На летних каникулах 1901 года состоялась экскурсия старшеклассников в Крым. А 17–19 сентября гимназисты посетили сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку в Славянске, совершили паломничество в Святогорский монастырь [9, с. 29–30]. 29 августа 1904 года пятиклассники отдыхали в Велико-Анадольском лесу, где их встречал лесничий Н. Я. Дахнов [12, с. 21].

В начале века в мужской и женской гимназиях практиковался праздник древонасаждения. Он проходил в соответствии с распоряжением по Одесскому учебному округу [15, с. 493–495] на фоне начавшегося официального озеленения города. 31 марта 1902 года протоиерей Александров освятил участок, на котором учащиеся высадили 1 100 деревьев. В работах приняли участие родители гимназистов и представители разных городских учреждений [10, с. 21]. Как показал первый опыт, не все хорошо справились с заданием. Много деревьев погибло из-за неумения и незнания гимназистов. Поэтому в следующем году преподаватель В. В. Рудевич и городской садовод Г. Г. Псалти предварительно провели теоретическую и практическую подготовку учащихся. На средства городской управы и предпринимателя М. А. Трегубова в городе было высажено еще более 1 тысячи деревьев [11, с. 20–21]. В 1904 году деревья для посадки пожертвовал лесничий Н. Я. Дахнов [12, с. 22].

В воспитательной работе присутствовало и военно-патриотическое направление. Наиболее ярко это проявилось в начале русско-японской войны. 31 января 1904 года в гимназической церкви был отслужен молебен о здравии императора и даровании победы *"русскому воинству"*. Преподаватели и служащие постановили до окончания войны отчислять 1 % своей заработной платы на нужды военного времени. Ученики решили передать государству деньги, собранные на танцевальном вечере. В гимназии установили кружок для сбора пожертвований [12, с. 16].

Учебное заведение принимало живое участие в проводах мобилизованных на фронт. Так, 8 февраля из стен Александровской гимназии ушли в действующую армию три мариупольских врача – бывших гимназиста. После напутственного молебна в церкви святого Александра Невского и ответного слова доктора А. И. Стоянова все присутствующие отправились к железнодорожному вокзалу. Образно и выразительно об этом сообщил Г. И. Тимошевский: *"Ночь, дождь, ветер, грязь. Факелы, флаги. Желающих проститься церковь не могла вместить. Не только улица, по которой двигалось шествие, а и соседние были запружены народом. Тут были все без различия положения, состояния, возраста, пола и вероисповедания. Предполагают, народу было около 10 тысяч. Поэтому шли от гимназии до вокзала часа полтора. Порядок нигде не был нарушен..."*. В течение года так же провели на Дальний Восток бывших воспитанников: врача Соловьева, присяжного поверенного, члена попечительного совета Н. С. Караманова и преподавателя рисования А. С. Мартыновича [12, с. 16–18, 22].

Изредка организовывались так называемые «военные» прогулки или загородные пикники в сопровождении духового оркестра.

Для отдыха и развлечения гимназистов устраивались танцевальные вечера в залах земского и общественного собраний, домашние ученические спектакли. Традиционными были новогодние «елки». Изредка гимназисты присутствовали на представлениях заезжих знаменитостей: скрипача Бриндиса, чревовещателя, *"специалиста мимики"* [3, с. 44; 8, с. 16]. В праздничные дни смотрели *"туманные картины"*. В самой гимназии в 1895 году была создана фотолаборатория [5, с. 74], благодаря которой многие проводимые мероприятия завершались фотографированием участников.

Ежегодно проводились так называемые *"публичные акты"*. Особую радость при этом вызывало вручение выпускникам аттестатов зрелости, золотых и серебряных медалей, похвальных листов ученикам, *"преуспевающим в науках и искусствах"*. Мероприятие проводилось в середине июня в присутствии родителей и высокопоставленных гостей, сопровождалось обычно концертом, угощением, прогулкой. Этот торжественный акт завершал учебный год. Впереди гимназистов ожидали летние каникулы.

Описанные мероприятия Мариупольской Александровской гимназии соответствовали рекомендуемым Министерством народного образования направлениям развития воспитательной работы. Приоритетным, пронизывающим практически всю деятельность являлось религиозное воспитание. Без участия священников не обходилось ни одно событие. При этом превалировала православная церковь, что объяснялось абсолютным большинством православных учащихся (78–83 %) на фоне иудеев (9,1–16,1 %), католиков (1,1–4,6 %) и лютеран (1,5–3,5 %). Не меньшее значение имело и патриотическое воспитание, основным стержнем которого было почитание членов императорской семьи. В его русле развивалось военно-патриотическое воспитание и краеведческое движение. Большое внимание уделялось эстетическому и нравственному воспитанию, которое обеспечивалось организацией музыкально-литературных вечеров, спектаклей, балов. Многие гимназические мероприятия проводились в тесной связи с учащимися и преподавателями Мариинской женской гимназии, родителями, представителями общественности. Они вызывали в городе заметный резонанс, оставляя неизгладимый след в истории Мариуполя.

Использованные источники

1. Мариуполь и его окрестности : Отчет об учебных экскурсиях Мариупольской Александровской гимназии / под ред. Г. И. Тимошевского. – Мариуполь, 1892. – 461 с. – Приложения. – С 1–55.
2. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1892 гражданский год. – Мариуполь, 1893. – 92 с.
3. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1893 гражданский год. – Мариуполь, 1894. – 97 с.
4. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1894 гражданский год. – Мариуполь,

1895. – 97 с.
5. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1895 гражданский год. – Мариуполь, 1896. – 104 с.
6. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1896 гражданский год. – Мариуполь, 1897. – 81 с. – Приложения. – 134 с.
7. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1897 гражданский год. – Мариуполь, 1898. – 96 с.
8. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1898 гражданский год. – Мариуполь, 1899. – 100 с. – Приложения. – 27 с.
9. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1901 гражданский год. – Мариуполь, 1902. – 99 с.
10. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1902 гражданский год. – Мариуполь, 1903. – 107 с.
11. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1903 гражданский год. – Мариуполь, 1904. – 75 с.
12. Отчет о состоянии Мариупольской Александровской гимназии за 1904 гражданский год. – Мариуполь, 1905. – 81 с.
13. Попов А. Д. Учебные экскурсии Симферопольской мужской гимназии в 80-х гг. XIX в. // Культура народов Причерноморья. – 1997. – Т. 2. – С. 300–301. – Режим доступа: <http://elib.crimea.edu/culture/culture02/part3/zip/popoa.zip>.
14. Циркуляр по Одесскому учебному округу : ежемес. журнал. – Одесса, 1892. – № 9 (сент.). – С. 427–504.
15. Циркуляр по Одесскому учебному округу : ежемес. журнал. – Одесса, 1901. – № 11–12 (сент.). – С. 493–540.

Раиса Божко

КИНЕМАТОГРАФ В СТАРОМ МАРИУПОЛЕ (начало XX века)

**Программка к киносеансу в
кинотеатре «Иллюзион».
Из коллекции В. З. Рожкова**

История становления и развития в Мариуполе кинематографических заведений как объектов массовой культуры рассматривалась в основном в работах краеведов. Их исследования, как правило, содержали перечень первых мариупольских кинотеатров, некоторые имена владельцев, названия демонстрируемых кинофильмов [36; 39; 41]. В частности, известный краевед Л. Д. Яруцкий обратил внимание на сообщение Александра Серафимовича, корреспондента газеты «Приазовский край», о неудавшейся попытке демонстрации кино в Мариуполе уже в 1897 году, вскоре после его изобретения [40, с. 358].

Датой рождения кинематографа считается 28 декабря 1895 года – день, когда в парижском «Гранд-кафе» на бульваре Капуцинов состоялся первый киносеанс. В России первые демонстрации нового изобретения состоялись уже весной 1896 года. Долгое время кинематограф считался просто техническим аттракционом. Мелкие предприниматели приобретали проекционные аппараты с комплектом фильмов к ним и

путешествовали по городам. Вероятно, деятельность такого бродячего горе-кино-предпринимателя и зафиксировал А. Серафимович в своей корреспонденции [40, с. 358].

С 1903 года в крупнейших, а потом и других городах России начали появляться стационарные «электротeatры», «художественные театры», «кине-театры», «электробиографы», «биоскопы» или «иллюзионы». Несмотря на разнообразие названий, все они обозначали одно и то же – помещение для демонстрации кино.

Кинематограф очень быстро приобрел огромную популярность и у мариупольцев. Уже в начале XX века в нашем городе открываются первые кинозалы. Этим занимались предприимчивые организаторы, которые арендовали помещения и устанавливали там кинопроекторную технику. Каждое заведение имело собственное имя.

Первым кинотеатром в Мариуполе был «Иллюзион» А. С. Подольного. Он открылся в 1908 году на улице Екатерининской, рядом с фотоателье И. Е. Куюмджи [3, с. 1] (на месте дома № 32 по пр. Ленина). Это соседство хозяин в начале своей деятельности удачно использовал для рекламы заведения, указывая в анонсах мастерскую известного фотомастера как ориентир. В это же время в городе действовали «главный большой театр "Модерн"», «Чары» М. Урбанской, «Одеон» Я. Р. Заговалова и П. Ф. Урбанского.

Хозяева и названия кинотеатров не отличались устойчивостью. Успешные предприниматели развивали свое дело, неудачники – продавали. Так, после прекращения сотрудничества Я. Р. Заговалова и П. Ф. Урбанского в октябре 1911 года [5, с. 1] «Одеон» перешел во владение И. З. Сидоренко. Где находился этот кинозал, к сожалению, неизвестно.

П. Ф. Урбанский в конце 1912 года уже самостоятельно открыл знаменитый в городе кинозал «XX век» [6, с. 1], который располагался в доме Юрьева на углу улицы Екатерининской и Марии-Магдалининской (ныне пр. Ленина, 40). Кинотеатр имел зимнее и летнее помещения, так как во дворе этого двухэтажного (ныне трехэтажного) дома по-прежнему действовала летняя площадка М. Урбанской, утратившая свое очаровательное название. Причем зимний зал имел сцену, на которой давались и театральные представления [9, с. 1; 32]. 1 июля 1917 года этот кинотеатр перешел в собственность торгового дома М. И. Порошина и Я. Г. Гордина. Делами кинотеатра в Мариуполе ведал С. Котельман [22, с. 1]. Главная контора торгового дома действовала в Харькове, отделения имелись в Екатеринославе, Киеве, Одессе. М. И. Порошин и Я. Г. Гордин занимались продажей кинематографических лент и аппаратов. Их собственностью также были театр «Амбир» в Харькове и «Сатурн» в Юзовке [16, с. 1].

В 1913 году И. З. Сидоренко, бывший устроитель кинотеатра «Одеон», на первом этаже собственного дома на улице Екатерининской открыл кинозал под названием «Гигант». Руководил им управляющий М. Лурье. В 1914 году дирекцию «Гиганта» составили И. Н. Шабашевич и А. Д. Матлин. Их заведение, вероятно, не выдержав конкуренции с «Иллюзионом», вскоре (к 1916 году) перешло во владение А. С. Подольного [15, с. 1]. А в 1919 году зал возвратился в семью прежнего хозяина. Его дирекцию составили братья Г. и А. Сидоренко [21, с. 1].

11 августа 1917 года С. Самойлович и С. Динерштейн открыли театр «Коллизей» [18]. 15 июня 1918 года это заведение перешло во владение Крившица и Пещерского. 10 августа

Программка к киносеансу в кинотеатре «XX век». Из коллекции В. З. Рожкова

1919 года его арендовали С. Самойлович и Д. Авербух. Их представителем был И. А. Клубок [25, с. 1].

Скорее всего, «Колизей» работал в здании театра И. И. Уварова. Это предположение основывается на анализе косвенных данных. Во-первых, в театре Уварова уже давно практиковался показ кинофильмов. Здесь еще в 1907 году, а может быть и раньше, работал "французский электро-биограф" [2, с. 1]. Позже (в 1912–1913 годах) в помещении зимнего театра И. И. Уварова работал кинозал А. С. Подольного, который на афишах назывался «Театр Уварова» [8, с. 1]. В 1915 году один из корреспондентов газеты «Мариупольская жизнь» сетовал, что в театре вместо спектаклей демонстрируется кино [13, с. 3]. И не случайно именно в это время театр Уварова имел названия «Прогресс», «Луч» [10, с. 1; 13, с. 3]. Однако с июля 1917 года в местных газетах исчезают анонсы театра И. И. Уварова, а с августа появляются объявления о киносеансах и выступлении балетных и оперных коллективов в театре «Колизей». Кроме того известно, что в «Колизее» был очень большой зал, до тысячи мест [33, с. 1], а таких помещений в городе много быть не могло.

В концертном зале гостиницы «Континенталь» осенью 1917 года начал работать «электро-театр "Солей"» (ныне ул. Харлампиевская, 17, ДК «Молодежный»). Его директор И. М. Федченко в газете «Мариупольское слово» сообщал: "Театр заново отремонтирован и для удобства публики устроены 20 удобных лож" [19, с. 1]. В 1918 году директором театра стал А. С. Подольный. В 1919 году он ввел в действие собственную электростанцию [20, с. 1]. А через год «Солей» был преобразован в Клуб моряков Азовского моря [1].

В Мариуполе работало также несколько летних кинотеатров. На углу улиц Екатерининской и Греческой, на месте дома № 43 по проспекту Ленина, действовал кинозал «Александровский парк» А. С. Подольного [17, с. 1]. Кинозал повторял название парка, на территории которого находился. Но 15 июня 1918 года он обрел собственное имя – здесь в торжественной обстановке принял первых зрителей летний кинотеатр «Ампир» А. С. Подольного [30, с. 1]. Тогда же в городском саду открылся летний кинотеатр «Мишель». Его директором был М. Бочев [29, с. 1].

Свой иллюзион, по воспоминаниям старожилов, был в поселке Мариупольского

порта. В колонии завода Никополь-Мариупольского общества устройством кинематографа занимались Эберт, А. Сидоров, Х. Шнипер, А. Тульвин [35, с. 68; 11, с. 3]. Главный кинотеатр в колонии был известен под названием «Вечерний отдых». Находился он в районе современной водолечебницы на улице Левченко.

Нужно отметить, что столь звучные и экзотические названия не являлись плодом фантазии мариупольских кино-дельцов. Практически каждый город, покоренный «электрическим сном наяву», гордился своим «Ампиром», «Колизеем» или «Одеоном».

Дирекция кинотеатров заключала договоры с фирмами по прокату картин и доставляла киноленты с курьерами [23].

Обычно названия всех кинолент сообщались в анонсах, которые размещались в городских газетах. Иногда анонс ограничивался фразами: "Роскошная программа картин" или "Перемена картин". Вот пример анонса популярной киноленты «Камо грядеши», которая в мае 1913 года одновременно шла во всех кинотеатрах Мариуполя:

Программка к киносеансу в кинотеатре «Солей». Из коллекции В. З. Рожкова

"Только 30–31 мая мировая картина!!! 5 000 аршин длины в 6-ти громадных отделениях. Точное воспроизведение романа Генриха Сенкевича. Участвуют 1 000 людей, христиане в катакомбах, пожар Рима, падение Рима, растерзание христиан хищными зверями. Картина «Камо грядеши» с возрастающим интересом совершает победоносное шествие по России, поражая зрителей потрясающими моментами" [7, с. 1].

Дирекция кинотеатров также выпускала специальные программки к сеансам. Автору удалось ознакомиться с коллекцией программок мариупольских кинотеатров «Одеон», «Гигант», «XX век», «Иллюзион», «Театр Уварова», «Прогресс», «Солей», «Александровский парк» из собрания В. З. Рожкова. В целом они представляют собой рекламно-информационные издания, отпечатанные в местных типографиях на одном листе бумаги. В них помещались сведения о кинотеатре, перечень фильмов, демонстрируемых в один сеанс, либретто художественной киноленты, а также анонсы. Иногда сообщались стоимость билетов, правила поведения.

Некоторые фильмы имели возрастные ограничения, их анонсировали как *"исключительно для взрослых"*. А в кинотеатре «XX век» устраивались специальные ученические сеансы, во время которых учащиеся местных училищ и гимназий знакомились с фильмами, созданными по литературным произведениям. Параллельно «крутили» комедии и учебные сюжеты. Анонс ученического сеанса в ноябре 1915 года выглядел так [14, с. 1]:

Художественный театр «XX-й ВЕК» 5 ноября
УЧЕНИЧЕСКИЕ СЕАНСЫ
для IV, V, VI, VII и VIII классов будет демонстрироваться

1. Датская гимнастика. С натуры.

О Б Р Ы В

по известному роману И. А. Гончарова в 6-ти частях.

В главных ролях гг. **Васильева, Юренева и И. И. Мозжухин.**

3. **ПОГОНЯ за МУХОЙ.** Комическая.

Начало ровно в 4 часа.

Картины сопровождает концертный квартет

Иногда в кинозалах читались лекции в сопровождении фильмов. Демонстрация фильмов также могла сочетаться с выступлением актеров. Так в театре «Одеон» после сеанса «трогательной драмы» под названием «Лорензачио» предлагались романсы и пляски сербско-болгарской капеллы цыган [4, с. 1].

Одна из программ «Гиганта» предлагала зрителям посмотреть *"научные виды с натуры города Мариуполя и окрестностей"*.

Детские, ученические и взрослые билеты приобретались в кассах, причем не всегда это удавалось сделать легко. Вот что писала местная газета «Наше життя» в тяжелом 1918 году: *"...на днях открывается еще два кинематографа и театр... Это значительно облегчает мариупольскую публику в том отношении, что ей не придется стоять в хвостах у билетных касс, как она это делает в настоящее время"* [28].

Стоимость билетов колебалась в зависимости от расположения мест. Например, в 1917 году место в ложе стоило 1 р. 20 коп, «солдатский» билет – 50 коп. Во время городских благотворительных акций стоимость повышалась в пользу нуждающихся: безработных, инвалидов, фронтовиков. А 25 апреля 1918 года во время проведения в городе «Дня фронтовика» весь театральный сбор в сумме 13 013 руб. 83 коп поступил в пользу солдат, находившихся в Мариуполе [37, с. 1; 27, с. 3].

Владельцы кинотеатров в погоне за прибылью иногда прибегали к неограниченной продаже билетов. Это заканчивалось плачевно. Так 3 апреля 1918 года в кинотеатре «XX век» во время демонстрации популярной картины «У камина» вследствие большого скопления публики были отмечены обмороки зрителей [38, с. 4].

Сеансы, как правило, проходили 1–2 раза в день с 4–6 до 9–11 часов вечера. Обычно во время сеанса показывали 3 и более короткометражки, в том числе обязательно документальное кино – научного содержания или хронику. В годы Первой мировой войны часто показывали военные репортажи. Сеанс подразделялся на отделения с небольшими паузами между ними, во время которых меняли бобины с пленкой. Только в кинотеатре «Гигант» фильмы демонстрировались непрерывно, так как в его кинобудке одновременно работало два аппарата фирмы «Пате» [26, с. 15].

Киноленты озвучивались в зале игрой тапера или коллектива музыкантов. В мариупольских главных кинозалах выступали концертное трио или квартет, в театре Уварова – духовой оркестр. Иногда гастролировали актеры-декламаторы. Например, в «Гиганте» 3 октября 1915 года показывалась *"живая говорящая картина"* «Любовь за гробом» в сопровождении известного кино-декламатора В. А. Морского [12, с. 1]. В театре И. И. Уварова 13–15 марта 1907 года с успехом демонстрировалась *"живая поющая фотография"* – *"новость XX века, изобретенная в мае 1906 года. Зритель видит и слышит знаменитых артистов... Иллюзия полная"*.

За состоянием кинотеатров следил санитарный врач Мариуполя. Периодически им инспектировались служебные помещения. Так 3 июля 1918 года Я. Т. Алакозов, осмотрев все кино-заведения, как негативный факт отметил засорение шелухой подсолнечника тротуаров, фойе и даже зрительных залов [31, с. 3]. Во избежание подобных явлений хозяева кинотеатров на программках печатали правила поведения, которые включали следующие положения:

- "не входить и не выходить из зрительного зала во время хода картин";
- "занимать места согласно купленным билетам";
- "не стучать во время антрактов и пауз";
- "в зрительном зале не курить и не грызть семечки";
- "в фойе не шуметь и не грызть семечки";
- дирекция оставляет за собой право заменять одну картину другой.

В связи с разразившейся эпидемии сыпного тифа зимой 1919 года, согласно постановлению санитарно-исполнительной комиссии, все кинотеатры города были закрыты более чем на месяц [34, с. 3; 24, с. 3].

Программка к киносеансу в театре И. И. Уварова «Прогресс».
Из коллекции В. З. Рожкова

Подводя итог, отметим, что кино как новый вид искусства очень быстро нашел в Мариуполе широкий круг почитателей. В городе уже в начале века устраивались регулярные киносеансы в театре И. И. Уварова, открывались кинозалы в арендованных помещениях. Наиболее популярными и активно действующими были «Иллюзион», «XX век», «Гигант». Среди директоров кинотеатров особой предприимчивостью выделялся А. С. Подольный. Он не только открыл несколько кино-заведений в дореволюционные времена, но и продолжал руководить сетью кинотеатров в советские годы. Организованный им «Иллюзион» работал в довоенные времена под названием «Трудовой», а «Гигант» – это единственный из перечисленных здесь кинотеатров, который продолжает успешно работать и сегодня. С 30-х годов XX века до Великой Отечественной войны он назывался «КИМ», в годы оккупации – «Soldatenkino», с 1946 года и поныне – «Победа».

Использованные источники

1. Известия Мариупольского ревкома и парткома. – Мариуполь, 1920. – 30 июня.
2. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1907. – 5 апреля.
3. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1908. – 4 июня.
4. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1911. – 19 февраля.
5. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1911. – 12 октября.
6. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1912. – 29 декабря.
7. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1913. – 31 мая.
8. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1913. – 31 июля.
9. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1913. – 1 августа.
10. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1914. – 3 октября.
11. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1915. – 1 марта.
12. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1915. – 3 октября.
13. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1915. – 3 ноября.
14. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1915. – 5 ноября.
15. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1916. – 27 января.
16. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1917. – 1 июля.
17. Мариупольское слово. – Мариуполь, 1917. – 8 июля.
18. Мариупольское слово. – Мариуполь, 1917. – 11 августа.
19. Мариупольское слово. – Мариуполь, 1917. – 17 октября.
20. Мариупольские известия. – Мариуполь, 1919. – 3 января.
21. Мариупольские известия. – Мариуполь, 1919. – 18 января.
22. Мариупольские известия. – Мариуполь, 1919. – 5 февраля.
23. Мариупольские известия. – Мариуполь, 1919. – 13 февраля.
24. Мариупольские известия. – Мариуполь, 1919. – 13 марта.
25. Мариупольские новости. – Мариуполь, 1919. – 9 августа.
26. Мишури́н А. Ленка Цыбуля : Рассказ о детстве Леонида Лукова. – Рукопись. – Фонды МКМ.
27. Наше життя. – Мариуполь, 1918. – 25 травня.
28. Наше життя. – Мариуполь, 1918. – 11 червня.
29. Наше життя. – Мариуполь, 1918. – 12 червня.
30. Наше життя. – Мариуполь, 1918. – 15 червня.
31. Наше життя. – Мариуполь, 1918. – 7 липня.
32. Наше життя. – Мариуполь, 1918. – 11 липня.
33. Наше життя. – Мариуполь, 1918. – 16 липня.
34. Наше життя. – Мариуполь, 1919. – 18 лютого.
35. Отчет Мариупольской городской управы. 1913 г. – Мариуполь, 1914.
36. Проценко А. Синематограф в старом Мариуполе // Азовсталец. – Мариуполь, 1995.
37. Революционное слово. – Мариуполь, 1918. – 28 марта.

38. Революционное слово. – Мариуполь, 1918. – 6 апреля.
39. Яруцкий Л. Д. Главный кинотеатр // Приазовский рабочий. – 1979. – 25 августа.
40. Яруцкий Л. Д. Первый киносеанс // Яруцкий Л. Д. Мариупольская старина. – Москва, 1991. – С. 358–361.
41. Яруцкий Л. Д. Первый киносеанс в Мариуполе // Приазовский рабочий. – 1972. – 20 февраля.

Александра Забело

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ МАРИУПОЛЯ В ГОДЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТЯСЕНИЙ (1917–1920 гг.)

Музыкальная культура – важная составляющая духовной жизни общества. Она является отражением ценностей, создаваемых этим обществом, и средством совершенствования его ориентиров одновременно. Особый интерес представляет исследование состояния музыкальной культуры общества, находящегося на сломе формаций. Цель данной работы осветить события и факты, которые в той или иной мере отражают музыкальную жизнь Мариуполя в 1917–1920 годах. В эти годы Мариуполь, как и государство в целом, пережил череду социальных потрясений, в том числе – эпидемии, голод и холод, митинги и вооруженные столкновения, многократную смену власти. Жители города видели красногвардейцев и гайдамаков, австро-германцев и денкинцев, войска Врангеля и Буденного. Каково же было место музыкальной культуры в повседневной жизни горожан в это тяжелое время?

Решающую роль в развитии музыкальной культуры и в организации профессионального музыкального образования в конце XIX – начале XX века сыграло образовавшееся в России в 1869 году Императорское русское музыкальное общество (ИРМО). Оно стало основной музыкально-просветительской организацией в России, ставившей своей целью сделать серьезную музыку доступной для широкой публики и способствовать распространению музыкального образования в стране. Для осуществления своих целей Общество ежегодно выделяло правительственную субсидию в 15 тысяч рублей. Опираясь на инициативу местных музыкантов и любителей музыки, год за годом, на базе собственных музыкальных кружков ИРМО открывало отделения в провинциальных городах [27].

В 1906 году такое отделение создается и в Мариуполе. На заседании Мариупольской городской думы было рассмотрено ходатайство Нины Ивановны Макарской о преобразовании созданных ею в городе музыкальных курсов в **Мариупольское отделение ИРМО**. Дума постановила *"уполномочить Городскую Управу выдать Н. И. Макарской удостоверение, что со стороны думы не встречается препятствий к преобразованию ее курсов в Мариупольское Отделение Императорского Русского Музыкального Общества"* [1, с. 19]. Такая реорганизация повышала официальный статус и профессиональный уровень курсов, а, следовательно, общий уровень музыкальной культуры.

События в культурной жизни города накануне 1917 года свидетельствуют об успешной работе отделения Государственного русского музыкального общества (ГРМО) в Мариуполе. Главным ее результатом стало открытие **Государственного музыкально-педагогического училища**. В городской газете «Мариупольское слово» от 5 августа 1917 года дирекция Мариупольского отделения ГРМО во главе с председателем С. Квитницким, сообщала *"об открытии в городе Мариуполе с осени текущего учебного года музыкального училища"* [18, с. 1]. Располагалось оно на улице Екатерининской, в доме № 47. Председателем художественного совета учреждения также был

С. Квитницкий. Заведовал музыкальным училищем выпускник Киевской консерватории пианист Ф. П. Городецкий. Мариупольцам он был известен виртуозной игрой на рояле, сопровождавшей многие городские концерты и праздники.

Работало заведение по утвержденной программе, соответствующей полному учебному плану консерваторий ГРМО, рассчитанному на три курса. Прием учащихся проводился на основании результатов экзаменов, начинавшихся 1 сентября [19, с. 1]. В 1917–1918 учебном году обучение проводилось по следующим классам: фортепиано, скрипка, пение solo, духовые инструменты, виолончель и теория композиции [6, с. 4]. Вспомогательными теоретическими предметами были: теория музыки, сольфеджио, гармония, история музыки, история искусства и эстетики [24, с. 4]; вспомогательными практическими – класс ансамбля, оперный, оркестровый и хоровой классы.

В состав преподавателей входили: заведующий училищем Ф. П. Городецкий, выпускник Варшавской консерватории скрипач И. Д. Заком, известный московский виолончелист Л. С. Щербаков, бывший преподаватель Ростовского отделения ГРМО дирижер М. Я. Свердлов. Класс вокала вела окончившая Киевскую консерваторию по классу пения Ю. П. Путилова-Городецкая [6, с. 4]. В 1919 году по классу скрипки и виолончели в училище был приглашен выпускник Рижского музыкального училища Р. Б. Маркир [10, с. 2]. Местная пресса знакомила читателей с биографиями преподавателей музыкального училища, освещала их исполнительскую, педагогическую и общественную деятельность.

При училище был открыт кружок любителей оркестровой, симфонической игры и хорового пения [18, с. 1]. С июня месяца для желающих научиться музыкальной грамоте в училище начинались летние занятия по классам фортепиано, скрипки и пения [22, с. 1].

В программу обучения входили произведения крупной формы и сложной композиции, требующие высокой степени исполнительского искусства. Студенты музыкального училища, периодически выступавшие на концертных площадках города, в помещениях театров и в гимназиях, показывали высокий уровень мастерства. На отчетном концерте в конце 1917–1918 учебного года прозвучали: Ф. Шопен «Баллада ля бемоль-мажор», Ф. Лист «Ноктюрн № 3», В. А. Моцарт «Концерт ре-минор для фортепиано с оркестром», Л. ван Бетховен «Концерт ре-мажор для фортепиано с оркестром», К. Вебер «Conceristuck?а» [21, с. 3].

В объявлениях об открытии 1917–1918 учебного года сообщалось о том, что *"лица, окончившие Музыкальное Училище пользуются всеми правами, указанными в §§ 42 и 43 Устава Государственного Русского Музыкального Общества"* [6, с. 4]. Выпускники, становясь членами партнерства, получали поддержку в осуществлении профессионального роста. Такие особенности в работе Мариупольского музыкального училища указывали на высокий статус этого учреждения.

1 сентября 1917 года по адресу ул. Екатерининская, 34 в Мариуполе были открыты **Высшие музыкальные курсы**. Их учредителем являлся выпускник Петроградской государственной консерватории по классу рояля, свободный художник¹ И. Н. Акштейн. Курсы состояли из трех отделений: младшего (для начинающих), среднего и высшего. Занятия, разработанные по программе государственной консерватории, велись по классам рояля, скрипки, пения, ансамбля, военно-духовых инструментов. Кроме профильных предметов учащимся читались лекции по эстетике, истории музыки и искусств. Плата за обучение была различной: 175 руб. в год по классу рояля и скрипки, 200 руб. – класс пения, 100 руб. – класс духовых инструментов.

В течение учебного года дирекцией курсов в качестве отчетной работы устраивались ученические концерты. Об одном из них, состоявшемся в мае 1918 года, в

---

1. Звание, даваемое русскими консерваториями ИРМО лицам, окончившим полный курс музыкального образования по специальному предмету изучения.

газете «Наше життя» писалось: *"Были моменты, когда чувствовалось артистическое проникновение в исполнении. У всех учащихся помимо значительной техники, хорошее туше и уверенный, свободный тон. Чувствуется, что каждый играет так, как ему подсказывает внутреннее чувство"* [20, с. 3]. Высокий профессионализм И. Н. Акштейна, директора курсов и преподавателя по классу рояля, отмечен словами: *"Из молодых людей и детей [И. Н. Акштейн] сумел создать вполне готовых к дальнейшему артистическому совершенствованию музыкантов и – главное, вдохнуть в них интерес и любовь к настоящей высокой музыке. Он не только прекрасный педагог, но и глубоко чувствующий музыкант, знающий, что детской, неиспорченной душе иногда вполне доступны многие откровения великих духом – Бетховена и Моцарта"* [20, с. 3].

В 1918 году педагогический состав школы пополнился опытными преподавателями. В штат были приняты выпускники Варшавской консерватории по классу рояля А. И. Марек, по классу скрипки С. И. Энгелендер, по классу теории композиции И. Д. Заком, выпускница Московской консерватории по классу рояля В. А. Кравцова, артист и ученик профессора Кленгеля по классу виолончели З. В. Крженковский. О работе новых преподавателей И. Д. Закома и А. И. Марек позже в «Мариупольских известиях» писалось: *"Чувствуется большая и ответственная работа преподавателей в достижении учащимися свободной и правильной передачи [исполняемых] произведений"* [7, с. 4].

И. Н. Акштейн открыл нотную и музыкально-педагогическую библиотеку и организовал продажу в рассрочку недорогих скрипок [24, с. 4]. В 1918–1919 учебном году при музыкальных курсах открылось двухгодичное педагогическое отделение по классу фортепиано. Его цель – обучить начальной методике преподавания музыки. По окончании отделения учащиеся педагогических курсов должны были получить аттестаты на звание домашнего учителя [13, с. 1].

В 1917–1919 учебных годах в Мариуполе продолжала свою работу открытая еще в 1910 году **частная музыкальная школа Леонида Каневского**, выпускника Государственной Петроградской консерватории. Располагалась она на Марии-Магдалиновской улице в доме Михайловского. В 1917–1918 учебном сезоне прием учащихся проводился по классам фортепиано, скрипки, виолончели и пения. В школе работали преподаватели: лауреат Мюнхенской консерватории Л. Р. Каневский, который вел класс фортепиано, А. Чайковская и М. О. Лившиц вели класс скрипки, А. Хельмер преподавала по классу вокала [24, с. 4]. Вспомогательным курсом «история музыки» заведовал А. И. Александрович. По воскресеньям для учащихся школы организовывалась совместная игра в дуэтах на двух роялях и трио для фортепиано, скрипки и виолончели. В течение года администрацией школы устраивались ученические вечера и отчетные камерные концерты [17, с. 1].

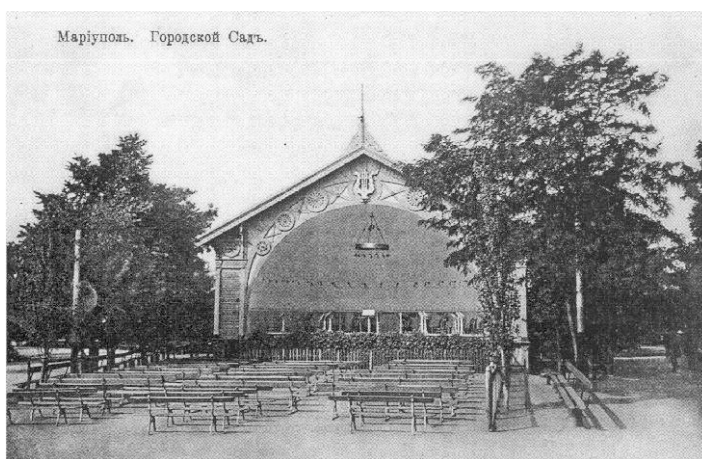
В октябре 1918 года в городской газете «Мариупольский вестник» сообщалось, что *"от Государственного Правительства было получено разрешение открыть в городе Мариуполе Музыкально-Педагогический институт им. П. И. Чайковского"* [14, с. 1]. Учредителями института являлись выпускники Государственной Петроградской консерватории, свободные художники Л. Р. Каневский и М. О. Лившиц. Преподавателем теории композиции был приглашен ученик Н. А. Римского-Корсакова Б. Левинзон [15, с. 1]. С 17 октября 1918 года объявлялось о начале приема учащихся.

Регулярно печатаемые в местной прессе объявления о преподавании музыки на дому указывают на популярность и этого вида обучения. В домашних уроках предлагался самый широкий спектр музыкальных знаний: игра на музыкальном инструменте, теория музыки, композиция, сольфеджио, вокал и др. В числе имен надомных преподавателей известны А. Быховская (рояль), С. И. Кернер (скрипка), Р. Б. Маркир (скрипка, виолончель), М. Н. Орлов (пение, элементарная теория музыки), М. Я. Свердлов (рояль, гармония), Соколов (теория музыки, сольфеджио, гармония) и др.

Широкие возможности получить в городе музыкальное образование свидетельствовали о том, что музицирование среди мариупольцев было естественной и органичной частью их быта и отдыха. Об этом же свидетельствуют и многочисленные общественные организации, действующие в Мариуполе в первой половине рассматриваемого периода: дирекция Мариупольского отделения ГРМО, профессиональный союз музыкантов, отделение Всероссийского союза оркестрантов, кружки, национальные культурные центры, попечительские общества, родительские комитеты при различных учебных заведениях [26]. На собраниях союзов и музыкальных обществ решались вопросы, связанные с созданием и работой оркестров, подачей прошений о финансировании и смет в городскую думу, участием в концертах и праздниках.

Оркестры организовывались в гимназиях, на предприятиях, в воинских соединениях, размещавшихся в разное время в Мариуполе. Музыканты были востребованы работавшими в городе кинотеатрами в качестве таперов. Регулярно на концертных площадках города при участии тех или иных солистов и оркестров устраивались музыкальные вечера, бенефисы, вечера камерной музыки. Музыка большого салонного оркестра под управлением скрипача Ивана Антоновича Рылло сопровождала в теплое время 1917 года массовые вечерние гуляния в Александровском парке. В начале летнего сезона 1918 года для участия в досуге горожан во время вечернего отдыха в городскую управу с предложением организовать симфонические и духовые оркестры было подано по меньшей мере три заявления (от дирижеров Г. А. Бреннера, Д. И. Тайрова, А. И. Чудова). На открытых сценах города в этот период исполняли свою программу большой австрийский военный оркестр [23, с. 1], струнный оркестр под управлением Б. Г. Давидовича, опереточная труппа режиссера П. А. Чернявского и главного дирижера Жозефа Ричарди. В 1920 году в городском саду играл духовой оркестр, звучала музыка симфонического оркестра Политотдела под управлением военмора Николая Солнышкова. Сценами для выступлений музыкантов служили помещения театров, фойе кинотеатров, концертный зал гостиницы «Континенталь», летний театр в Александровском парке, ротонда и музыкальная раковина в городском саду.

В 1918–1919 годах сценами концертных музыкальных вечеров были также кафе-рестораны. Одно из таких заведений, «Аполло» по ул. Екатерининской, так рекламировало себя в городской газете: *"В ресторане играет струнный оркестр под управлением Б. Г. Давидовича. В программе вечера исполнительница романсов Зоя Рубин, исполнительница цыганских романсов Т. Лунская, каскадная певица Лебединская, Украинское концертное трио, сольные выступления аттракционных номеров"* [25, с. 75]. Кафе-ресторан «Жорж» имел еще более обширную программу: *"Во время обедов и ужинов играет концертный квинтет при участии известного виолончелиста Д. Н. Белых. [Приглашены артисты:] шанс певицы Джоюконда и Ветрова, лир певица Лорденс, исполнительница цыганских романсов Днепрора, этуали – Глория, каскадная певица Регина"* [16, с. 1]. В 1919 году в кафе «Жорж» играл польский симфонический оркестр под управлением солиста скрипача Яна Добкевича [11, с. 1].

Эстрада в городском саду

**Дом Ф. И. Данилова (ныне Ленина, 35),
в котором размещалось кафе «Жорж»**

На протяжении всего описываемого периода популярной в городе была Народная капелла под управлением Константина Михайловича Риниери, сына священника из с. Чердакли. Ее выступления сопровождали показы фильмов в помещениях летних театров, большие гуляния в парке и городском саду, праздничные концерты.

1919–1920 годы были тяжелыми для продолжения музыкальной жизни Мариуполя. Музыкальная секция при городском отделении еще не упраздненного Русского общества разработала план реорганизации музыкального образования в городе. В 1919 году в помещении частной школы на Марии-Магдалиновской улице была открыта **Пролетарская школа музыкального образования** [24, с. 4]. Все же, так как город находился в состоянии военного положения, вопросы культурного развития отошли на второй план. Сфера культуры и искусства стала источником дохода для входивших в город армий и продвижением их политических взглядов. В 1919 году в городе закрываются различные увеселительные заведения, проводится мобилизация в Добровольческую армию. 14 февраля в помещении кинотеатра «Гигант» состоялся концерт учащихся музыкального училища, 75 % чистого сбора с которого поступило в пользу лазарета для Добровольческой армии [12, с. 4].

4 января 1920 года в город снова вошли войска Красной армии. В Мариуполе создается уездный ревком и партком. В печатном органе Мариупольского ревкома газете «Известия» был напечатан Приказ № 3, согласно которому *"Все музыкальные, театральные и художественные силы города Мариуполя и его окрестностей, а также капелла Риниери [объявлялись] мобилизованными"* в Красную армию [2, с. 2]. 25 апреля в помещении клуба (бывшее Епархиальное училище, ныне корпус № 1 ПГТУ) устраивается вечер-концерт для выздоравливающих красноармейцев. 5 июня в театре «Солей» в помещении гостиницы «Континенталь» (ныне ДК «Молодежный») состоялся концерт в пользу семей красноармейцев.

По мере укрепления веяний нового времени лидирующая роль в организации и управлении сферой культуры переходит к новым органам – Пролеткульту, различным профессиональным союзам, культпросветкомиссиям, кружкам и студиям [3, с. 2]. Эта реорганизация вела к усилению централизации управления концертной деятельностью в городе и качественным изменениям в духовной жизни общества.

Большая роль отводится клубам, на которые возлагается и музыкальное воспитание молодежи. Они должны были стать *"синтезом творческой работы воспитания красноармейского поколения, системой всего педагогического строительства, где*

объединяются все отрасли внешкольного образования: всесторонняя грамотность, сцена, музыка, живопись, пение, спорт, экскурсии и т.д." [5, с. 2]. В связи с этим в городе быстрыми темпами открываются новые клубы, при которых работают музыкальные кружки.

28 марта 1920 года в помещении кинотеатра «Иллюзион» состоялось собрание по случаю открытия **школы музыки в Мариупольском порту** [25, с. 70].

Веянием времени стало увлечение творчеством Л. ван Бетховена – музыканта, в творчестве которого отражались идеи Французской революции с ее лозунгами «Свобода. Равенство. Братство». В 1920 году в городе прошли вечера камерной музыки, *"посвященные исключительно произведениям Бетховена. [Концерты начинались] со вступительных слов, подчеркивающих все значение Бетховена как революционера в области музыки"* [4, с. 2].

В 1920 году прослеживается обращение к композиторам монументальных жанров, в музыкальных произведениях которых звучит критика самодержавия. В городе прошли концерты, посвященные творчеству Н. А. Римского-Корсакова, М. П. Мусоргского. Многие устраиваемые в это время концерты начинались или заканчивались исполнением «Интернационала».

Музыкальный вкус мариупольцам в период 1917–1920 годов прививали также гастролировавшие в городе столичные исполнители, оперные труппы, симфонические оркестры. В Мариуполе в разное время освещаемого периода побывали с концертами профессор Киевской консерватории скрипач М. Г. Эрденко и пианист С. В. Тарновский (преподаватель одного из величайших пианистов XX века В. С. Горовица). Мариупольцы встречались на концертах с видными мастерами музыки и вокального искусства: виолончелистом Богуславом Сикорой, балалаечником Борисом Трояновским, тенором Дмитрием Мельниковым, басом Леонидом Кокориным [24, с. 4].

На протяжении всего периода продолжает свое развитие национальная музыкальная культура. В городе работала Еврейская опереточная труппа. Под аккомпанемент пианиста Л. Розенберга выступали с сольными номерами интерпретаторы еврейских национальных песен Фрида Закс и Леонид Горев. Общество «Просвіта» организовало хор украинской песни. Мариупольским армянским комитетом проводились вечера армянской культуры [9, с. 2]. В городских концертных программах принимал участие цыганский ансамбль под управлением хормейстера Е. И. Шнейдера [8, с. 1].

Выдающийся скрипач Михаил Эрденко

В сфере обслуживания музыкального искусства в городе предлагался широкий спектр услуг. На пересечении улиц Торговой и Евпаторийской с 1918 года работала музыкальная мастерская Е. И. Клименко. Там проводилась настройка, ремонт, полировка пианино и роялей, полная гардировка струнных инструментов. Он организовал также покупку и прокат роялей и пианино. На дому работал настройщик Л. Г. Адлер.

В городе работали специализированные магазины с большим выбором нот, музыкальной литературы и инструментов: Гуровича, Савелия Самойловича и «Унисон» по ул. Екатерининской, 34.

События революций и гражданской войны в стране внесли коррективы во все сферы культурной жизни Мариуполя. Однако, несмотря на крайнее обострение политической нестабильности в 1917–1920 годах, музыкальное образование и концертная деятельность в городе не только не угасли, но получили новые импульсы к дальнейшему развитию. Если в 1917–1919 годах продолжают развиваться музыкальные традиции, сложившиеся до революции, то в 1920 году, отмеченном окончательным утверждением советской власти, музыкальное искусство в определенной степени становится выразителем идей, соответствующих новой политической формации.

Использованные источники

1. Журнал очередных и чрезвычайных заседаний Мариупольской Городской Думы. – Мариуполь, 1906. – 302 с.
2. Известия. – Мариуполь, 1920. – 10 апреля. – № 50. – 2 с.
3. Известия. – Мариуполь, 1920. – 1 августа. – № 142. – 2 с.
4. Известия. – Мариуполь, 1920. – 7 августа. – № 147. – 2 с.
5. Известия. – Мариуполь, 1920. – 14 декабря. – № 194. – 2 с.
6. Крестьянин и рабочий. – Мариуполь, 1917. – 31 августа. – № 29. – 4 с.
7. Мариупольские известия. – Мариуполь, 1918. – 12 декабря. – № 7. – 4 с.
8. Мариупольские известия. – Мариуполь, 1919. – 1 января. – № 23. – 4 с.
9. Мариупольские известия. – Мариуполь, 1919. – 19 (6) января. – № 35. – 4 с.
10. Мариупольские известия. – Мариуполь, 1919. – 21 (8) января. – № 36. – 4 с.
11. Мариупольские известия. – Мариуполь, 1919. – 1 февр. (19 янв.). – № 46. – 4 с.
12. Мариупольские известия. – Мариуполь, 1919. – 27 (14) февраля. – № 67. – 4 с.
13. Мариупольский вестник. – Мариуполь, 1918. – 28 августа. – № 3. – 4 с.
14. Мариупольский вестник. – Мариуполь, 1918. – 17 октября. – № 41. – 4 с.
15. Мариупольский вестник. – Мариуполь, 1918. – 26 октября. – № 49. – 4 с.
16. Мариупольский вестник. – Мариуполь, 1918. – 30 октября. – № 52. – 4 с.
17. Мариупольское слово. – Мариуполь, 1917. – 25 июля. – № 92. – 4 с.
18. Мариупольское слово. – Мариуполь, 1917. – 5 августа. – № 102. – 4 с.
19. Мариупольское слово. – Мариуполь, 1917. – 15 августа. – № 110. – 4 с.
20. Наше життя. – Мариуполь, 1918. – 28 (15) мая. – № 5. – 4 с.
21. Наше життя. – Мариуполь, 1918. – 11 июня (29 мая). – № 17. – 4 с.
22. Наше життя. – Мариуполь, 1918. – 22 (9) июня. – № 26. – 4 с.
23. Наше життя. – Мариуполь, 1918. – 29 (16) июня. – № 31. – 4 с.
24. Проценко А. Д. Страницы прошлого читаю... // Призовский рабочий. – 1996. – 26 апреля.
25. Яруцкий Л. Мариупольская мозаика. – Мариуполь, 1998. – Т. 1. – 332 с.
26. Королева В. А. Императорское Русское Музыкальное общество и Пролеткульт на Дальнем Востоке России: союз или конфронтация? // Художественная культура : электронный рецензируемый научный журнал. – 2012. – Вып. 3. – Режим доступа: <http://sias.ru/magazine/vypusk-3/istoriya-i-sovremennost/600.html>
27. История РМО // Русское музыкальное общество : официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.irms.ru/history.html>

ПОРТРЕТНЫЕ ОТКРЫТКИ МАРИУПОЛЬСКИХ ФОТОГРАФОВ К вопросу о систематизации

Портретные фотооткрытки появились в России на рубеже XIX–XX веков. Вначале это были портреты царских особ, известных актеров, писателей и поэтов. Тиражировалась такая продукция в столичных городах.

Появлению портретной фотооткрытки в провинции предшествовало распространение плотной фотобумаги с отпечатанной на ней почтовой атрибутикой. На обратную сторону фотографической бумаги размером 9?14 см стали наносить линии для написания адреса и обозначать место для наклеивания почтовой марки. Такая фотобумага начала продаваться во многих писчебумажных магазинах Российской империи в начале XX века.

Будучи на гастролях в небольших уездных городах, заезжие актеры стали сниматься у местных фотографов и посылать на память родственникам и знакомым фотокарточки со своими собственными изображениями. Фотографировались они, как правило, в театральных костюмах и эффектных позах.

**Оперные артисты
императорских
театров Д. Х. Южин
и Н. С. Ермоленко-
Южина.
Фото А. М.
Стояновского**

**Актер А. М. Баршах
в роли Гамлета.
Фото А. М.
Стояновского**

Подражая заезжим знаменитостям, местная мариупольская интеллигенция, гимназисты и просто горожане стали заказывать свои портреты именно на фотооткрытках. Такую открытку можно было послать по почте в открытом виде или в конверте. Да и стоила она дешевле, чем фотография на толстом картоне, именуемом «паспарту».

Все фотопортреты, изготовленные в начале XX века, двух видов: на паспарту и на открытке. Если клиент хотел иметь свой портрет на паспарту, то изображение печаталось на тонкой фотобумаге и клеилось на толстый картон. Если же заказчик хотел иметь свое изображение на открытке, то его портрет печатался на плотной фотобумаге стандартного размера с уже имеющейся на обратной стороне почтовой атрибутикой.

Если говорить о количественном соотношении портретных открыток и фотографий, наклеенных на паспарту, то первые встречаются примерно в пять-семь раз

реже, чем последние. Однако ситуация в корне изменилась после революции и событий гражданской войны. Дешевые фотооткрытки стали популярнее фотографий, наклеенных на паспорт.

На большинстве из дошедших до наших дней портретных открыток мариупольских фотографов не указаны имена их авторов. Лишь, примерно, третья часть этой продукции имеет личные штампы фотомастеров. Некоторые авторы, подготавливая негативы, выводили на стеклянных пластинах свои фамилии и другие пояснительные надписи.

При атрибуции и систематизации портретных фотооткрыток важно учитывать внешний вид и структуру местной фотографической открытки.

Наиболее известные местные фотографы, такие как И. Е. Куюмджи, А. М. Стояновский, Ф. Е. Файн, А. И. Рубанчик, Я. Б. Полоцкий, М. Краснопольский, Л. Зайденберг, А. Г. Баженов в своих салонах помимо специальной мебели имели живописные пейзажные полотна. Такие полотна, так называемые «задники», рисовались на больших полотнах ткани и закрывали практически всю стену фотостудии. Во время фотографирования к ним приставлялись декорации: сельские заборы, калитки, пни, укороченные стволы деревьев, лодки и даже небольшие мостики для перехода через ручей. Нужно сказать, что такие полотна иногда менялись в зависимости от времени года, но все же по ним нетрудно проводить сравнения при определении принадлежности фотографий тому или иному автору.

**Мариупольские гимназистки Елена и
Елизавета Кефели. Фото А. М. Стояновского**

**Мариупольские гимназистки. Первая слева
Е. И. Бахалова, вторая справа А. И. Бахалова.
Фото Ф. Е. Файна**

Кроме пейзажных полотен, часто использовались рисунки и имитация богатого убранства интерьеров фотостудий. На полы вдоль стен клались специально изготовленные «дорожки-ковры», имитирующие травяной покров или мелкий бульжник (гальку).

Клиент имел возможность тут же облачиться в различные одежды, например, украинца: шаровары, вышитую сорочку, кушак, папаху. Женщины – в соответствующий наряд украинки с большим набором бус. Для детей, как правило, имелась пара матросских костюмчиков и бескозырок. В фотостудии можно было также попользоваться солнцезащитным зонтиком и другими женскими аксессуарами.

Для уточнения авторской принадлежности фотооткрыток необходимо более подробно рассматривать «задники» и рисованные интерьеры помещений местных фотографов.

У А. М. Стояновского живописных полотен было несколько. В фотостудии висело обычно одно, остальные были свернуты на деревянные дранки и вешались на стены по мере сезонных потребностей. Наиболее часто встречающимся «задником» у этого фотографа было изображение уходящего вдаль водоема, в левой части которого виднелся грот, выложенный из крупного камня. Часто встречается у А. М. Стояновского и дубовая аллея, с ровно, словно по шнуру, посаженными деревьями. Реже можно увидеть изображения двух различных богатых подворий, в правой части которых нарисованы парадные входы в дома с колоннами. Не часто встречаются такие полотна, как так называемый «суровый морской пейзаж» и «зимний пейзаж».

У фотографа Ф. Е. Файна можно увидеть изображение крутого морского обрыва с выступающей из воды скалой, тополиной аллеи.

На открытках А. И. Рубанчика чаще всего просматривается «задник» с изображением берез и уходящей вдаль реки.

Нужно сказать, что после революции, по понятным причинам, живописные полотна содержащие буржуазную тематику были заменены на «пролетарские». А. М. Стояновскому в 20-х годах остались служить полотна с дубовой аллеей и «суровым морским пейзажем», а Ф. Е. Файну – «крутой морской обрыв».

Имитировались не только пейзажи, подворья и дома, но и сами интерьеры помещений. У А. М. Стояновского и А. И. Рубанчика были установлены декоративные арочные проемы, внутри которых могли расположиться желающие сфотографироваться. По бокам арочных проемов были прорисованы дверцы и цветы, которые на фотографиях кажутся настоящими.

Что касается предметов мебели, которые имелись в салонах, то автор, просмотрев на открытках большое их количество, с удовлетворением отмечает, что все они не похожи друг на друга. Это обстоятельство служит хорошим подспорьем в нашей идентификации материала. Например, у А. М. Стояновского имелось двухместное кресло с ножками в виде львиных лап. Встретить подобное в салоне другого фотографа практически невозможно.

Некоторые из фотохудожников для придания оригинальности своей продукции помещали изображения мариупольцев и мариупольчанок в рамки в виде кругов, овалов, ромбов, цветов, стилизованных изображений игральных карт и т.д. При систематизации открыток важно фиксировать размеры рамок, поскольку они получались с помощью трафаретов, изготовленных непосредственно самими фотографами. Такие трафареты клали между стеклянной пластиной с негативом и фотобумагой того же размера. После попадания света изображение со стеклянной пластины переносилось на фотобумагу, а поле под рамкой оставалось белым.

Нередко фигуранты с открыток дарили портреты знакомым, указывая свои фамилии, даты фотосъемки и просто делая пояснительные надписи. Такие сведения, безусловно, несут полезную информацию.

Если говорить о количестве портретных открыток, изготовленных отдельно каждым фотомастером, то на первое место выходит Ф. Е. Файн. Однако значительная часть отпечатанных им открыток приходится на 20-е и начало 30-х годов XX века. Много открыток изготовлено и А. М. Стояновским. Значительно отстают от них А. И. Рубанчик, Я. Б. Полоцкий, М. Н. Улахов. Продукция остальных фотографов встречается редко.

Елена Кефели

**Г. Грушко, Г. Никулин,
Н. Шинкин (слева-направо).
Фото А. М. Стояновского**

Заинтересованному исследователю непременно захочется узнать, сколько всего портретных открыток отпечатано мариупольскими фотографами? Автор считает, что местных портретных открыток было изготовлено не меньше, чем видовых. Счет вполне может идти не только на сотни, но и на тысячи. Ведь в Мариуполе к 1917 году работало уже 50 фотографов [1, с. 122]. Каждый из этих фотомастеров практически мог изготовить открытку. Поэтому точное количество авторов портретных открыток вряд ли удастся установить и в будущем.

Известно также, что стоимость трех портретных открыток, изготовленных в фотостудии в дореволюционном Мариуполе, составляла в среднем пятьдесят копеек.

К сожалению, в результате поджога города фашистскими оккупантами в сентябре 1943 года значительная часть портретных открыток была утрачена. Оставшиеся, как отдельный пласт филокартии, практически не исследуются и «благополучно» рассеиваются, теряя последние привязки к запечатленным на них мариупольцам. К еще большему сожалению никто не сможет сказать, сколько интересующего нас материала находится вне Мариуполя. Возможно, какая-то

часть этих открыток, несущая на себе штампы фотографов, и попадет со временем на модные ныне аукционы. Остальные, с одной стороны как малоинтересный, а с другой, как неликвидный для современного коллекционера материал, по-видимому, будут утрачены.

Автор благодарит сотрудников Мариупольского краеведческого музея Л. С. Якушенко и Р. П. Божко, краеведа С. Д. Бурова за предоставленные материалы и информацию, а также за помощь в работе.

Использованные источники

1. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века / Р. П. Божко, Т. Ю. Були, Н. Н. Гашененко и др. – Мариуполь : Рената, 2006. – 356 с.

Семён Гольдберг

КАК ЭТО БЫЛО Оккупационные каратели в Мариуполе

Утром 8 октября 1941 года в Мариуполе шло заседание бюро городского комитета партии. Обсуждались насущные вопросы жизни и деятельности города, ставшего, по сути, прифронтовым. Обсуждалось также выполнение плана эвакуации в восточные районы страны наиболее ценного заводского оборудования, вывоза из города сосредоточившегося на элеваторе в порту большого количества зерна, а ещё эвакуации

госпиталей и прибывших в Мариуполь морем из Одессы мирных жителей.

Об эвакуации мариупольцев речи не было, такая команда ещё не поступила, да и необходимости такой пока не было, поскольку непосредственная угроза городу на фронте не сложилась, и прибывавшие в те дни в Мариуполь из района боевых действий военные уверяли, что город не будет сдан врагу.

Заседание шло уже не первый час. Кто-то из членов бюро горкома, кому невтерпёж было покурить, поднялся со своего места и подошёл к приоткрытому окну, выходящему в сторону центрального сквера. Чиркнул спичкой и взглянул в окно. Спичка загорелась, да так и горела, обжигая пальцы, а человек, кажется, даже не почувствовал боли, потрясённый тем, что увидел. А увидел он такое, что сознание отказывалось воспринимать, чего, казалось, просто не могло быть: неподалёку от здания горкома (тогда горком находился на том месте, где ныне жилой дом «со шпилем» по ул. Артема, 48) стоял немецкий танк с крестом на броне, рядом с танком прохаживался фашистский офицер.

Прошло несколько мгновений, прежде чем увидевший такую немислимую картину, смог сдавленным голосом, но так, что его услышали все участники заседания, вскрикнуть: «Немцы!».

Кто-то громко крикнул: «Провокация!.. Не паниковать!». Но тут большинство участников заседания бросилось к окну и увидели всё сами.

– Спокойствие, товарищи! – сразу осевшим голосом сказал секретарь горкома. – Выходим через двор. Встречаемся в Таганроге...

Заведующий военным отделом горкома Давид Молонов и военный комиссар города Николай Голубенко на заседание бюро горкома опаздывали – ехали на легковой машине «эмке» из морского порта, где с самого утра решали вопросы вывоза всего самого ценного. Они уже подъехали к горкому, когда внезапно увидели немцев и горящий пожарный автомобиль. Резкий поворот в сторону, машина устремилась вниз по улице Артёма, свернула в боковую улицу – прямо перед ними впереди вражеские мотоциклисты. Молонов и Голубенко достали пистолеты, намереваясь проложить себе путь, но тут по ветровому стеклу «эмки» с мотоцикла ударила пулёмётная очередь...

Так с оружием в руках погибли они. Погиб и секретарь Портовского райкома партии Солодилов [1].

За Белым мостом через речку Кальчик, там, где Жовтневый район граничит с Ильичёвским, ворвавшимися в город врагами был убит потомственный металлург-ильичёвец, секретарь Орджоникидзевского райкома партии Иван Максимович Махортов...

У центрального сквера лежала убитая женщина в форме работника милиции.

Те горожане, кто не растерялся, увидев, что произошло, не мешкая, быстро пошли в сторону «Азовстали», прошли мостом через реку Кальмиус и дальше по дороге на Таганрог.

В это время от железнодорожной станции отошёл санитарный поезд, который вывозил раненых из эвакогоспиталя. Поезд миновал гавань Шмидта и дорогу к «Азовстали», завод имени Ильича и станцию Сартана. Машинист паровоза был поражён, увидев стоящих у переезда немецких мотоциклистов, но пулёмётный огонь по санитарному составу они так и не открыли и поезд проследовал дальше, увозя раненых и медперсонал от беды.

Успели уйти и несколько тральщиков и бронекатеров Азовской военной флотилии, несмотря на то, что появившиеся в порту вражеские танки открыли по ним орудийный огонь, а в море наши корабли почти беспрерывно атаковали немецкие самолёты.

У моста через Кальмиус у «Азовстали» дорогу гитлеровцам преградил расчёт ополченцев-пулёмётчиков. Несколько часов удерживали они продвижение врага к мосту, заводу и к дороге, ведущей в Таганрог, и дали возможность отправиться с заводской территории на станцию Волноваха эшелону с азовстальцами и оборудованием. Дорогой

мимо «Азовстали» успел уйти из города Мариупольский истребительный батальон под командованием Скорика. Этот огненный рубеж у моста стал последним для ополченцев-пулемётчиков (по информации генерала Александра Алексеевича Губенко).

Неизбежны острые вопросы, касающиеся внезапного захвата города врагом. Как случилось, что наше военное командование не сообщило городским властям о действительном положении дел на фронте в непосредственной близости от Мариуполя? Не предполагали такого внезапного и быстрого развития событий, не хотели возникновения паники в городе? Почему не объявили в нём эвакуации? И ещё, и это, пожалуй, главное в тех условиях: как произошёл стремительный прорыв немецких войск и совсем неожиданный захват ими Мариуполя?

Как позже стало известно, той тревожной осенью на юг Украины, на Донбасс наступала мощная, хорошо вооружённая 1-я танковая армия Клейста. За месяц до того, форсировав Днепр, немецкие войска, сбивая наши заслоны, довольно быстро продвигались по степной части, стремясь сходу прорваться в Крым и Донбасс. На рубеже вдоль реки Молочной у Мелитополя находились части советских 18-й и 9-й армий. 17 сентября они нанесли здесь врагу контрудар, овладели рядом населённых пунктов, разгромили немецкую горноспасательную и две румынские пехотные бригады. После этого положение на этом участке фронта несколько стабилизировалось.

Прикрывать, защищать Мариуполь должны были стрелковая дивизия 9-й армии Южного фронта и полк морской пехоты. Но морпехи прибыть к городу не успели, а стрелковую дивизию командование перебросило под Мелитополь. Получилось, что защищать Мариуполь остались только 150 бойцов истребительного батальона, расчёты зенитных орудий и пулемётов нескольких небольших военных кораблей Азовской военной флотилии и 87-я истребительная авиаэскадрилья. В те дни её летчики и их командир капитан Г. И. Агафонов уничтожили несколько вражеских самолётов.

Могли ли такие совсем небольшие силы противостоять наступлению танковой армии Клейста?

29 сентября противник нанёс по нашим войскам сильный удар из района Днепропетровска в юго-восточном направлении и прорвал оборону советских войск. Создалась опасность выхода врага в тыл Южному фронту. Советское командование ещё успело вывести большую часть соединений из затягивающегося «мешка», но остановить противника не хватало сил. 7 октября у Бердянска бронированные клинья танковой армии Клейста соединились с их 11-й армией, которая прорвалась через Мелитополь. Создалась непосредственная угроза Мариуполю, но ночью отходящие части 9-й армии на северной окраине города у станции Сартана всё-таки задержали противника до утра.

Затем 8 октября передовой отряд гитлеровцев – моторизированной пехотной дивизии СС «Лейбштандарт "Адольф Гитлер"» – мотоциклетно-стрелковые роты, бронетранспортёры и танки разведбатальона со стороны Бердянска ворвались в Мариуполь. Через несколько часов, к вечеру вражеские войска, в составе которых были итальянские и венгерские части, полностью овладели Мариуполем.

Вслед за передовым отрядом вражеских войск в город прибыл и карательный орган – «Зондеркоманда СС 10-А». Команда разместилась в доме № 38 на пр. Республики (ныне пр. Ленина). В её задачу входила «очистка» города и его окрестностей от «нежелательных элементов». Что подразумевала «очистка», говорят такие факты. С самого начала установления фашистского «нового порядка» начались расстрелы жителей города – коммунистов, советских работников, активистов, передовиков производства. Только в первые дни оккупации в Ильичёвском районе фашисты расстреляли 70 человек, в Молотовском (ныне – Жовтневом) – 26, в Портовском – 33 человека.

Потом пришла очередь решения в Мариуполе по звериному фашистскому гитлеровскому «рецепту» «еврейского вопроса»: в противотанковом рву у пригородной Агробазы в конце октября зондеркоманда расстреляла всё еврейское население – по различным данным от 9 до 18 тысяч человек, в том числе детей.

Над городом опустилась тёмная ночь фашистской оккупации, которая продолжалась без малого два года...

До мая 1942 года «Зондеркоманда СС 10-А» уничтожала в городе тех, кто оказался неугоден пресловутому «новому порядку».

Этих карателей сменили другие – основательно и надолго расположились в центре Мариуполя на том же пр. Республики, в доме № 40 «Зондеркоманда СД-6». Прибыли также контразведывательный орган «"Абверштете" юга Украины», который располагался по соседству с зондеркомандой, в доме № 45, а также разведывательная «Абвергруппа-103». Прибыла и «Гехайлемфельдполицай-730» – группа тайной военной полевой полиции, которая занималась в основном розыском бежавших из гитлеровских концлагерей и прятавшихся среди населения советских военнопленных. Полиция выявляла, задерживала их и передавала карателям.

Хорошо известно, что немецкие власти и их карательные органы широко пользовались «услугами» помощников из местного населения, которые пошли на службу в полицию, в другие подобные органы. Были ли такие в Мариуполе, кто они, насколько активны и преданы были они оккупантам?

С такими вопросами я, журналист городской газеты «Приазовский рабочий», обратился (было это в конце 90-х годов минувшего века) к Петру Ильичу Фёдорову, который в послевоенные годы был оперативным работником Мариупольского городского отдела госбезопасности и, понятно, был в курсе тех дел.

"Да, – ответил он, – такие люди были.

СД-6 гестапо сразу по прибытии позаботилась о том, чтобы у неё были здесь помощники: создала в городе из местных жителей, добровольно пошедших на такую службу, вспомогательную полицию – «Допоміжну кримінальну службу» (ДКС) с отделениями в городских районах.

Начальником её с апреля 1942 года стал местный отщепенец, который пошёл на службу фашистам, некто Бордычевский Пётр Николаевич. Известно, что раньше он работал учителем. По некоторым данным, был он в довоенное время даже завучем школы на Левобережье. Штат полиции подбирал в основном из тех, кого знал лично, знал их способности – из своих школьных учеников. Судя по всему, большинство из них пошли в полицию добровольно и доверие своего начальства оправдывали конкретными делами. Ну, а какие у них были «дела», – хорошо известно.

Надо сказать, – продолжал рассказ П. И. Фёдоров, – те, кто назначал Бордычевского начальником ДКС, не ошиблись в нём: он был весьма неглупым, хитрым, оперативно мыслящим, а потому особенно опасным. Тем более, что доверие он стремился оправдать, выслуживаясь перед своими хозяевами.

В чём он особенно преуспел, так это в том, что с помощью агентуры сумел обнаружить, раскрыть действовавшие в городе подпольные патриотические группы и арестовать их участников. Судьба их трагична. Была выявлена и арестована подпольная патриотическая группа Шипицына на Слободке, группа Штанько. Их расстреляли. Арестовали 44 коммуниста-мартеновца завода имени Ильича и расстреляли. Арест и казнь патриотической молодёжной группы Александра Кравченко, других подпольных групп – то «дела» ДКС..."

Исследователь периода Великой Отечественной войны В. М. Зиновьева собрала многочисленные показания тех, кому посчастливилось выбраться из лап гестапо и полиции, и родственников погибших подпольщиков-патриотов [1, с. 366–370, 390–393, 407–409]. Они свидетельствуют: хитрый и ловкий враг, Бордычевский засылал провокаторов в патриотические группы, они входили в доверие, затем выдавали подпольщиков. Именно «Допоміжна кримінальна служба», так называемое «русское гестапо», и именно Бордычевский и его, как он их называл, «сотрудники», вели аресты, допросы, пытки патриотов и их казни. Под стать своему шефу были его помощники-палачи: жестокий охранник гестаповской тюрьмы Григорий Мех, провокатор Борис

Перепелицын, Николай Парфилов и некоторые другие. Только в 1943 году они арестовали 160 подпольщиков, из которых 120 были казнены. Среди тех, кого Бордычевский арестовывал, допрашивал и избивал, а затем отправлял на смерть да ещё и присутствовал при казнях, были и его довоенные ученики. Человеку без принципов, предателю по сути, ему было всё равно, кого расстреливать – коммунистов и националистов, евреев и украинцев.

Так продолжалось почти два года. Расстрелы патриотов немецкое и русское гестапо продолжали до последних дней оккупации города: 28 июня 1943 года расстреляны 48 человек, 22 июля – 56, 4 сентября – 43, 5 и 6 сентября – 4 и 2 человека.

Бордычевский был заметной фигурой среди пособников оккупантов, пользовался расположением немецких властей.

В 70-е годы при подготовке журналистского материала о действиях подпольщиков в оккупированном Мариуполе автор этих строк встречался и беседовал с вдовами и родными казнённых патриотов. Рассказывая о том, что и как тогда произошло, как арестовали их близких, все они говорили о бесчеловечном отношении Бордычевского, его изуверских методах.

При наступлении советских войск Южного фронта на Мариуполь в конце августа – начале сентября 1943 года оккупанты начали отступать. Уходили из города и каратели, и немецкие спецслужбы, и ДКС-полиция. Проведя в те последние дни расстрелы, и Бордычевский со своими подручными бежал из Мариуполя за несколько дней до освобождения города.

Но службу фашистам продолжил: в Херсоне и Тирасполе, в Белоруссии преследовал партизан. Вступил в немецкую армию и за большие заслуги в том чёрном деле, которым занимался, удостоен воинского звания «оберст» полковника. Был направлен в Северную Италию для борьбы с местными партизанами-гарибальдийцами. В тех местах взят в плен и передан нашему «Смершу».

Вспоминается осень первого послевоенного, 1946 года.

Несытый, плохо обогретый Мариуполь. Холодный ветер завывает в проёмах окон сожжённых зданий на пр. Республики, плохо одетые прохожие ёжятся от пронизывающего ветра и ускоряют шаг. Но, проходя мимо ещё не до конца восстановленного клуба «Азовстали» на Советской, на какую-то минуту останавливаются у «защиты» листом фанеры входной двери и читают крупно написанное на щите объявление. Оно сообщало, что в городе начинается судебный процесс над несколькими пособниками гитлеровцев, которые расправлялись с мирными гражданами.

Из тех фамилий несколько отщепенцев, которые выслуживались перед гитлеровцами и усердствовали в издевательствах над мариупольцами, мне, тогда мальчишке-школьнику, запомнилась одна – главного полицая Бордычевского.

Как рассказывала автору этих строк Зинаида Ананьевна Слепцова, послевоенный комсорг «Азовстали», затем школьный педагог, присутствовавшая на том показательном судебном процессе, его заседания проходили в красном уголке коксохимзавода, что рядом с городским садом, а затем в старом помещении театра.

Суд воздал подсудимому по его «заслугам», приговорив Бордычевского к высшей мере наказания – расстрелу.

Не ушли от справедливого возмездия и его подручные. Оставленного в Мариуполе провокатора Бориса Перепелицына опознали люди, его арестовали, судили и расстреляли. Такое наказание постигло и одного из самых жестоких охранников тюрьмы Григория Меха. Задержанный в Италии Николай Парфилов был судим военным трибуналом и расстрелян.

На состоявшемся тогда судебном процессе в Краснодаре судили некоторых палачей из «Зондеркоманды СС 10-А». Той самой, которая расстреливала мирных граждан в Мариуполе, Таганроге, Ростове-на-Дону. Правосудие воздало им по заслугам.

Наш общий долг – сохранить в памяти имена всех павших от рук гитлеровцев и их приспешников. Ни имена погибших наших сограждан, ни зверства фашистов и их прислужников забвению не подлежат.

Использованные источники

1. Зиновьева В. М. Чтобы жизнь продолжалась : Приазовье в период оккупации 1941–1943. – Мариуполь, 2004.

Владимир Бойко

ИЗ ИСТОРИИ ИЛЬИЧЕВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ВЕТКИ СТ. ЗАВОДСКАЯ ПЛОЩАДКА – СТ. БИРЖА

На картах города Мариуполя 1927 и 1930 годов рядом с железной дорогой, соединяющей наш город с магистральной сетью страны, обозначен железнодорожный путь, ведущий от завода им. Ильича почти к самому морю. Но на немногочисленных планах и картах города, изданных в послевоенный период, данный путь уже отсутствует.

Что это за путь? Когда и по какой потребности он возник? Какую функцию выполнял? Был ли он элементом технологической цепи одного или нескольких предприятий или имел какое-то более важное значение? К сожалению, до наших дней дошло не так много сведений, которые помогли бы дать ответы на все эти вопросы.

Вместе с тем, проведенные в течение нескольких последних лет исследования, целенаправленная работа с архивными материалами наряду с использованием уже известных, показали, что тема загадочного железнодорожного пути, а еще более – событий, с ним связанных, достойна того, чтобы быть вписанной в историю родного города – Мариуполя.

Сначала небольшой экскурс в прошлое. В отличие от завода Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества (ныне ПАО ММК им. Ильича), работавшего на руде из Приднепровья, на «Русском Провидансе» (ныне территория ПАО «Азовмаш»), пущенном в эксплуатацию в 1899 году, было предусмотрено использование керченских руд. Руда поступала морем в новый Мариупольский морской порт, откуда доставлялась по железной дороге через ст. Сартана на «Русский Провиданс».

После сооружения и пуска в эксплуатацию второго пути между Юзовкой и Мариуполем в 1900 году поток

товаров, поступающих в Мариуполь для дальнейшего следования морем, резко возрос, и в порту нередко уже случались задержки. В этой ситуации руководство «Русского Провиданса» сочло за лучшее и с целью снижения транспортных издержек построить на реке Кальмиус в районе поселка Аджахи собственный небольшой порт (пристань), предварительно углубив реку от устья вверх по течению с помощью доставленной из Бельгии морем землечерпалки и соединив его с заводом железнодорожной веткой.

В этих целях были также сооружены пятидесятидвухметровый металлический мост через р. Кальчик и два располагающихся неподалеку каменных путепровода, по верху которых проходили пути Екатерининской железной дороги и дорога гужевого движения из города в сторону пос. Успеновка соответственно.

Железнодорожные пути по территории порта были подведены к двум каменным причальным стенкам (сохранившимся до наших дней), по верху которых передвигались 2 группы по 4 в каждой мостовых кранов, предназначенных для разгрузки судов и погрузки руды в вагоны. Учитывая, что навигация по морю осуществлялась с конца марта по октябрь месяц, параллельно причалам также была оборудована площадка для хранения запасов руды. Уже в 1903 году порт принял первый пароход.

Введенная в эксплуатацию станция получила то же название, что и порт - Порт Кальмиус, а примкнувшая к подъездному пути «Русского Провиданса» по ст. Заводская площадка железнодорожная ветка стала его составной частью.

Период экономического подъема, наступившего после кризиса 1903-1910 годов, был отмечен на Мариупольских заводах ростом производства. Начавшаяся первая мировая война принесла новые заказы.

Однако, последовавшие вскоре революция, гражданская война, интервенция, сопровождавшиеся активными боевыми действиями, привели фактически к остановке обоих металлургических предприятий.

Все четыре домны «Русского Провиданса» были разрушены и никогда более не восстанавливались. Практически, прекратил работу и порт Кальмиус.

**Порт Кальмиус завода
«Русский Провиданс».
Начало XX в.**

**Сохранившаяся причальная
стенка пристани завода
«Русский Провиданс»
на реке Кальмиус.
Фото 2008 г.**

4 октября 1920 года для мариупольцев закончилась гражданская война – в город вошли части Красной Армии. После национализации заводы «Никополь» и «Русский Провиданс» были объединены и стали называться «Мариупольскими объединенными металлургическими государственными заводами «А» и «Б». Начался активный период восстановления производства для удовлетворения растущих потребностей страны в металле. Все усилия были сконцентрированы на скорейшем восстановлении производства на заводе «А» (бывший «Никополь»), а более крупный, но оставшийся без доменного цеха и подвергнувшийся большому разрушению завод «Б» («Русский Провиданс») был временно законсервирован.

В 1926 году на Мариупольском заводе им. Ильича (так стал называться объединенный завод после смерти В.И. Ленина) удалось закончить восстановление производства на заводе «А» и комиссией Главметалла ВСНХ СССР было принято решение о восстановлении производственных объектов на заводе «Б». Однако уже в самом начале работ обнаружились большие проблемы с транспортным обслуживанием завода, так как каждое из бывших самостоятельных предприятий имело свое примыкание к магистральному транспорту по ст. Сартана и никаких связующих транспортных коммуникаций между ними не было.

Было и еще одно обстоятельство, имевшее прямое отношение к железнодорожному транспорту: 100 слабо работавших на заводе «А» коксовых печей были не в состоянии обеспечить растущее производство чугуна, а кокс в объеме до 700 тонн ежедневно от 230 подлежащих восстановлению на заводе «Б» коксовых печей было необходимо как-то доставлять в доменный цех.

Проблема была решена укладкой железнодорожного пути, пересекающего ныне проспект им. Ильича в районе вторых проходных, соединившего пути завода «А» со ст. Заводская площадка завода «Б».

Разрастающееся производство требовало притока рабочей силы. Но завод «Б» располагался на значительном расстоянии от города, а ближайшие поселки были малолюдны. К тому же, желающие уже были трудоустроены на заводе «А». Решить проблему можно было лишь организовав подвоз рабочих из города, население которого начало заметно увеличиваться.

Городские власти в разное время предпринимали попытки организовать транспортное сообщение между городом и заводами. В 1899, 1911 и 1923 годах были даже выполнены проекты трамвайного сообщения. Однако с их реализацией не сложилось, проблематика их исполнения была известна и идею трамвайного сообщения снова пришлось отложить до лучших времен.

Между тем, положение все более осложнялось. Участок железной дороги от станции Волноваха до станции Мариуполь, ставший снова однопутным в результате активных боевых действий в период недавней войны, не справлялся в возрастающем объеме перевозок и размерами движения. Как следствие, городской рабочий поезд, курсировавший по путям железной дороги между морским портом и ст. Сартана, очень часто опаздывал, что приводило к многочисленным опозданиям заводчан к началу рабочей смены. Под давлением этих обстоятельств руководство города и дирекция завода им. Ильича приняли совместное решение по выходу из создавшейся ситуации.

Учитывая, что местом концентрации желающих найти работу и их трудоустройства была городская биржа, начавшая работу в 1920 году и располагавшаяся недалеко от центра города – Базарной площади (ныне пл. Освобождения), был принят самый простой в исполнении, самый удобный и наименее затратный вариант – железнодорожный, но предполагавший использование технических и транспортных средств самого предприятия.

На участке железнодорожной ветки между ст. Заводская площадка и ст. Порт Кальмиус сразу за успешовским путепроводом был организован разъезд Блок-Пост,

откуда вновь уложенная рельсовая колея мимо территории порта Кальмиус по пойменной зоне реки уже к концу 1926 года протянулась до новой станции Биржа.

Название этой станции произошло от места у старого порта в устье реки Кальмиус, где издавна совершались сделки по оптовой купле-продаже товаров, где нанимались на работу, которое горожане называли Биржей. Станция имела два пути, между ними была оборудована пассажирская площадка. (В настоящее время здесь функционирует небольшой угольный склад одного из мариупольских подразделений Донецкой железной дороги). От Базарной площади станцию отделяли лишь пути железной дороги да едва сохранившиеся до наших дней семь десятков белокаменных ступенек Мало-Фонтанного спуска.

Учитывая специфику перевозки, для управления хозяйством был назначен управляющий веткой по фамилии Жукелис.

Ильичевский рабочий поезд в составе паровоза и 10-12 приспособленных крытых вагонов курсировал между станциями Биржа и Заводская площадка с остановками на остановочных пунктах Жабовка, Порт Кальмиус по графику заводских рабочих смен. Для проезда в нем рабочим выдавались специальные удостоверения, а население оплачивало проезд кондукторам непосредственно в вагонах.

Нередко машинисты чуть притормаживали по просьбам пассажиров у небольшой площадки напротив коксовых печей завода «Б», где сходятся две извилистые улочки, получившие позднее, в 1938 году, новые «металлургические» названия: Коксовый и Мартеновский массив. Остановка здесь не была предусмотрена расписанием, но были две причины для просьб трудящихся: через многочисленные провалы в заборе, а местами, при его отсутствии, рабочим можно было существенно сократить пеший путь до рабочего места, не доезжая до Заводской площадки, а местным жителям, возвращающимся из города, было ближе к дому. Однако, было и одно «но»: сразу за указанным местом начинался большой подъем к ст. Заводская площадка, который поезд с одним паровозом не мог преодолеть без запаса скорости. Так что «десантирование» с поезда здесь всегда было обычным ежедневным явлением.

В 1930 году очередной XVI съезд ВКП(б) принял решение об ускорении темпов индустриализации страны. Зарождающиеся в стране новые отрасли хозяйства, транспорт, стройки городов и поселков, нужды обороны страны требовали кардинального увеличения производства металла. Чтобы реально оценить ситуацию тех лет в этом вопросе, вероятно, уместным будет привести здесь цитату из доклада директора завода им. Ильича Я.С. Гугеля на пленуме окружкома КП(б)У еще в 1928 году: «Если в 1925 году на душу населения в Англии приходилось 133 кг чугуна, в Германии – 161 кг, а в Америке – 320 кг, то в СССР – 9,4 кг!!».

Однако, реальные возможности решения поставленной задачи были крайне ограничены. На основе приведенных в 1929 году изысканий рассматривалось несколько вариантов нового производства металла, в том числе и вариант бывшего завода «Русский Провиданс» в Мариуполе (завод «Б») с использованием фосфористых керченских руд. Но вписать новое производство в имеющуюся площадку не получалось.

2 февраля 1930 года ВСНХ СССР принял постановление: «Признать необходимым постройку ново-металлургического завода на реке Кальмиус около города Мариуполя». 11 февраля было организовано «Управление нового строительства и реконструкции завода им. Ильича», подчиненное заводууправлению. Его начальником стал директор завода им. Ильича Я.С. Гугель.

Еще в октябре 1928 года через реку Кальмиус рядом с территорией недействующего порта был переброшен понтонный мост с деревянным покрытием для жителей небольших поселков Бузиновка, Найденовка, следующих по делам в город пешим порядком или на гужевых повозках. По нему и пришли первые строители весной 1930 года на левый берег реки – строительную площадку нового завода. А уже к лету в двадцати метрах от

него ниже по течению был сооружен небольшой деревянный железнодорожный мост через р. Кальмиус. При этом, несмотря на катастрофическую нехватку материалов верхнего строения пути для нужд текущего содержания путевого хозяйства предприятия, развернутая длина пути которого к тому времени составляла уже 87 км, все, что имелось, было решительно отдано на устройство железнодорожного перехода через реку. И вскоре первый состав с завода им. Ильича пришел на левый берег реки.

Между тем, природа приготовила строителям серьезные испытания. Весной 1931 года из-за паводка на Кальмиусе возникла реальная угроза утраты и понтонного, и железнодорожного мостов. В последний момент железнодорожный мост в спешном порядке был разобран, а понтонный – разведен. Разборка и сборка мостов заняли 32 дня. Кроме того, еще 28 дней прошли в ожидании схода весенних вод. Таким образом, левый берег р. Кальмиус был отрезан от правого в течение 2 месяцев. Лишь только в связи с общей приостановкой строительства отсутствие связи берегов в этот период не имело серьезных последствий.

Вместе с тем, стало понятно, что в условиях нарастания темпов строительства вопрос железнодорожного сообщения стройки с магистральной сетью страны должен быть переведен в разряд первоочередных. По этой причине строительство станции Сортировочная нового завода и от нее – перегона на ст. Сартана железной дороги было значительно активизировано. Однако, наверстать упущенное время было уже невозможно. А попытка решить проблему путем создания зимнего запаса материалов на стройке, ускорения поступления на завод до начала очередного паводка необходимого оборудования по разным причинам также успеха не имела.

Неожиданно рано, в самом начале января 1932 года, на р. Кальмиус начался ледоход. Железнодорожный и понтонный мост снова оказались под угрозой разрушения. Назревала реальная угроза остановки строительства. Но на помощь пришли взрывники «Коксохимстроя», которые смогли взорвать ледяные заторы. Однако, оказалось, что железнодорожный мост сильно поврежден и по нему нельзя пускать паровозы. Ценой невероятных усилий, подчас на грани самопожертвования людей, железнодорожный мост через Кальмиус был укреплен ильичевскими трубами-сваями, а чуть выше по течению были установлены ледорезы. И мост устоял.

Еще в начальный период строительства мостового перехода для организованного приема передаточных составов, следующих со ст. Заводская площадка с грузами для нужд строительства и последующего возврата вагонов, на правом берегу р. Кальмиус на подходе к мосту рядом со старым портом был сооружен небольшой парк из трех путей, примкнувший стрелкой к Блок-Посту на ильичевской ветке. Теперь уже не узнать, с чьей легкой руки парки железнодорожных путей на обоих берегах Кальмиуса стали называть «Левый берег»,

Вид с пешеходного моста через р. Кальмиус на правый берег. В нижней части снимка видны остатки опор железнодорожного моста

«Правый берег». Только за образовавшимся совсем рядом на правом берегу реки поселком, где активно шло строительство барачных и где к концу 1932 года проживало уже более 3 тысяч работников, занятых на строительстве завода, сразу и прочно закрепилось

название «Правый берег». «Мы, Правый берег, просим вас организовать у нас базар...». Именно так обратились жители поселка в декабре 1932 года к дирекции строительства по жизненно важному для них вопросу.

В этот период свободная территория на Правом берегу в районе Блок-Поста интенсивно заселялась новыми горожанами: через мост на левый берег р. Кальмиус было рукой подать до работы на новостройке, а рабочим поездом отсюда было легко добраться как до Заводской площадки с колониями «А», «Б», так и до центра Мариуполя. Две улицы, возникшие на небольшом косогоре по обе стороны от переезда на железной дороге – Верхний Блок и Нижний Блок, были просто обречены получить «железнодорожные» названия, связанные с ильичевской веткой.

На протяжении двух лет, вплоть до ввода в эксплуатацию 23 июля 1933 года самостоятельного примыкания подъездного пути нового завода, получившего название «Азовсталь», к ст. Сартана, мост через р. Кальмиус был единственной транспортной артерией, по которой завод им. Ильича снабжал одну из крупнейших в СССР строек металлом и металлоконструкциями. По этому же пути на стройплощадку со всей страны шли строительные материалы и оборудование, первые вагоны и паровозы для «Азовстали».

Для участия в земляных и подсобных работах, разгрузке и перемещении стройматериалов, в том числе щебня, поступавшего со Старокрымского карьера через завод им. Ильича ежедневно в объеме до 70 вагонов, песков с Ляпино в таком же объеме, по призыву городских парторганизаций на новостройке кроме строителей ежедневно трудилось 600 – 700, а, иногда, и до 1000 добровольцев с предприятий и организаций города, большая часть из которых, как и строители, пользовалась рабочим поездом ильичевской ветки. По результатам проверки комиссией завода количества проезжающих в поезде оказалось, что «перегруз составляет 935 человек, т.е. на 70 % положенного». Однако, изменить что-либо было невозможно – не хватало ни вагонов, ни паровозов. Единственное, что было сделано, – при посадке людей на станции Биржа стали оставлять свободными четыре вагона для тех, кто подсаживался на поезд на Жабовке, куда по ул. Карасьевской стекались потоки горожан, заселявших новые кварталы к северо-востоку от центра города.

Но перенаселенность поезда была не единственной проблемой. Поначалу ни на одном остановочном пункте не было павильонов, где можно было бы укрыться от непогоды. Посадочные платформы не освещались. Вагоны не отапливались, в них, как правило, отсутствовало освещение. К тому же, одежда у пассажиров и для проезда, и для работы была одна, так как никаких бытовых удобств на стройке пока еще не было. А в связи с передвижением по путям ветки на участке Заводская площадка – Блок-Пост составов с грузами для стройки график движения рабочего поезда нередко, а иногда существенно, нарушался. Случались аварии. Тогда рейс рабочего поезда не мог состояться и его попросту отменяли. При этом, пара допущенных опозданий на работу могли быть квалифицированы как саботаж. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такие были годы...

В 1934 году было открыто трамвайное сообщение между городом и заводом им. Ильича. Но уже вскоре оказалось, что линия не может нормально функционировать из-за ряда вскрывшихся проблем, главная из которых заключалась в недостаточной мощности электрохозяйства. Лишь к началу 1936 года удалось наладить работу трамвайной линии, что дало возможность перевести часть пассажиропотока с рабочего поезда на новый вид транспорта. К этому времени в вагонах рабочего поезда уже появились стабильное свечное освещение и печное отопление, несколько вагонов-теплушек были заменены пассажирскими. Появились павильоны-ожидалки на ст. Биржа, остановочном пункте Порт Кальмиус. А в 1938 году на ст. Заводская площадка даже был открыт буфет. Жизнь налаживалась. Так работа на ильичевской железнодорожной ветке продолжалась

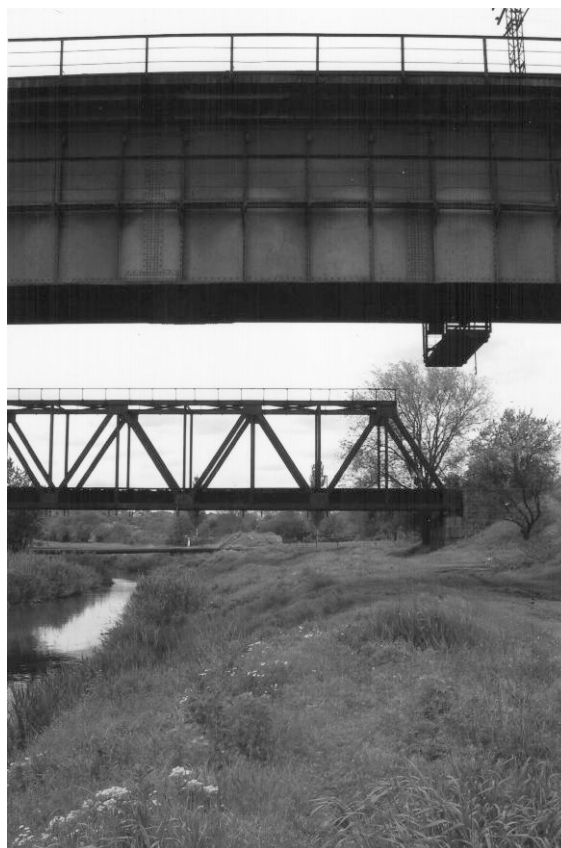
вплоть до оккупации города 8 октября 1941 года немецко-фашистскими войсками.

10 сентября 1943 года Мариуполь встретил своих освободителей. И город, и заводы оккупанты превратили в развалины. Восстановление металлургических заводов, которым отводилась стратегическая роль, было определено в качестве важнейшей задачи. И уже в декабре 1943 года на ильичевской ветке прозвучал первый послевоенный гудок паровоза – возобновилось движение рабочего поезда. Чуть позднее, в конце марта 1944 года, по восстановленному после весеннего паводка ряжевому мосту через Кальмиус началось движение грузовых составов между заводами им. Ильича и «Азовсталь».

Вместе с тем, освобожденный Мариуполь и его морской порт оказались отрезанными от железнодорожного сообщения с центром Донбасса, так как, отступая из Мариуполя, немцы взорвали мост через реку Кальчик на перегоне ст. Сартана – ст. Мариуполь. Повреждения металлоконструкций моста были очень серьезны и о быстром восстановлении движения по нему не могло быть и речи. Между тем, находящийся рядом, в пятидесяти метрах выше по течению мост через р. Кальчик на ветке ст. Заводская площадка – ст. Биржа остался невредимым. Тогда и было решено воспользоваться старой веткой: станцию Биржа соединили рельсовой колеей с путями станции Мариуполь. Железнодорожное сообщение с центром было восстановлено! Движение по этой схеме с обходом взорванного моста через ст. Заводская площадка осуществлялось вплоть до восстановле-

На нужды восстановления цехов «Азовстали» и Коксохимзавода с завода им. Ильича на левый берег р. Кальмиус ежедневно поставлялся листовой прокат, трубы, шел гранитный щебень Старокрымского карьера. В обратном направлении на завод им. Ильича следовали пески из Ляпино, а иногда – кокс. Однако, в установившемся ритм поставок материалов в 1947 году снова вмешалась природа – ж.д. мост через Кальмиус опять пришлось срочно разобрать на период весеннего паводка. Далее, после принятия в 1948 году решения Правительства о расширении Коксохимзавода уже со всей очевидностью стал вопрос о необходимости новой надежной схемы железнодорожного сообщения между заводами им. Ильича и «Азовсталь».

В 1950 году место утраченного в ходе боев за Мариуполь понтонного пешеходного моста через Кальмиус в районе Правого берега занял новый металлический пешеходный мост, который стоит и поныне. Возобновилось трамвайное движение из города на Правый берег и завод им. Ильича, стабилизировалось автобусное сообщение между центром города и заводом. В этот же период в районе пятых проходных завода им. Ильича начались работы по постройке путепровода через железную дорогу, который должен был связать подъездной путь «Азовстали» с заводом им. Ильича. Старая ильичевская ветка ст. Заводская площадка – ст. Биржа утратила свое значение и перспективу.

Железнодорожные мосты через р. Кальчик. На дальнем плане – старый, ныне недействующий мост, по которому проходил путь железнодорожной ветки

В 1951 году городские власти поддержали предложение дирекции завода им. Ильича о закрытии пассажирского движения на заводской ветке с передачей ее функций железной дороге.

С вводом в эксплуатацию в 1953 году путепровода, связавшего новой колеей оба завода, и разборкой железнодорожного перехода через Кальмиус, уже мешавшего строительству трамвайной линии и автодороги по улице, получившей название «Набережная», старая ветка при отсутствии организованной эксплуатации начала приходить в упадок. Возводившиеся с середины 50-х годов объекты в осушенной пойме р. Кальмиус обслуживались со ст. Мариуполь, а участок от бывшей ст. Биржа до Блок-Поста в районе поселков Правый берег, Аджахи, ставший ненужным, попросту ветшал.

Пешеходный мост через р. Кальмиус

26 марта 1958 года по Постановлению № 325 Совета Министров Украины из состава завода им. Ильича были выведены все цехи машиностроительного производства и на их базе 25 апреля был создан завод тяжелого машиностроения (ЖЗТМ). В его состав вошли все цехи завода «Б». Разделено было и транспортное хозяйство. ЖЗТМ стал железнодорожным клиентом завода им. Ильича.

В период с 1958 по 1962 год на участке ст. Заводская площадка – бывший Блок-Пост ЖЗТМ осуществлял хозяйственное движение по обслуживанию подразделений собственной клиентуры (склады, базы), располагавшихся у пешеходного моста в прибрежной зоне р. Кальмиус и на территории, которую ранее занимал порт Кальмиус.

В 1962 году в связи с началом строительства трех крупных транспортных объектов на участке от ул. III-го Интернационала (ныне ул. Торговая) до центральных проходных «Азовстали»: путепровода через железнодорожные пути перегона ст. Сартана – ст. Мариуполь Донецкой железной дороги, путепровода через путь старой ветки и нового моста через р. Кальмиус, железнодорожная ветка была передана с баланса ЖЗТМ в ведение железнодорожного хозяйства комбината «Ждановстрой». Прибывающие для нужд стройки железобетонные конструкции, строительные материалы и комплектующие подавались локомотивами этого хозяйства по ветке к строящимся объектам.

После окончания строительства в 1964 году ветка окончательно утратила какое-либо значение и практически уже не использовалась. А в 1966 году с началом строительства нового путепровода на участке железной дороги рядом с ильичевским рынком,

что позволило продлить трамвайную линию от нынешней пл. Левченко до ул. Заозерной, перестал существовать и железнодорожный путь, соединявший ст. Заводская площадка со ст. Сартана.

В 2000 – 2002 годах были демонтированы железнодорожные пути от ст. Заводская площадка до бывшего Блок-Поста. А проходивший по пойменной зоне путь на участке от Блок-Поста до бывшего остановочного пункта Жабовка к этому времени уже был разобран местным населением.

Спустя столетие на месте бывшей пристани завода «Русский Провиданс» расположился небольшой металлопрокатный завод ООО «АГСТАЛЬ».

О существовании исторической ильичевской железнодорожной ветки теперь напоминают лишь два путепровода на 1261 км перегона ст. Сартана – ст. Мариуполь Донецкой железной дороги недалеко от железнодорожного переезда на пос. Правый берег, остов старого моста через реку Кальчик да зарастающая выемка вдоль забора фирмы «Азовстройматериалы». Нет больше и ст. Заводская площадка: сохранился и действует лишь вытяжной тупик – укороченная часть бывшего главного пути № 1. А название «Заводская площадка» получил остановочный пункт электропоездов, расположенный рядом с ильичевским рынком. И лишь десяток затерявшихся в траве старых истлевших шпал на пустыре между рынком и остановочным пунктом еще напоминают нам о располагавшейся здесь, теперь уже в прошлом, станции, свидетельнице истории Мариуполя.

Использованные источники

1. Приказы и распоряжения директоров заводов им. Ильича за 1925 – 1930 гг.
2. Материалы по реконструкции заводов треста «Югосталь» за 1927 – 1933 гг.
3. Протоколы общих собраний железнодорожного цеха заводов им. Ильича за 1922 – 1926, 1933 – 1940 гг.
4. Протоколы производственных совещаний железнодорожного цеха заводов им. Ильича за 1925 – 1928 гг.
5. Протоколы партийных собраний и заседаний партбюро железнодорожного цеха заводов им. Ильича за 1923 – 1932, 1934 – 1940, 1944 гг.
6. Протоколы собраний парторганизации паровозного хозяйства завода «Б» за 1937–1940 гг.
7. Газета «Наша правда». – Мариуполь, № 22, от 29.01.1926 г.
8. Газета «Приазовский пролетарий». – Мариуполь. – 1928 – 1932 гг.
9. Газета «За 17 миллионов». – Мариуполь. – 1931 – 1932 гг.
10. Газета «Ильичевец». – Мариуполь. – 1931, 1933 – 1934, 1938 – 1940, 1951 – 1956 гг.
11. Газета «Приазовский рабочий». – Мариуполь. – 1946 – 1967 гг.
12. Газета «За металл». – Мариуполь. – 1933 – 1934 гг.
13. Карта L – 37 – 28 – В (Мариуполь). Генеральный штаб Красной армии. 1927 г.
14. План города Мариуполя, 1930 г.
15. Карта оперативной аэрофотосъемки Мариуполя «Люфтваффе» от 17.03.1944 г. № 7092.
16. Завод «Провиданс» около Мариуполя // Горный журнал. – Т. I. – Кн. 12. – 1906. – С. 387 – 422.
17. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века / Р.П. Божко, Т.Ю. Були, Н.Н. Гашененко и др. – Мариуполь: Рената, 2006. – 356 с.
18. Некрасовский Ю. Я. Прославлен трудом // Публицистические очерки. – Мариуполь: ОАО «ММК им. Ильича», 2004. – 174 с.

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КОНСТРУКЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ «ПРОМЕТЕЙ» (НИИ-48)

Мариупольский филиал оборонного НИИ-48 (ныне – НИИКМ «Прометей») был организован в июле 1940 года на базе исследовательской лаборатории ЦБЛ-2 завода им. Ильича, так как это предприятие являлось одним из ведущих в металлургической отрасли по производству корабельной и танковой брони.

Выдающимся достижением филиала в предвоенные годы стало создание стали марки 8С и нового типа брони для танка Т-34 на её основе. Работы велись совместно с заводом им. Ильича. Рассказывает И. А. Петриченко: *"Еще в довоенные годы правительство поставило перед металлургами ответственную задачу – создать для танков броневую сталь, способную выдержать не только пулевой, но и снарядный обстрел. Такая броня была создана в 1939–1940 годах на заводе имени Ильича с участием сверхсекретной лаборатории, занимавшейся прочностью сварных соединений брони. Активное участие в её разработке и испытании приняли главный инженер завода В. С. Ниценко, заместитель начальника цеха № 5 Г. Ф. Засецкий, инженеры Н. В. Шмидт, Г. И. Капырин и Г. И. Зухер. Выплавку первых плавок стали производили в мартеновском цехе № 3, что был на заводе «Б». К концу мая 1941 года пять башен для Т-34 из такой брони были уже изготовлены. Танк Т-34 оказался неуязвимым для танковых пушек лучших немецких танков".*

В августе 1941 года, в связи с приближением фронта, ведущие специалисты во главе с Г. И. Капыриным были направлены в Сталинград на завод «Красный Октябрь». Другие группы специалистов были направлены в г. Горький на завод «Красное Сормово» (руководитель бригады П. М. Донцов) и на Нижне-Тагильский металлургический завод (Н. В. Шмидт). Задача бригад – срочно наладить на этих заводах производство литой и катанной брони, узлов элементов ходовой части и решение других вопросов. А 15 октября 1941 года стан «4 500» эвакуировали в Магнитогорск на металлургический комбинат, там он был введен в действие и начал выпускать броневую листовую сталь шириной 4 100 мм для танка Т-34.

В 1948 году филиал возобновил свою деятельность в Мариуполе, оставив часть ведущих специалистов в Свердловске (ныне Екатеринбург) и в Москве. Это создавало многочисленные трудности, поэтому к работе филиал приступил лишь в конце года.

Развивалось судостроение, совершенствовались суда военно-морского флота. Это ставило новые задачи перед головным НИИ и его Мариупольским филиалом. Определяются приоритетные направления работы:

- создание высокопрочных и среднелегированных сталей и сплавов, в т.ч. на основе титана, технологии их изготовления и сварки;
- создание биметаллического проката, обладающего высокой сопротивляемостью коррозии для подводных лодок и надводных судов;
- создание перспективных высокопрочных мартенситных сталей и технологии сварки конструкций из них;
- разработка технологий изготовления полуфабрикатов из химически активных металлов с использованием вакуумных устройств.

Всё это требовало создания и оборудования ряда экспериментальных лабораторий.

В 1948–1949 годах филиал выполнил работы для завода имени Ильича с целью создания брони для танка Т-54, а в 1951 году филиал и завод успешно создали новую сталь МБЛ для литой брони танка Т-54. В 1956–1960 годах впервые в СССР филиал разработал технологию термического упрочнения незакаливающихся сталей. Это привело к созданию корпусной безникелевой стали марки МК-40, использованной для

строительства в 1961 году корпуса «Востока», а также десантных судов и барж из стали марки «2М» (1963 год), использованной для строительства ледокола «Москва». Начальником ЦБЛ-2 до войны был назначен Н. В. Шмидт, а его заместителем – Г. И. Капырин (1937 год). Георгий Ильич Капырин стал впоследствии доктором технических наук, вошел в число тех специалистов, которые прославили комбинат имени Ильича.

Николай Владимирович Шмидт родился в Москве. В 1936 году окончил инженерный факультет Военной Академии механизации и моторизации РККА им. Сталина по специальности «производство брони». В 1940–1941 годах был начальником филиала. С марта 1948 по декабрь 1968 года работал директором ЦНИИ «Прометей». С 1968 по 1983 год – старший научный сотрудник. Кандидат технических наук (1955 год). Награжден орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени (за разработку стали для танка Т-34), двумя орденами Знак Почета, тремя медалями.

Георгий Ильич Капырин стал впоследствии доктором технических наук, вошел в число тех специалистов, которые прославили комбинат имени Ильича.

Из воспоминаний ветерана НИИ Евгения Георгиевича Джансыза: *"Уже в момент организации филиал имел высококвалифицированных специалистов металлургов и сварщиков, таких как Н. В. Шмидт, С. Г. Фетисов, П. М. Донцов, В. С. Аристов и другие. В начале 60-х годов страна взяла курс на строительство флота нового поколения. Для этого были выделены большие средства. Резко увеличились объемы работ в филиале, вырос штат сотрудников, изменилась структура. Филиал стал преобразовываться. Строились новые производственные и бытовые корпуса, обновлялось оборудование, приглашались молодые кадры.*

Можно смело сказать, что 70–80-е годы – годы наивысших достижений филиала. Ряд работ был выполнен впервые в мире. Получено большое количество авторских свидетельств и патентов. И ещё, что характерно для этого периода, что все выполненные работы с колес шли в производство, ни одна работа не ложилась на полку.

В этот же период филиал возглавил новый директор – Владимир Иванович Шейко, молодой, энергичный, технически грамотный, хозяйственный инженер".

Владимир Иванович Шейко родился в 1927 году. Высшее образование получил в Ждановском металлургическом институте (1954 год), инженер-сварщик. В НИИКМ «Прометей» пришел в 1948 году и прошёл все ступени – от техника до директора (1968 год). Автор 35 печатных работ, 38 авторских свидетельств на изобретения. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и Дружбы народов, двумя медалями.

Рассказывает ведущий специалист Евгений Федорович Скрипка: *"Главной темой в работе НИИ стало создание высокопрочных конструкционных материалов для судостроения. Производство танков «переехало» в Харьков, а НИИ стал заниматься корпусными сталями для военных кораблей. Это стали АК-3, АК-5, после войны – стали АК-33 и другие.*

Мы, сотрудники НИИ, учились и учили других.

Н.В. Шмидт

В.И. Шейко

Побывали мы в Нижнем Тагиле. Работал институт на главную задачу – создавали сталь для подводных лодок. Наш металл не очень подходил для этих целей, но начали использовать электро-шлаковый переплав (ЭШП). Его начал использовать цех «Азовстали», ныне этот участок закрыт.

С помощью КПП «Азовмаша» была создана сталь АК-40 для торпедных катеров, а для надстроек сверхлодки («суперлодки» с применением титана) была использована сталь К-16. Интересна судьба этой лодки, списанной буквально недавно – она запросто проходила под днищами военных кораблей и не обнаруживалась ими, у неё была большая скорость, маневренность, её корпус сохранился до последних дней в идеальном состоянии.

Институт продолжал работать и после развала СССР. Киев денег не давал, конец заказов наступил в 1995–1996 годах. Была создана вакуумная камера, где катали электроды для размагниченных корпусов, в том металле были медь, титан и др. Катали для нас металл цех ЛП-4500 завода им. Ильича. В нем с нами сотрудничал Константинов, а в ЛП-6 завода им. Ильича – Руднев, потом В. С. Бойко, Б. П. Зуев. С нами сотрудничали специалисты-ильичевцы Буйневич, Мебель, а на «Азовстали» – начальник ЛП-3600 Борис Петрович Зуев. Тогда главный инженер завода им. Ильича собирал нас в ЛП-4500 каждую пятницу".

С развитием филиала росли и его научные кадры. Исследователи составляли 80 % из 450 работников института. Заместитель директора по науке В. И. Лепехов стал лауреатом Государственной премии.

П.М. Донцов

В течение 25 лет работал на металлургических заводах Пётр Михайлович Донцов, с 1948 по 1959 год – заместитель директора по научной части и главный инженер НИИ. С 1959 года он был переведен на должность начальника отдела № 4. П. М. Донцов как автор и соавтор опубликовал 56 работ, стал кандидатом технических наук (1954 год), являлся членом НТС и председателем научно-методической комиссии.

В НИИ работали 13 кандидатов технических наук, в том числе Александр Васильевич Лопатин, Николай Тимофеевич Павленко, Владимир Николаевич Малышев, Иван Демьянович Кузема.

Иван Демьянович Кузема родился в 1910 году. В 1929 году поступил работать на завод им. Ильича, участвовал в строительстве «Азовстали», а в 1933 году вернулся на завод. В 1937 году окончил в Мариуполе металлургический институт. До начала войны возглавлял проектный сектор отдела металлурга, одновременно заведующий кафедрой в институте. До 1944 года работал конструктором, затем заместителем

главного металлурга. В 1947–1958 годах – начальник бюро техотдела, начальник лаборатории прокатного производства, затем, до перехода в НИИ «Прометей», – заместитель и начальник центральной лаборатории.

Несколько слов о дополнительно возникшей структуре и работах НИИ. В филиале была создана взрывная лаборатория. В НИИ впервые в мире была разработана технология получения двух и трехслойного металла, так называемая технология электрошлаковой наплавки (ЭШН). Основной задачей этой технологии было получение листов с коррозионностойким поверхностным слоем. Для этого на сляб из углеродистой стали способом ЭШН наносили слой коррозионностойкого металла и затем наплавленный сляб прокатывали на листы различной толщины. В 60–70-е годы судостроение, нефтяное, химическое и тяжелое машиностроение потребляли несколько десятков тысяч тонн двухслойного металла. Но технологии его производства были дорогими и не обеспечивали должного качества – ЭШН эти недостатки производства спокойного

**Группа сотрудников Мариупольского филиала НИИКМ
«Прометей» на отдыхе. Кавказ. Конец 60-х гг. XX в.**

металла устраняла. В филиале была построена установка ЭШН, на которой возможно было наплавлять слябы массой до 5 тонн; эта установка существует и в настоящее время.

Сейчас институт переживает не лучшее время, но его научный потенциал обязательно будет востребован.

Сергей Тафинцев

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА В МАРИУПОЛЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

На рассвете перестройки в СССР начался **ПЕРВЫЙ** этап возрождения запорожского казачества. Он характеризовался появлением новых казачьих объединений и признанием их органами государственной власти. Первые в Украине подвижники казачьего движения появились в Донбассе. Молодой макеевский шахтёр Анатолий Бондаренко с товарищами сплотил вокруг себя несколько десятков единомышленников. Они заставили региональную и центральную власть в конце 1991 года признать факт возрождения запорожского казачества!

Подобную общественную роль в Мариуполе и Приазовье в 90-х годах минувшего века сыграл Владимир Михайлович Захаров, работавший тогда учителем труда, черчения и рисования в школе № 60. В апреле 1992 года на Пасху две дюжины мариупольцев во главе с сотником Украинского казачества В. Захаровым приняли присягу на верность казачеству, украинскому народу и вере православной в только что построенном Свято-

Никольском соборе. Мариупольская казачья сотня через пару месяцев развернулась в курень Кальмиусской паланки Украинского казачества.

Первое казачье объединение горожан – Мариупольский казачий курень – было зарегистрировано 20 сентября 1992 года (свидетельство № 917) Донецким областным управлением юстиции. Через год – точнее 24 сентября 1993 года – решение № 1461 о регистрации куреня (атаман – сотник В. М. Захаров) принял и исполком Мариупольского горсовета народных депутатов.

Столь успешное и энергичное начало возрождения казачества в городе и Приазовье было бы неосуществимо без двух важнейших условий. Во-первых, участия в этом процессе в тот момент таких энтузиастов, как А. Перегуда, В. Азаров, А. Светлицкий, Н. Гладун, М. Коновалов, В. Танчев, А. Невзоров и др. Вскоре в курень вошли и стали продуктивно участвовать в деле возрождения казачества В. Колдомасов, В. Кривохижа, Г. Попов, В. Заяц, А. Безручко, В. Шваченко (мастер конной выездки), А. Тугаров, П. Павликов, В. Муравьёв, В. Фалько, а также Нина Ляльченко и Люся Разепкина, ставшие подлинными берегинями растущего куреня. Яркие очерки о многих из этих зачинателей казачьего движения в нашем крае написал в своих книгах о казачестве украинского Приазовья известный мариупольский писатель, историк, учёный Л. М. Головешко [1; 2]. Во-вторых, как раз тогда – летом 1992 года – Верховный Совет Украины принял Закон «Об объединениях граждан», который чётко и демократично определил характер, условия и рамки деятельности разноликих объединений в новом государстве.

Мариупольский казачий курень Кальмиусской паланки Украинского казачества уже в первые месяцы своей деятельности стал искать формы участия в общественной жизни города и Приазовья. Начали с самого традиционного, привычного для казачества и заметного для общества вида деятельности – охранной: взялись охранять пригородные сельхозугодия (бахчи, сады) и безвозмездно участвовать в поддержании порядка на железнодорожном вокзале и прилегающей территории.

Вскоре объявились и «подводные камни»: неурядицы при распределении заработанных средств; неурегулированность статуса дружинников при охране территории возле вокзала; извечная борьба между лидерами и т.п.

Весной 1994 года с поста начштаба куреня ушёл А. Перегуда, на эту должность был избран В. Кривохижа. Его сторонники образовали новый курень. Так, в 1995 году в Мариуполе стало уже два казачьих объединения. Вскоре из нового куреня вышел сверхэнергичный на тот момент казачий предводитель – В. Муравьёв, быстро создавший самое мощное в городе объединение казаков с дислокацией управления в пос. Талаковка. Он создал весьма успешную и мощную агропромышленную фирму.

Первый курень в городе (В. Захарова) не распался. Его ядро не просто сохранилось, а на исходе 90-х годов ушедшего века пополнилось новыми энтузиастами. Меня самого, например, осенью 1998 года вовлёл в курень первокурсник морского лицея Антон Плясун. Встретившись с В. Захаровым, я вспомнил его как неординарно-энергичного слушателя вечернего университета марксизма-ленинизма. Мне импонировали характер деятельности полка, его казаки, общие цели, задачи. В апреле 1999 года я и ещё шестнадцать мариупольцев приняли казачью присягу и вошли в состав уже Мариупольского казачьего полка (МКП). Ибо первое мариупольское казачье объединение в 1997 году было преобразовано в казачий полк в составе Войска Низового Запорожского, куда В. Захаров с казаками куреня перешёл из Украинского казачества.

Этому предшествовал целый ряд драматических, а порой и комических событий в жизни куреня и его атамана. Вспоминается День города 1996 года. Казаки куреня ускоренно готовили на праздник конную группу: 6–7 казаков в форме и атаман с учебной винтовкой и личной шашкой. Я находился на площади перед драмтеатром и вместе со всеми радостно приветствовал джигитовку группы казаков. Вдруг предводитель в форме кубанских казаков в знак завершения выступления ловко вложил шашку в ножны, лихо

сдёрнул со спины винтовку и, подняв её над головой, несколько раз пальнул холостыми патронами (видны были сизые дымки из ствола) в воздух. Лошади чуть присели, голуби с карнизов театра и домов взвились в небо, парни возопили от восторга, кто-то из женщин и малышей взвизгнул. Всем стало веселей, по толпе пробежала волна общего оживления.

Что было дальше – знали немногие. Атамана куреня через квартал остановили строгие мужчины, предложили сойти с коня и пройтись с ними... Две недели В. М. Захаров провёл в изоляторе. Разобрались. Учебную винтовку изъяли. Взяли ряд письменных объяснений. Атаман Захаров остался весьма доволен обращением с ним в самом серьёзном учреждении любого государства, а ещё больше тем, что встретил не только понимание, но и завёл полезные знакомства: позже нередко ощущал поддержку многих сотрудников и милиции, и госбезопасности. Значит, не зря вёл многочасовые беседы и разъяснял свои взгляды о роли казачества.

С весны 1999 года начался **ВТОРОЙ этап** в жизни МКП. Тогда входившие в состав МКП полсотни казаков, по рекомендации самого В. Захарова, избрали атаманом полка энергичного азовстальца Сергея Семёнова. Вместе с ним влилось около дюжины молодых мужчин. Старшине полка удалось наладить связи с руководством стрелкового комплекса, что расположен в центре Ильичёвского района города между бассейном «Нептун» и кинотеатром «Юбилейный». МКП получил необходимые помещения, молодые казаки были привлечены к полезной для комплекса деятельности, в основном – охранной. Жизнь, как казалось нам – старшим казакам, потекла нормально.

Но года через полтора многое изменилось. Со стрелковым комплексом пришлось расстаться. Осенью С. Семёнов отказался от атаманства и вскоре перешёл в состав Донского казачества. Уже лет пять он возглавляет мариупольское объединение донских казаков. В ноябре 2000 года атаманом МКП был избран Иван Кирьянов, весной 2001 года – Роберт Елисеев. В 2002 году атаманом МКП становится сотник Анатолий Безручко, казачий род которого известен по Реестру 1649 года со времён Богдана Хмельницкого. Сам он служил в армии старшиной учебной танковой роты. На Кавказе, будучи директором, строил и налаживал работу базы отдыха комбината им. Ильича в Теберде. Затем работал преподавателем физкультуры и председателем профкома ПТУ № 99. Потом снова на прорыв – налаживать работу крупного ильичёвского пансионата «Азовье» в пос. Мелекино, к 2002 году наладил – и может продуктивнее участвовать в жизни МКП. Но надо не просто участвовать – спасти полк от развала. Встретились. Обсудили. Кандидат дал согласие. Спасение МКП пришло в лице А. Безручко и трёх-четырёх его товарищей. Так, в марте 2002 года для МКП завершился второй этап – этап разброда и шатаний.

ТРЕТИЙ этап – десятилетие укоренения МКП в общественной жизни Мариуполя. Эти годы стали поиском и обретением тесных, дружеских контактов с другими казачьими объединениями, определением своего места в чрезмерно разветвленной сети казацких организаций Украины. Третий этап стал самым продуктивным и насыщенным.

Избрание атаманом МКП А. Безручко коренным образом изменило характер и содержание деятельности полка. Появились чёткость, прозрачность, конкретность, даже общая подтянутость. Делали вроде бы тоже, что и раньше, но гораздо собраннее, ответственнее. Упор стали делать на работе с молодёжью: старшеклассниками и студентами. Здесь пригодились опыт и связи атамана, активно участвовавшего в 90-е годы в общественной жизни города и района, когда А. Безручко был депутатом Ильичёвского районного Совета народных депутатов и председателем его комиссии по образованию.

Атаман МКП через профком меткомбината им. Ильича постоянно (раз в 2–3 месяца) организовывал поездки казаков полка в Донецк, на остров Хортицу, на Саур Могилу, в Харцызск, Новоазовск, в Капуливку и т.д. Уже 10 раз казаки полка участвуют в организации, поддержании порядка при проведении ежегодного (в завершающую

субботу мая) межобластного фестиваля-смотра фольклорных коллективов «Легенды степей» и Дня памяти трагической битвы русских дружинников с монголо-татарами 31 мая 1223 года.

В начале 2005 года по общему решению казаков МКП полк из состава *Союза казачьих организаций Украины (СКОУ)* перешёл в состав Союза казаков Донбасса (СКД) «Вільність», оставаясь в рядах Войска Запорожского Низового (г. Запорожье). На этот раз В. Захаров остался в составе СКОУ, не перешёл в СКД. «Вільність» была создана известным и успешным в 90-е годы донецким предпринимателем Г. Архангелиди в феврале 1998 года. Казачье объединение вскоре стало известным в Донбассе благодаря его очень продуктивной, щедрой и эффективной деятельности по возрождению казачества и поддержке православной церкви.

8 ноября 2008 года А. Безручко был избран атаманом СКД «Вільність» [1]. Атаманом МКП избрали есаула Петра Жданова – атамана сотни Жовтневого района.

В числе наиболее весомых событий из жизни МКП за последнее десятилетие следует отметить, в частности, налаживание взаимных связей МКП с Володарским казачьим куренем им. атамана И. Гладкого (атаман – Валентин Пугач) во всех сферах общественной жизни этих казачьих объединений. Именно МКП и этот курень вместе с отдельной Донецкой казачьей сотней (атаман – Анатолий Матвеев, был атаманом СКД «Вільність» в 2003–2008 годах) являются ядром всего СКД и самым энергичным образом друг друга поддерживают в общем деле по возрождению запорожского казачества.

За последние 3–4 года заметно выросла общественная активность казаков МКП. С основанием казачьих периодических изданий (газета «Казак Украины», журнал «Рыцарь Запорожский» и др.) казаки МКП (в первую очередь, старейшина полка, известный у нас журналист и организатор туристического движения в Мариуполе Юрий Некрасовский) стали публиковать различные материалы о деятельности казаков МКП, издавать брошюры за счёт своих взносов в МКП и СКД.

Самое серьёзное внимание старшина МКП уделяет пополнению рядов казачества из числа молодёжи. Это – самый важный, сложный и, к сожалению, очень медленный процесс. В этом плане весьма удачным был 2011 год, когда в конце мая на Каменных Могилах приняли присягу и вошли в состав МКП сразу восемь молодых казаков, среди них: Дмитрий Безручко, Виталий Кучинский, Евгений Панасюк. Они довольно активно поддерживают все начинания и действия казаков полка, беря в качестве примера активность старших товарищей по МКП, таких, в частности, как А. Ромашканов, В. Корнев, В. Ковалёв, И. Евженко, Е. Гапшенко и других ветеранов казачьего возрождения.

В мае 2009 года совместно с казаками Володарского куреня при обеспечении стройматериалами из фондов Володарского поссовета казаки МКП восстановили памятник бойцам 4-го гвардейского кавалерийского кубанского казачьего корпуса. 10–12 сентября 2009 года по приглашению старшины МКП и СКД «Вільність» в Мариуполь и Володарское прибыла представительная делегация Кубанского казачества во главе с заместителем Верховного атамана Кубанского казачьего войска А. Медынским. В составе делегации были два кавалериста 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса, освобождавшие Мариуполь, Володарское, Донбасс, Южную Украину в 1943–1944 годах. Ветераны прибыли к нам с целью поклониться праху побратимов-кубанцев.

Очень заметным и важным в общественной жизни города были археологические раскопки на правом берегу устья реки Кальмиус, в районе предполагаемого укрепления казаков Кальмиусской паланки. Они проводились Мариупольским краеведческим музеем под руководством научного сотрудника Донецкого областного краеведческого музея В. Н. Горбова силами волонтеров (прежде всего, казаков, студентов МГУ). Работы 2011 года неопровержимо доказали факт постоянного жительства запорожцев с конца первой половины XVIII века (найлены казачьи трубки, остатки посуды запорожского обихода,

монеты, кованые гвозди и многое иное). Раскопки 2012 года позволили обнаружить поселение эпохи неолита. Было найдено свыше четырёхсот кремневых орудий (ножей, скребков, стрел и т.д.) и около 2 тыс. отщепов 7-тысячелетней давности. Для казаков МКП чрезвычайно важным был факт совместного труда с казаками Греческой казачьей дивизии (атаман В. Якименко) и Приазовского округа казацкой территориальной обороны (атаман А. В. Никитин) и последовавшее за этим более тесное сотрудничество в других сферах общественной жизни.

Не менее значимым для внутренней жизни МКП явился и заметный рост социальной активности казаков полка в деле защиты экологических интересов мариупольцев, других жизненно важных для них интересов: организация и участие в митингах, собраниях, встречах с руководством города, в предвыборной агитации, дежурство на избирательных участках.

Особого внимания заслуживает деятельность казачьего фольклорного ансамбля «БЕРЕГИНЯ» во главе с его бессменным руководителем и организатором, сотником Галиной Школярук. Сам же ансамбль образовался 13 сентября 1998 года.

Давно знавшие друг друга лауреаты Всеукраинских и Всесоюзных конкурсов коллективов художественной самодеятельности Светлана Корчугина, Любовь Марченко и Галина Школярук решили объединиться. Пригласили ещё ряд знакомых: концертмейстера-баяниста Аллу Соседко, супругов Тамару и Дениса Макух, В. Долю и др. К ним почти сразу присоединился и В. Захаров, всегдашний активист самодеятельных коллективов (как танцор и организатор). Созданный коллектив с помощью того же В. Захарова уже летом 1999 года переместился из квартир участников ансамбля в общегородской центр экологического воспитания школьников и юношества (возглавляет А. Абрикосов). Вскоре я тоже познакомился с этим замечательным коллективом, репертуар которого состоит, в основном, из казачьих, украинских, русских народных и популярных в прошлом веке песен, и стал его постоянным участником.

Ныне МКП, как и всё казачество Украины, вступил в **ЧЕТВЁРТЫЙ этап** первого периода возрождения казачества в Украине. Сегодня происходит поиск новых форм, путей и средств как своего собственного развития, так и участия в общественной жизни страны. Опыт накоплен. Цели и задачи определены. Казачество стало существенной силой общества. Малые и большие дела показывают, кто есть кто, и на что способен. Казачество своего достигнет. Этот вывод подтверждает вся история процесса возрождения казачества у нас в городе, в Приазовье, в Донбассе, в Поднепровье и во всей Украине, небольшой составной частицей которого является и деятельность Мариупольского казачьего полка Союза казаков юго-востока Украины (СКЮВУ) «Військо Запорозьке».

Использованные источники

1. Головешко Л. М. Казачество Приазовья на рубеже XX–XXI веков. – Мариуполь, 2010.
2. Головешко Л. М. Минувле та сьогодення козацтва Приазов'я. – Мариуполь, 2011.
3. Тафинцев С. И. Украинская национальная идея – осуществление завета запорожского казачества (самоуправление народа на принципах социальной справедливости). – Мариуполь, 2011.
4. Тафинцев С. И. Казачий катехизис третьего тысячелетия. – Мариуполь, 2012.

**НАХОДКА КЕРАМИКИ XVIII ВЕКА
В РАЙОНЕ БАРТАСОВОЙ БАЛКИ**

В конце 80-х годов XX века вокруг Мариуполя массово выделялись земли под садово-огородные товарищества. Одно из них расположилось на участке левого берега Кальмиуса, между селом Калиновка и Ломакино (южная окраина Талаковки). Было застроено и устье Бартасовой балки (на картах XIX века – Бертосова балка), впадающей в Кальмиус. При землеотводе, видимо, археологическое обследование данной территории не производилось, поэтому не были своевременно выявлены памятники древности. Так, по определению мариупольского археолога В. К. Кульбаки, на левом берегу Бартасовой балки под дачи попал могильник срубной культуры, одно из захоронений которого было разрушено при строительстве выгребной ямы (рис. 1, А). На правой стороне устья балки была застроена территория поселения хазарского времени (рис. 1, Б). Возможно, здесь были и другие археологические памятники.

**Рис. 1. Расположение известных археологических памятников
в районе устья Бартасовой балки**

Одна из улиц дачного поселка идет на запад от устья Бартасовой балки через пологую площадку склона левого берега Кальмиуса. Здесь в начале 90-х годов на ограниченной территории было найдено несколько фрагментов керамики XVIII века. Координаты находки – 47°09'46,9" северной широты, 37°42'03,8" восточной долготы (рис. 1, В).

Всего автором было собрано пять фрагментов керамики разных горшков (рис. 2). Артефакты переданы в Мариупольский краеведческий музей. Ниже приводится их описание, выполненное ведущим научным сотрудником музея Л. И. Кучугурой.

№ 1. Фрагмент венчика крупного открытого горшка (макитры?) (Д=30 см). Венчик воротничковый, с рифлением по верхней поверхности. Горло под венчиком украшено горизонтальными канелюрами. Тесто плотное, с примесью мелкого песка. Палевая поверхность покрыта светло-оранжевым ангобом. Горло (Д=25 см) вертикально спускается вниз.

№ 2. Фрагмент венчика, горла и плечей кувшина (?). Венчик (Д=14 см) закругленный сверху, прямой. Горло сужено (Д=12 см), переломом переходит в раздутые плечи. Тесто плотное, с примесью мелкого песка палевого цвета. Венчик покрыт чёрной краской снаружи и изнутри. Чёрной и бурой краской по венчику, горлу и плечам нанесён рисунок – горизонтальные концентрические линии и части широких полос.

№ 3. Фрагмент горла кувшина (?) (Д=12 см). Горло прямое, плавно переходит в слабовыпуклые бока. Тесто плотное, с примесью мелкого песка желтоватого цвета. Снаружи горло украшено достаточно широкими горизонтальными линиями, нанесёнными бурой краской.

№ 4. Фрагмент венчика и стенки тарелки (Д=21 см). Венчик горизонтальный, закругленный в сечении, переломом переходит в слабовыпуклые стенки. Тесто плотное, с примесью мелкого песка желтоватого цвета. Тарелка покрыта серым ангобом.

№ 5. Фрагмент стенки амфоры (?) с рифлением поверхности изнутри. Тесто плотное, с примесью мелкого песка. На сломе снаружи черепок сероватый, изнутри – розоватый. Снаружи поверхность светло-коричневая, изнутри – желтоватая.

Описанные фрагменты по форме и оформлению весьма близки к керамике из нижних слоев раскопа на месте старого редута в историческом центре Мариуполя. И, видимо, синхронны им. Предварительно эти фрагменты можно датировать серединой – второй половиной XVIII века. Т.е., их оставили запорожцы или донцы. Но окончательный вывод можно будет сделать только после твердого датирования керамики "казацких" слоев из раскопа в Мариуполе.

Данные находки интересны тем, что они могут помочь в изучении заселения левобережья низовьев Кальмиуса.

Запорожские зимовники появились здесь уже в середине 1740-х годов. По указу от 12 мая 1746 года владения запорожцев на востоке были ограничены Кальмиусом [1, с. 382–389]. Когда 9 сентября того же года в наши края для размежевания прибыли подполковник Тамбовского пехотного полка Андрон Коровьин и донской старшина Степан Ефремов, они застали в низовьях Кальмиуса на "донской" стороне реки *"казацьи сена в стогах и копнах, тако ж и рыбные курени как на устье Калмиюса, так и в верх по Калмиюсу запорожские зимовники"*. Все они были сожжены по приказу С. Ефремова. Всего было уничтожено 2 землянки, 2 шиша (шалаша), 13 стогов и 25 копен накошенного сена, принадлежавших, в основном, запорожской старшине. Ефремов за это самоуправство попал под следствие [1, с. 426–427, 501–507].

Донцы людских ресурсов для заселения территории между нижним Доном и

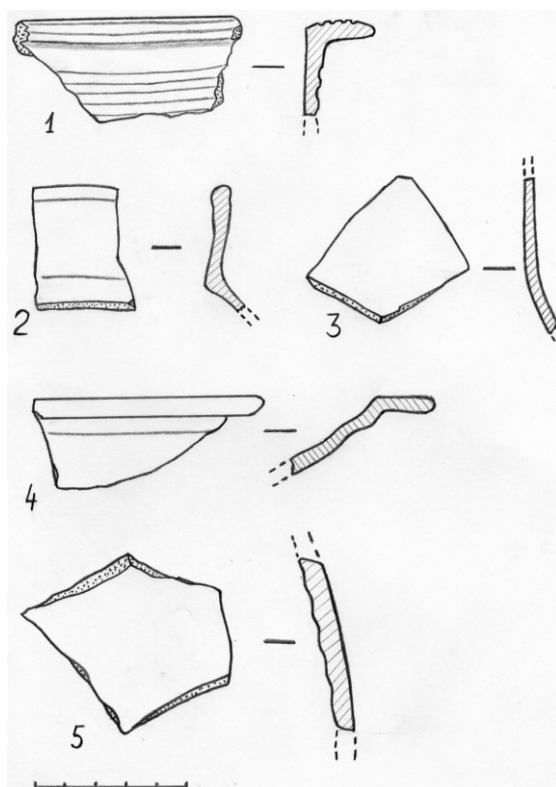

Рис. 2. Фрагменты керамики, обнаруженные в районе Бартасовой балки

Кальмиусом тогда еще не имели. Поэтому очень скоро запорожские зимовники опять распространились далеко на восток от Кальмиуса. По некоторым данным они достигали Миуса.

В начале русско-турецкой войны 1768–1774 годов все эти зимовники были брошены и массово разрушены, а их хозяева эвакуировались в более безопасные места. Ближе к концу войны, когда ситуация в степях несколько стабилизировалась, при полковнике Петре Велегуре запорожцы вновь отняли у донцов территорию между Кальмиусом и Миусом. У Велегуры даже были неприятности из-за этого [2]. Возможно, что тогда же запорожские зимовники вновь появились на левобережье Кальмиуса. Интересно, что на карте 1861 года в районе нынешней Гнилозубовки на левобережье показаны балка Велигурина и курган Вел[и]гурин [3].

После разгона Запорожской Сечи большой поток переселенцев из Северо-Восточной Украины достиг Дона. Это позволило донцам и бывшим запорожцам быстро заселить и земли к западу от Миуса. В описании поселений Миусского округа последней четверти XVIII века часто упоминаются даты оснований донских поселений в низовьях Кальмиуса. Так, к 1781 году относится основание поселка Вознесенского (Косоротова), к 1786 году – Успенского-Косоротова. На плане 1796 года показаны уже существующие донские хутора на месте нынешних поселков Троицкого, Калиновки, Талаковки и Пищевика [4, с. 85–88].

К сожалению, ни запорожский зимовник, ни донской хутор у устья Бартасовой балки по документам XVIII века нами пока не выявлен. Тем не менее, даже такой небольшой сбор керамики может пополнить наши знания о том периоде, который недостаточно известен по письменным источникам.

Использованные источники

1. Акты, относящиеся к истории Войска Донского / собранные генерал-майором А. А. Лишиным. – Т. 2, Ч. 1–2 (отрывки). – Новочеркасск, 1894. – Режим доступа: http://parasoma.narod.ru/articles/border_1746.htm
2. Ткаченко-Гильдебрандт В., Шкуро В. История одного куреня : Из казачьего прошлого станицы Старощербиновской Ейского отдела Кубанской области (1756–1918) // Вольное казачество Украины : официальный сайт никопольской общественной организации. – Режим доступа: <http://www.kaz-volnoe.narod.ru/page178.html>; <http://www.kaz-volnoe.narod.ru/page180.html>
3. Военно-топографическая карта Екатеринославской губернии. – СПб. : Военно-топографическое Депо, 1865–1869. – 1 атл. ([33] разв. л., [1] сб. л.) : 1 цв.; 50х35 см. // Докусфера : электронный фонд Российской национальной библиотеки. – Режим доступа: <http://leb.nlr.ru/edoc/331875/>
4. Сборник областного Войска Донского статистического комитета. – Выпуск 5-й. – Новочеркасск, 1905.

Сергей Буров

СТАРИННЫЙ ПЛАН ГОРОДА РАССКАЗЫВАЕТ

В августе 2010 года все мариупольские телеканалы и газеты сообщили зрителям и читателям, что в нашем городе начаты археологические раскопки бывшего укрепления запорожских казаков. Заведующая отделом истории досоветского периода Мариупольского краеведческого музея Раиса Петровна Божко, непосредственная участница этого события, более того – одна из тех, кто был инициатором раскопок, в телевизионном интервью рассказала, с чего все началось: *"На плане города 1827 года отмечено укрепление запорожских казаков. Как форпост оно утратило свое значение в 1769 году, когда было разрушено крымскими татарами. И потом, уже в виде развалин, существовало в Мариуполе до 1845 года. В этом году мариупольцы готовились встретить великого князя Константина Николаевича, второго сына императора*

Николая I, в связи с чем, подчищали город, и решено было снести последние наземные остатки крепости.

Житель Мариуполя Евгений Николаевич Чилибин совместил старинный план с современной спутниковой съемкой Мариуполя, что и позволило определиться с местом раскопок" [4].

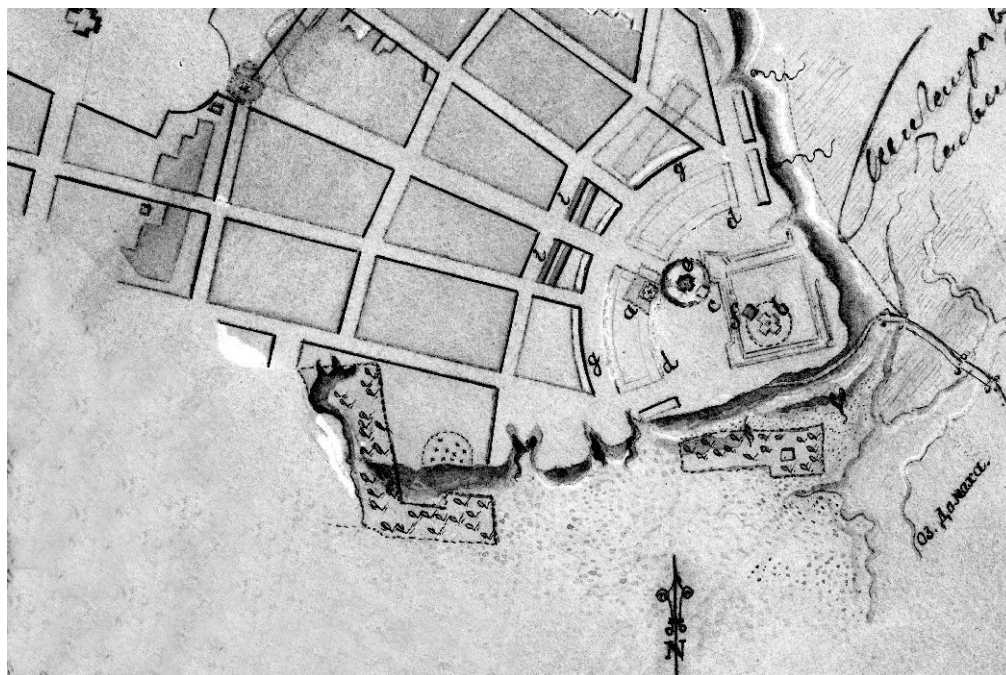
Сами по себе раскопки – событие нерядовое. О них уже рассказано немало, и еще больше будет написано в будущем. А вот отдельно рассмотреть план, упомянутый выше, наверное, стоит. И не только потому, что на нем отражены остатки фортификационных сооружений запорожских казаков, охранявших некогда рубежи Кальмиусской паланки от набегов кочевников. Он несет также много информации, касающейся истории нашей малой родины, – Мариуполя.

Обратим же пристальный взгляд на этот старинный документ, составленный архитектором Македонским. Официальное название документа – «Главная часть города Мариуполя, 1827 год» [2]. Тем самым оправдывается отсутствие на нем предместий Кефе, Гезлеве, Карасу-Базар, Марьинск и Бахчисарай. Между тем, все эти поселения уже существовали, что подтверждается планом, датированным 1811 годом. Кстати, суммарная застроенная площадь, занимаемая ими, едва ли не превышала тогда площадь главной части города. План сопровождается «изъяснениями». Современный картограф назвал бы это экспликацией.

Приведем текст изъяснений:

"(a) Ветхая, запечатанная церковь греческого общества, для которой Высочайше подтверждено (b) новое место, на старом редуте, назначенном к срытию. (c) Весы. (d) Гостиный двор (под желтую краскою). (e) По местному рассмотрению оказалось, что место (e) для капитальной каменной церкви гораздо удобнее по твердости земли под фундамент, а в редуте земля изрыта пороховыми погребками".

Здесь нужен небольшой комментарий. Буквенные обозначения на плане расположены на пространстве, занятом теперь площадью Освобождения, зданием бывшего ДОСААФ, другими строениями. Буквой (a) обозначена городская соборная церковь во имя святого Харлампия, заложенная митрополитом Игнатием в 1780 году и освященная им 22 апреля 1782 года [3, с. 121]. Как следует из экспликации, в 1827 году она уже была запечатанной, т.е. закрытой для богослужения.

Фрагмент плана г. Мариуполя. 1827 г. Из фондов МКМ

Тут имеется некоторое противоречие. В описи 1834 года дается ее описание как действующей. В 1844 году преосвященный Гавриил нашел ее ветхой, и только в 1848 году церковь закрыли [3, с. 122]. Что, этот храм закрывали дважды? Или составители плана слукавили, чтобы быстрее получить разрешение на строительство новой соборной церкви? Ведь содержание «изъяснений» к карте говорит о цели ее составления, и не только. Верхнее поле этого раритета заполнено размашистой надписью: *"Государь император изволил рассматривать в С. Петербурге 24 мая 1827"*. Что касается коренных мариупольцев, то им приятно осознавать: их родной город был известен самому императору всероссийскому, мало того – он интересовался сооружением храма в Мариуполе.

Коль скоро речь пошла о соборной церкви святого Харлампия, пожалуй, стоит продолжить ее историю, воспользовавшись тем же сборником «Мариуполь и его окрестности». Итак, в 1848 году она была закрыта, некоторое время служила складом для хлеба, в 1868 году была открыта вновь и освящена во имя святой Екатерины, как дань памяти императрице Екатерине II, принявшей под свое покровительство греков, выходцев из Крыма [3, с. 122]. Службу правили в этой церкви до 1930 года, а в середине 30-х годов ее взорвали.

А что с новым Харлампиевским собором? Мысль о его постройке возникла еще в 20-е годы XIX века, но заложен он был 10 мая 1831 года [1, с. 9] именно на том месте, что и предлагалось – на карте оно обозначено буквой (е). Произошло это при протоиерее Феодосии. Собор продолжали строить при протоиерее Демьянове, а завершили строительство только в 1845 году. Со временем храм оказался недостаточно вместительным, и в 1891–1892 годах при протоиерее Дмитрие Текежи был расширен за счет пристройки новой величественной колокольни, соединенной с основным зданием церкви. К слову, новый Харлампиевский собор вмещал одновременно пять тысяч молящихся. В середине 30-х годов XX века он разделил участь всех мариупольских храмов – его взорвали.

Продолжим комментарии к плану 1827 года. Редут – не что иное, как *"полевое или временное укрепление, представляющее сомкнутый квадрат или иной многоугольник, охваченный земляным валом (бруствером) и наружным рвом со всех сторон при поперечнике от 50 до 200 шагов, смотря по значению и величине обороняющего его отряда – гарнизона"* [5, с. 472]. Это определение дает возможность представить хотя бы приближенно, каким было укрепление запорожских казаков. С помощью масштаба, имеющегося на карте, и несложных арифметических вычислений удалось определить его размеры: сторона квадрата составляла около 160 метров, или, если хотите, 230 шагов.

Наличие весов (с) свидетельствует о наличии рынка, или, как говаривали аборигены здешних мест, базара. Разумеется, это было большое устройство для взвешивания относительно больших партий мешков с зерном или другим товаром. Что касается гостиного двора (d), обозначенного архитектором *"желтою краскою"*, то он так и не был построен.

Слова *"место для капитальной каменной церкви гораздо удобнее по твердости земли под фундамент, а в редуте земля изрыта пороховыми погребями"* говорят о том, что легенды о подземных ходах под площадью старого базара имеют под собой довольно веские основания. Быть может, археологи, продолжая раскопки казацкого укрепления, найдут один из пороховых погребов или подземный ход к ним. Будем надеяться.

Старинный план дает представление о центральной части города, какой она была в середине 20-х годов XIX века. Тогда полностью были застроены восемь кварталов, ограниченные с одной стороны современными улицами Греческой и Торговой, с другой – Итальянской и Митрополитской. Лишь частично была занята усадьбами четная сторона Греческой улицы в пределах нынешнего проспекта Ленина и Итальянской улицы, а также два квартала между улицами Фонтанной и Евпаторийской. Южнее Итальянской улицы

простирались сады. Были сады и у подножья мыса, на котором в прошлом располагалось укрепление Кальмиусской паланки, затем базар и две церкви, а теперь – здания бывшего ДОСААФ и апелляционного суда, другие строения. Читатель вправе спросить: почему сделана оговорка о современных названиях улиц? Дело в том, что они обрели собственные имена только 28 сентября 1876 года, т.е. через 49 лет после того, как архитектор Македонский поставил на карте, о которой здесь шла речь, последнюю точку.

Использованные источники

1. Божко Р. П., Якушенко Л. С., Агабеков Г., Новиков А. Мариуполь православный. – Мариуполь, 2011 – 82 с.
2. Главная часть города Мариуполя. 1827 год // Фонды МКМ. – № 3368–Д.
3. Мариуполь и его окрестности. – Под. ред. Г.И. Тимошевского. – Мариуполь, 1892.
4. Буров С. Мариуполь. Былое : телепрограмма // ТРК «Сигма». – 2010. – 23 октября.
5. Редут // Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского и др. – Т. XXVI (51 п.т.). – СПб. : изд-во Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1899. – С. 472.

Елена Дейниченко

КИРПИЧНЫЙ СТИЛЬ В МАРИУПОЛЕ

Кирпичный стиль – своеобразное архитектурное направление, которое выражалось в замене лепных украшений на стенах зданий кирпичным декором. Распространившись в Российской империи в конце XIX – начале XX века, это направление опиралось на богатую культурную традицию, используя достижения архитектурных стилей разных эпох. В России, особенно центральной, издавна строили кирпичные с изразцами храмы, и эта традиция легла в основу кирпичного зодчества. В царствование Екатерины II появились романтические кирпичные здания, построенные в псевдоготическом стиле. При Николае I стали строить казенные учреждения в кирпичном варианте Ренессанса – военно-гражданском стиле. Считается, что на этой основе и вырос рациональный и одновременно романтический кирпичный стиль [13]. На Украине с ее богатством глины и керамики кирпичный стиль получил очень широкое распространение [17].

Как отмечал Ю. Н. Бубнов, *"рисунок кирпичной кладки, фактура и цвет лицевого кирпича представлялись основными средствами художественной выразительности, все это предопределило появление кирпичного стиля"* [3]. Место кирпичного стиля среди других стилей неоднозначно. В большинстве случаев считают, что он возник как ответвление рационализма, испытывал влияние историзма и эклектики, русского стиля, позже – модерна [2; 3; 4; 17]. Отсутствие целостного художественного стиля породило название кирпичный стиль [16; 17]: он стал *"рационализацией эклектики для массового и утилитарного строительства"* [10].

В целом кирпичный декор *"трактуются подобно формам традиционных стилей: те же приемы размещения, симметрично-осевая композиция, фронтальность, использование цвета как средства выделения отдельного мотива"* [7].

Специалисты выделяют ряд положительных черт, повлиявших на распространение кирпичного стиля в странах Европы. Большинство таких факторов характерно и для Мариуполя [2; 7]:

- широкому использованию кирпича способствовали его прочность и экономичность этого строительного материала;

- кирпичная кладка подходила для зданий различного назначения (культовые сооружения, промышленные и хозяйственные объекты, общественные здания);
- оригинальность и выразительность облика строений *"достигалась простейшим путем"*: красные кирпичные здания оживляли хмурые городские пейзажи; становилась менее заметной копоть, густо оседавшая на стенах домов;
- как результат, модное веяние стимулировало развитие производства кирпича и массовое дешевое строительство.

Популярности стиля способствовало расширение строительства заводов, складов, казарм и других подобных сооружений, уменьшение расходов на возведение и эксплуатацию которых имело решающее значение. В связи с этим, кирпичный стиль иногда называют казенным или фабричным [3].

Историки архитектуры выделяют две основные черты кирпичного стиля:

- отказ от штукатурной отделки, открытая кладка стен;
- замена лепнины узорами, выложенными из кирпича [16].

Кирпичный узор либо образовывался при нестандартном способе кладки, либо обеспечивался использованием так называемого **«лекального кирпича»** (как говорят каменщики, «штучный набор»). Лекальный кирпич использовался при кладке сооружений с кривыми очертаниями – карнизов, углов, арок [8]. Вероятно, так и были собраны уникальные кирпичные маскароны на построенных В. А. Нильсеном зданиях (ул. Георгиевская, 11 и ул. Семенишина, 49). Неслучайно В. Хохолев отмечал, что кирпичный стиль *"демонстрировал практически неограниченные возможности"*.

Здание бывшего Мариупольского низшего технического училища (ул. Митрополитская, 61)

Как подчеркивал Ю. Н. Бубнов, характерные черты кирпичного стиля были обусловлены конструктивно-технологическими качествами кирпича как строительного материала: кирпич служил *"стилеобразующим фактором, определяющим специфические особенности именно кирпичной архитектуры"* [3].

Рассмотрим основные архитектурные элементы кирпичного стиля, которые нашли отражение в мариупольских зданиях.

Характерным для данного стиля является **ступенчатый узор** [3]. Его рельеф образовывался «выступами и западами кирпича», выпуск которого можно было сделать не более чем на 7 см. Более значительные выступы за плоскость стены выполнялись только ступенчатым напуском кирпичей.

В Мариуполе в этом отношении наиболее интересны такие объекты: здание, в котором сейчас располагается Мариупольский профессиональный металлургический лицей (ул. Митрополитская, 61, около центрального рынка), так называемый «дом доктора Гампера» (ул. Земская, 45), «дом с крестами» (ул. Итальянская, 30). Все эти здания отличают разнообразные орнаменты, образованные небольшими ступенчатыми выступами (**дентикулы** или **«сухарики»**) [14; 15, с. 59]) либо рядами миниатюрных арок. Центральный фасад дома Гампера украшен небольшими нишами. Подобные **ниши** расположены и на столбах в верхней части здания металлургического лицея.

Более крупная ниша украшает фасад дома № 30 по ул. Итальянской. Выемки в форме крестов выделяются на столбцах над крышей. Подобные дома с нишами, в которых нередко устанавливались скульптурные изображения Мадонны, и сейчас можно увидеть, например, на улицах Львова – города-побратима Мариуполя. Дом по ул. Итальянской находился рядом с римско-католической церковью и строился, скорее всего, как одна из прилегающих построек, что и обусловило его архитектурный облик. В книге «Мариуполь и его окрестности» сказано: *"Церковь расположена в середине ограды, имевшей форму четырехугольника... К восточной стороне церковной ограды примыкает у Докторского спуска небольшой дворик, в котором находится дом для священника"* [12, с. 146–150]. Если внимательно рассмотреть дореволюционную открытку с видом на костел и Итальянскую улицу, можно заметить за зданием костела очертания верхней части здания со столбиками на крыше. Вероятно, «дом с крестами» и есть тот самый "дом для священника".

Следует отметить, что указанные здания внешне напоминают здание мариупольского земства, изображение которого сохранилось на старых видовых открытках. Так, здание металлургического лицея похоже структурным оформлением, а здание по ул. Итальянской, 30 – кирпичным декором, в частности, – **арочным орнаментом**. Еще одна интересная деталь – шестигранная дымовая труба на крыше металлургического лицея, напоминающая ажурную башенку со стрельчатыми окошками. Она уникальна для Мариуполя, но подобное оформление дымоходов было распространено и в других городах Российской империи. Пример – восьмиугольная дымовая труба с кирпичным декором в верхней части на одном из зданий Оренбурга [9].

Еще одно здание, богато украшенное дентикулами и арочным орнаментом, – дом напротив универмага «Украина», практически скрытый за торговыми пристройками. До недавнего времени здесь располагался ликероводочный завод, а еще раньше – казенный винный (или акцизный) склад. Особенно интересно смотрится на ассиметричном фасаде карниз с глубокими ступенчатыми арочками – навесными псевдобойницами (так называемые **машикули** [14]) и с массивной, выступающей над основной крышей, аркой, опирающейся на две остроконечные ниши. Как оказалось, такое уникальное для нашего города архитектурное оформление – реализация типового проекта. Это не удивительно, так как в начале 1900-х годов казенные винные склады строились массово и были одним из этапов, окончательно закрепивших за государством монополию на алкогольную продукцию. На многочисленных старых видовых открытках, представленных в сети Интернет, такие здания винных складов встречаются в Кургане (областной город в составе Уральского федерального округа), Царицыне (позже – Сталинград, ныне – Волгоград, РФ), Сарапуле (город в Удмуртской Республике, входящей в состав РФ), Черкассах. Постройки эти – двухэтажные, и отличаются от мариупольской декоративными надстройками на крыше в центральной части фасада. Подоб-

Здание бывшей католической общины г. Мариуполя (ул. Итальянская, 30)

Здание Мариупольского уездного земства (не сохр.)

ным образом оформлен винный склад в городе Кирове (областной центр РФ). На кировском здании с пристроенным позже (как и в Мариуполе) третьим этажом расположен менее глубокий машикульный карниз, полностью изменена правая часть сооружения; в верхней части арки – дата постройки (1901). В отличие от мариупольского, оно – утвержденный памятник архитектуры [6].

На некоторых мариупольских зданиях встречается элемент, который напоминает нечто среднее между арочным орнаментом и машикульным: ряды концентрически углубляющихся двухступенчатых ниш (например, пр. Ленина, 35 и пер. Кузнечный, 7). На здании на пер. Кузнечном они чередуются с орнаментом из квадратных ступенчатых углублений. Подобные концентрические квадраты или прямоугольники в архитектуре получили название «**ширинка**» [14]. Горизонтальные ряды ширинок можно также увидеть на доме № 61а по ул. Итальянской, вертикальные – на группе зданий по ул. Греческой, 77 и 79. Особенно интересно этот элемент смотрится на здании ДК «Молодежный» (в прошлом – гостиница «Континенталь»): вертикальные ряды между окнами третьего этажа – двойные, а верхний горизонтальный ряд дополнительно украшен ромбиками внутри каждого углубления.

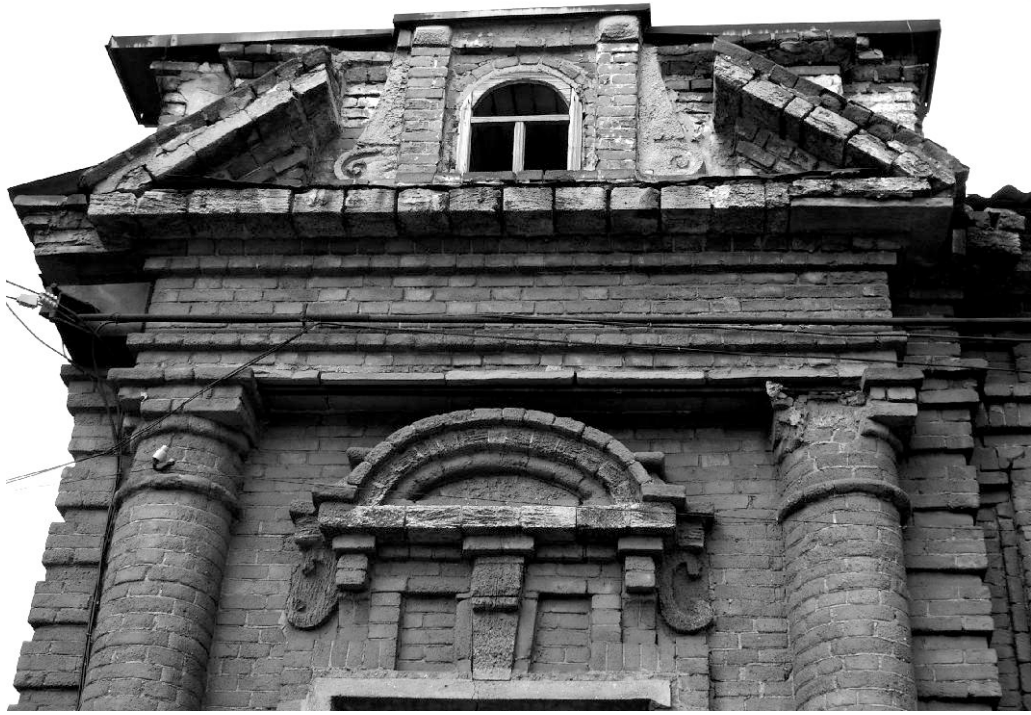
Еще один тип орнамента, встречающийся практически на всех мариупольских зданиях, построенных в кирпичном стиле, – **поребрик** – вид кирпичной кладки, при которой один ряд кирпичей укладывается под углом к наружной поверхности стены [14]). Как правило, зубцы поребрика образовывались короткой стороной кирпича, но иногда кирпичи ставились вертикально, складываясь в более широкий орнамент (ул. Митрополитская, 35).

Конструкция рядовой перемычки ограничивала ширину окон. Их увеличение требовало введения разгрузочных арок и перемычек с большой несущей способностью (лучковых, полуциркульных), а в некоторых случаях – металлических или железобетонных внутрстенных конструкций [3]. Одна из особенностей архитектуры кирпичного стиля, обусловленная этим требованием, – в тех частях здания, где могли бы быть более широкие окна, объединялись два узких под одной аркой (ул. Николаевская, 22). Подобные окна, вероятно, были и на здании по ул. Николаевской, 28, на фасаде, выходящем на ул. Харлампиевскую, но арки практически разрушились, и сейчас угадываются только их слабые очертания (в прошлом здесь располагалась одна из синагог).

В кирпичном стиле стены над окнами украшались самыми разнообразными архитектурными элементами. Не исключено, что это также способствовало укреплению конструкции. Один из таких элементов – небольшой карниз над проемом окна, так называемый **сандрик** [15, с. 86]. Примерами могут служить дом № 32 по ул. Пушкина, верхние этажи зданий № 17 по ул. Торговой (в прошлом – реальное училище Гиацинтова) и № 82 по ул. Пушкина (известно старожилам как «здание радиоузла»).

Особый интерес представляет дом № 46 по ул. Фонтанной. Сандрики над его окнами опираются на **замковые камни** (клинообразный элемент в вершине свода [15, с. 61]). Сбоку сохранился резной деревянный навес над крыльцом, нехарактерный для нашего города с его избытком кованых решеток. Оконные проемы украшают **гутты** или **регулы** – маленькие треугольники в виде капель [15, с. 58]. В академической архитектуре гутты – стандартное украшение определенных деталей в постройках дорического ордера. В Мариуполе гутты – завершение разных архитектурных элементов на стенах зданий, не имеющих отношения к ордерной архитектуре.

Большая часть мариупольских сандриков над окнами завершается фронтонами. Наиболее простые из них – со скругленным или треугольным завершением – могли чередоваться между собой (например, ул. Торговая, 17 и пер. Кузнечный, 7). Вместо таких фронтонов иногда использовались более сложные декоративные элементы – **кокошники** или **коруны**, образованные сочетанием треугольных и полукруглых фрагментов.

Фронтон здания по улице Фонтанной, 73

В Мариуполе встречаются коруны нескольких типов. Это могут быть два полукруга и треугольник между ними, образующие такой ряд над каждым окном (ул. Итальянская, 61). В другом случае – это два полукруга, заостренные в верхней части (ул. Митрополитская, 38 и ул. Торговая, 88). Третий тип – два соединенных полукруга и опирающийся на них треугольник в центре, образующий ромбовидный фрагмент. Треугольник при этом может быть либо совсем маленьким (ул. Греческая, 77 и 79), либо одного размера с полукругами (ул. Итальянская, 67). Еще один вариант коруны больше других оправдывает свое название: два полукруга, иногда чуть вытянутые по бокам, сливаются с центральным треугольником, напоминая по форме корону (здание на углу улиц Земской и Фонтанной). Особенно интересно в этом плане бывшее здание гостиницы «Континенталь»: окна первого этажа украшены корунами, окна второго – двойными заостренными полукругами, а над угловым окном – оригинальный вариант третьего из рассмотренных типов сандриков (на два полукруга опирается третий, заостренный, а не треугольник).

Необычно украшена верхняя часть здания, в котором размещен паспортный стол Жовтневого района (ул. Фонтанная, 73). Треугольные фронтоны над крышей разорваны маленькими чердачными окошками. Каждое окошко по бокам украшено лепными **волютами** – спиралевидным завитком с кружком («глазком») в центре [14; 15 с. 55]. Точно такие же фронтоны – на доме № 2 по ул. Торговой. Правда, после ремонта штукатуренные волюты превратились в обычные капли, но на боковой стене, со стороны балки, они сохранились в первозданном виде. Подобное прямоугольное окошко с волютами можно увидеть на крыше дома № 36 по ул. Николаевской, но спирали здесь крупнее.

Еще одно требование, прилагаемое к архитектуре в кирпичном стиле, было связано с большой шириной помещений общественных и промышленных зданий: нужно было увеличивать несущую способность простенков. Для этого с наружной стороны устраивались **пилястры** [3].

В Мариуполе полноценные пилястры на зданиях, построенных в кирпичном

стиле, можно увидеть, например, на Кузнечном переулке (№ 7), на ул. Торговой (№ 88). Значительно чаще в нашем городе встречаются маленькие **наборные полуколонки**, которые украшают ровные фрагменты стен (ул. Фонтанная, 73 и ул. Итальянская, 54), кирпичных ворот (ул. Греческая, 77) или расположены по бокам окон с корунами.

Еще одна особенность, характерная для зданий кирпичного стиля и, вероятно, способствующая укреплению стен, – многочисленные горизонтальные пояски-выступы, расчленяющие стены зданий, так называемые **тяги** [14]. Как правило, они представляют собой ровную линию, но в отдельных случаях изгибаются, обрамляя окна (дом на углу ул. Митрополитской и ул. Торговой, дома № 24 по ул. Греческой, № 63 по ул. Артема). Кроме того, стены часто рустировались (**рустом** или **рустовкой** называлась рельефная кладка [14]). При этом полосы-впадины могли имитировать крупную кладку, разбивая стены на прямоугольники (ул. Кузнечная, 25), а могли делить плоскость стены на полосы, часто сходясь при этом лучами над оконными проемами (ул. Митрополитская, 1). Считалось, что, оживляя плоскость стены игрой светотени, рустика создает впечатление мощи, массивности здания.

Среди изобилия элементов декоративной кирпичной кладки, встречающихся на ряде мариупольских зданий, оригинально выделяются **«тележные колёса»** на доме № 22 по ул. Харлампиевской, **двухсторонние завитки** (вероятно, варианты соединенных волот) на доме № 77 по ул. Греческой, **«галочки»** на доме № 21 по ул. Семенишина.

Кирпичная кладка была *"главным художественным компонентом архитектурного облика зданий"* [2]. Но в некоторых случаях обращались к дополнительным способам декорирования наружных стен [11; 13; 16]:

- кирпичная кладка из полихромного кирпича (например, двухэтажное здание по ул. Митрополитской, рядом с медицинским училищем, дома № 31 и № 80 по ул. Артема, № 78 по ул. Земской);

- использование печных и каминных изразцов – цветных глазурованных или скульптурных терракотовых, не покрытых глазурью (дома № 13 и 13а по ул. Георгиевской);

- незначительное употребление лепных деталей.

Часть фасада здания бывшей гостиницы «Континенталь»
(ул. Харлампиевская, 17)

В ряду полихромных зданий необычно выглядит дом № 8 по ул. Энгельса, отдельные фрагменты стен которого выложены гладким камнем. Следует отметить, что кирпич разного качества и цвета использовался не только для создания полихромного рисунка стены. Очень часто дворовые стены выкладывались из красного кирпича, а уличная стена (в угловых домах – две стены) облицовывалась более светлым, фасадным кирпичом (ул. Георгиевская, 11; ул. Николаевская, 28 и 74; ул. Семенишина, 36 и 44). В более бедных домах с краснокирпичными уличными стенами дворовые стены могли выкладываться из известняка (примером долгое время служил дом на углу улиц Торговой и Готфейской, сейчас, к сожалению, разрушенный), иногда перемежающегося с рядами кирпичной кладки (ул. Николаевская, 75). На ул. Малофонтанной сохранился заброшенный дом, у которого все стены, в том числе уличная, представляют собой сочетание известняка и красного кирпича.

Интересно замечание В. Хохолева, исследователя кирпичного стиля Екатеринослава: *"Лепные изделия делались по заказу домовладельца из гипса, керамики, чугуна. Дома получались неповторимые еще и по той причине, что детали для лепки изготавливались один раз, а потом формы разбивались"* [16]. Сложно определить, насколько это утверждение относится к мариупольским зданиям, но на некоторых из них еще сохранились подобные индивидуальные черты:

- часть фасада здания, в котором располагалась гостиница «Континенталь» (выходящая на ул. Харлампиевскую), украшена чугунными «апликациями», напоминающими по форме геральдическую лилию;

- «полуарочные» окна второго этажа дома № 22 по ул. Николаевской обрамляют небольшие лепные ветви с листьями;

- по бокам от круглого окошка над крышей дома № 44 по ул. Фонтанной сохранились лепные вставки-надписи – год постройки (1911) и едва различимые для прохожих, но четко видимые на цифровой фотографии буквы «А», «С» (вероятно, инициалы).

Считалось, что пластичные и цветовые эффекты придавали кирпичным стенам особую выразительность.

В каждом городе складывался свой особый вариант кирпичного стиля, обусловленный условиями жизни, климатом, ментальностью населения. Например, в отраслевой литературе утвердилось название такого варианта, как «екатеринославский кирпичный стиль» [1; 5; 10; 16]. Он, вероятно, сильно повлиял на мариупольский, так как Екатеринослав был для нас губернским городом, как минимум, распространявшим типовые проекты. В Екатеринославе в рамках кирпичного стиля с его *"изящными уличными и скромными дворовыми фасадами домов"* были реализованы все течения стиля эклектики. Заметное влияние он оказал и на постройки в стиле модерн: *"его специфическая техника причудливым образом переплелась с новыми архитектурными формами, определив таким образом характер застройки всей исторической части города"* [16]. Подобная ситуация сложилась и в Мариуполе.

Улица Николаевская, 85. Фото нач. 1990-х (слева) и нач. 2000-х гг. (справа)

Наиболее декорированные и значительные по размерам здания, построенные в кирпичном стиле, служили градостроительными акцентами; менее значительные также играли заметную роль в общей застройке города. Занимая целые стороны кварталов (улицы Торговая, Фонтанная), они создавали локальные ансамбли. Отдельные дома, хотя и выделялись в прошлом цветом, благодаря общности принципов ритмического построения фасадов и деталей все-таки не представляли собой чужеродного элемента.

Здания, построенные в кирпичном стиле, сегодня воспринимаются по-разному. Многие из них, оштукатуренные и окрашенные подобно окружающим их домам, мало чем отличаются от них, и не всегда распознаются с первого взгляда. Примером может служить дом № 85 по ул. Николаевской. На фотографии начала 1990-х годов, сделанной специалистами научно-проектного института «Укрпроектреставрация» во время исследования исторической части Мариуполя, четко виден богатый кирпичный орнамент. Сейчас же «кирпичный стиль» этого здания угадывается только по совпадению размеров элементов декора со стандартными размерами кирпича.

Использованные источники

1. Архитектура зданий города Екатеринослава (Днепропетровска) : ул. Глинки, 16 // История и современность города : фото Днепропетровска. – Режим доступа: http://foto.mail.ru/mail/n_zealand/Dnepropetrovsk/2271.html
2. Бардышева О. Прост, как кирпич, или Что имеем – не храним? // Контрасты! – 2011. – 19 апр. (№ 6). – С. 4. – Режим доступа: <http://www.konstr.me/2011/04/21/3534/>
3. Бубнов Ю. Н. «Кирпичный» стиль // Бубнов Ю. Н. Архитектура Н. Новгорода середины XIX – начала XX века. – Режим доступа: <http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=32520>
4. Власов В. Г. Кирпичный стиль // Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства : в 8 т. – Т. 1. – СПб. : ЛИТА, 2000. – 864 с. – Режим доступа: http://www.protoart.ru/ru/main/encyclopaedia/architecture_style/k/kirpich_style/
5. Жеребцова Л. Кирпичная история (о «екатеринославском кирпичном стиле» и своей коллекции кирпичей рассказывает П. П. Маменко, один из краеведов Днепропетровска) // Экспедиция XXI. – 2007. – № 4. – Режим доступа: <http://www.exp21.com.ua/rus/notes/66-9.htm>
6. Казённый винный склад, 1901 г. ул. Карла Маркса, 18 // Памятники архитектуры Кирова. – Режим доступа: <http://www.archidesignfrom.ru/117-kazjonnyjj-vinnyjj-sklad-1901-g.-ul.html>
7. Кириченко Е. И. Архитектурные направления // Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. – М. : Искусство, 1978. – Режим доступа: <http://www.cih.ru/am/m51.html>
8. Кирпич лекальный // Азбука строительства. – Режим доступа: http://apriori-ua.com/component/option,com_glossary/func,view/Itemid,98/catid,15/term,Кирпич+лекальный+/
9. Кирпичный стиль // Архитектурные стили города Оренбурга : авторский сайт. – Режим доступа: <http://orenarch.narod.ru/kirpichniy.html>
10. Кирпичный стиль / подгот. В. Старостин // Энциклопедия Днепропетровска. – Режим доступа: <http://encdp.com/city/architecture/stili/201>
11. Кирпичный стиль // Юсупов Э. С. Словарь терминов архитектуры. – СПб., 1994. – Режим доступа: <http://www.arhidic.ru/html/k/kirpi4n3y-stil5.html>
12. Мариуполь и его окрестности : Отчет об учебных экскурсиях Мариупольской Александровской гимназии / под ред. Г. И. Тимошевского. – Мариуполь : Типо-Литография А. А. Франтова, 1892. – 461 с.
13. Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3 т. – Т. II : 3–П. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС ; Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Гуманитарный%20словарь/Кирпичный%20стиль/>
14. Словарь архитектурных терминов / по мат. «Архитектурно-строительного словаря» В. С. Поплавского и др. – Режим доступа: <http://e-project.redu.ru/mos/terms.html>
15. Уайт Э., Робертсон Б. Архитектура : Формы. Конструкции. Детали. – М. : АСТ ; Астрель, 2005. – 112 с.
16. Хохолов В. Екатеринославский кирпичный стиль // Горожанин. – 2009. – 26 нояб.–2 дек. (№ 47). – С. 16. – Режим доступа: http://www.gazeta.dp.ua/read/ekaterinoslavskiy_kirpichniy_stil
17. Ясиевич В. Рационалистические тенденции // Ясиевич В. Архитектура Украины на рубеже XIX–XX веков. – Режим доступа: http://alyoshin.ru/Files/publika/yasievich/yasievich_ukr_18.html

ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ им. А. И. КУИНДЖИ В МАРИУПОЛЕ

29 октября 2010 года в культурной жизни города Мариуполя произошло значительное и давно ожидаемое событие. Через 100 лет после смерти великого живописца Архипа Ивановича Куинджи принял первых посетителей художественный музей.

Создание музея относилось к трудно решаемым вопросам. Его этапы можно проследить по документам, прессе.

В 1914 году московское отделение Общества художников имени А. И. Куинджи постановило принести в дар художественному музею в Мариуполе несколько работ,

принадлежащих кисти Куинджи: «Украинскую ночь» (авторское повторение оригинала), «Вечер в степи», «Ай-Петри», «Облако» и некоторые другие (всего 10 работ). Городская управа должна была дать официальный ответ Обществу куинджистов: кому принадлежит музей, безопасно ли в пожарном отношении его помещение, на какие средства он содержится. И так как художественного музея в городе не существовало, городская дума приняла решение построить для него специальное помещение, а пока просила Общество имени А. И. Куинджи задержать высылку картин [1]. Через несколько дней началась Первая мировая война, затем две революции, гражданская война. Естественно, было не до строительства в городе художественного музея.

В феврале 1920 года в Мариуполе открылся краеведческий музей. Художественного отдела в нем также не существовало, хотя первые картины в его фонды поступили именно в двадцатые годы [3]. Сотрудники были серьезно озабочены организацией художественного отдела. С этой целью в 1929 году директор музея И. П. Коваленко предпринял двухмесячную командировку в Москву и Ленинград. Результатом поездки стала договоренность с Наркомпрсом о передаче Мариуполу живописных полотен А. И. Куинджи. Члены общества, учрежденного нашим земляком, ученики художника также пообещали передать свои произведения. Окрыленные прекрасными перспективами, члены окружного бюро национальных меньшинств присвоили несуществующему художественному отделу имя А. И. Куинджи. Однако, ни одно из решений и обещаний выполнено не было [2].

В середине 30-х годов наш музей возглавил профессиональный художник, выпускник Киевского художественного института (ученик профессора Ф. Г. Кричевского) К. Г. Мошенко. В 1936–1937 годах Константин Григорьевич также загорелся идеей открыть в городе картинную галерею имени А. И. Куинджи. Он много писал в разные инстанции, вел активную переписку с известным художником И. И. Бродским. Но вопрос положительно не решился.

Новый виток в развитии этой темы можно проследить в 60-е годы XX века. Тогда

**Художественный музей
им. А.И. Куинджи. 2010 г.**

на базе краеведческого музея открылась картинная галерея на общественных началах [4]. Экспозиционная площадь была маленькой, коллекция только начинала формироваться, пополняясь интересными экспонатами. Образовалась основа художественного собрания музея.

В 1972 году в городе открылся Выставочный зал имени А. И. Куинджи в составе краеведческого музея.

К вопросу о создании картинной галереи возвратились в середине 90-х годов XX века. Тогда городские власти приняли решение выделить под будущую картинную галерею здание аптечного склада (ул. Георгиевская, 58), здание 1910-х годов постройки. Строилось оно в качестве приданного правнучатой племяннице митрополита Игнатия Гозадинова в то время, когда она сочеталась браком с основателем реального училища В. И. Гиацинтовым. Василий Иванович умер в 1918 году, а его вдова Надежда Александровна [5, с. 58], в девичестве Гозадинова, уехала из революционного Мариуполя, и следы ее затерялись.

В 20–30-е годы в этом здании размещался исторический, партийный архив, библиотека. После Второй мировой войны здесь расположился городской аптечный склад. Капитальный ремонт здания не проводился.

Проекты его восстановления и перестройки разрабатывались фирмами «Азовинтэкс» и «Архателье». Тогда, в середине 90-х годов, реконструкция дома только началась и вскоре была свернута, так как была признана нецелесообразной. Городские власти предложили для картинной галереи другой вариант – восстановление здания бывшей синагоги (ул. Георгиевская, 18), рядом с краеведческим музеем. Харьковские архитекторы в 2005 году разработали новый проект, довольно интересный. Общая экспозиционная площадь картинной галереи по этому проекту должна была составить 1 000 квадратных метров. Восстановление планировалось начать в 2006 году. Но опять проблема – финансирование за счет привлеченных средств. Ее так и не удалось решить. Здание передали еврейской общине. Она возместила средства, потраченные на финансирование проекта, и городская власть вернулась к первоначальному варианту – дому Гиацинтова.

В 2008 году городской исполнительный комитет принял решение о продолжении работ по реконструкции здания. Значительную спонсорскую помощь оказал городу генеральный директор «Азовинтэкса» Александр Тарута. Тогда, в 2008 году удалось выполнить большой объем работ, но завершению помешал грянувший экономический кризис. Реконструкция была законсервирована. Лишь летом 2010 года работы возобновились и осенью музей начал принимать первых посетителей.

Сегодня художественный музей им. А. И. Куинджи, бесспорно, стал украшением города Мариуполя. На первом этаже расположено четыре экспозиционных зала, первый из которых посвящен мариупольскому периоду жизни великого художника. Здесь мы попадаем в атмосферу Мариуполя середины XIX века. Это впечатление создает и фотопанно с изображением главной улицы нашего города того времени – Екатерининской, и подлинные предметы быта прошлых лет: иконы, лампы, а также купель из церкви Рождества Пресвятой Богородицы, в которой крестили маленького Архипа в 1841 году. Изображение уголков города, знакомых будущему живописцу, дает представление о детских годах Архипа Ивановича, о формировании его как личности, и является своеобразным введением в тему.

Второй зал отражает петербургский этап – начало оригинальной творческой деятельности Куинджи – 70–80-е годы XIX века. В этом зале представлены копии его прославленных произведений: «Ладожское озеро», «Север», «Чумацкий тракт в Мариуполе», «Березовая роща» и другие. Эти потрясающие, ослепительно ясные картины, ставшие сенсацией и ошеломившие современников художника, и сегодня вызывают восторг и волнение.

**Первая экскурсия по экспозиции художественного музея им. А. И. Куинджи.
29 октября 2010 года**

Далее мы можем видеть подлинники великого мастера: этюды «Осень. Крым» и «Эльбрус», а также эскиз «Красный закат». Эта работа представляет особый интерес: ее мотивы повторяются в других произведениях А. И. Куинджи, а законченный вариант находится в музее «Метрополитен» Нью-Йорка. «Красный закат» считается центральной картиной «солнечного цикла» А. И. Куинджи. В залах также представлены фотографии, документы, отражающие жизненный путь художника.

Архип Иванович Куинджи творил в эпоху богатую именами, его друзьями были многие известные художники. В экспозиции 4-го зала на первом этаже представлены живописные и графические работы современников пейзажиста: И. К. Айвазовского, А. П. Боголюбова, В. В. Верещагина, Н. Н. Дубовского, Л. Ф. Лагорио, И. И. Шишкина, портрет Куинджи кисти Г. О. Калмыкова – ученика А. И. Куинджи.

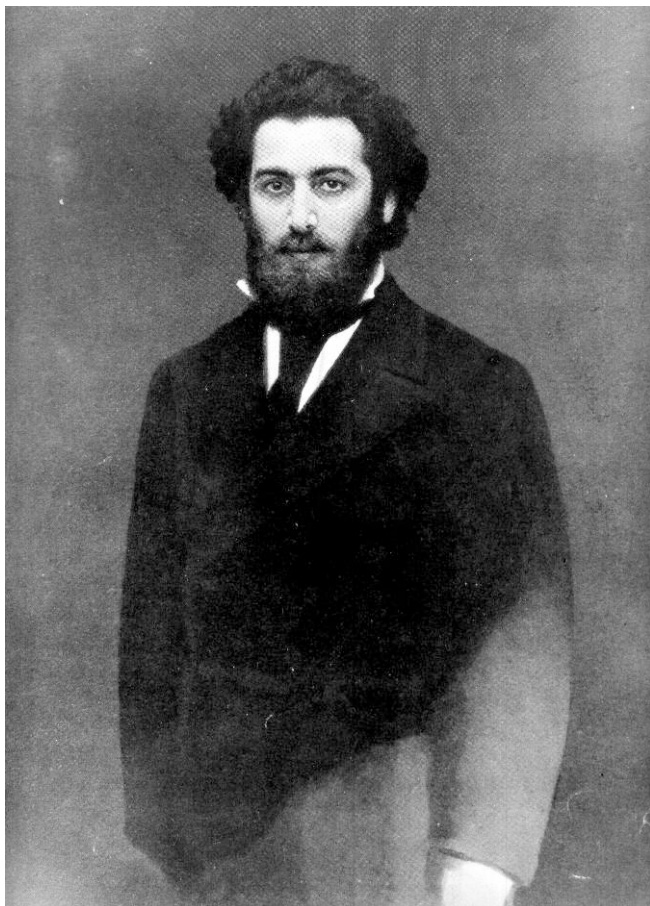
Экспозиционная площадь залов второго этажа используется для экспонирования картин мариупольских художников, проведения выставок искусствоведческой направленности. В залах предусмотрено проведение интерактивных программ, лекций, встреч, демонстраций фильмов об искусстве, о творчестве художников, проведение камерных музыкальных вечеров.

Использованные источники

1. Мариупольская жизнь. – Мариуполь, 1914. – 11 июля.
2. Приазовский пролетарий. – Мариуполь, 1929. – 13 февраля.
3. Материалы о передаче в музей произведений живописи и графики. 1924 г. // Фонды МКМ.
4. Материалы о создании выставочного зала на общественных началах. 1962 г. // Фонды МКМ.
5. Макмак Н. И., Пирго М. Д., Тасиц И. Н., Чубарь Ю. Н. Семейный род последнего Митрополита готфейского и кафайского // Святитель Игнатий Мариупольский. Подвиг веры и созидания : мат-лы Всеукр. научной конф., г. Мариуполь, 15–16 ноября 2011 г. – Мариуполь, 2011. – С. 46–61.

Сергей Буров

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ФАМИЛИИ КУИНДЖИ

**А. И. Куинджи. 1870 г.
Фото с портрета И. Н. Крамского**

Впервые перевод на русский язык фамилии Куинджи был опубликован в 1913 году в монографии М. П. Неведомского [1, с. 4–5], посвященной жизни и творчеству выдающегося мастера пейзажной живописи. В сноске к главе «Детство и юность» автор монографии пишет: *"Куинджи по-татарски значит золотых дел мастер – такова была профессия деда Архипа Ивановича"*. В воспоминаниях А. И. Менделеевой [2, с. 57] приведена запись, якобы сделанная со слов Архипа Ивановича: *"...Куинджи или Куюмджи назывались мои предки; слово это турецкое и означает – золотых дел мастер"*. Специалист по ономастике Б. О. Унбегаун несколько по-другому трактует эту фамилию: *"Куинджи (турецкое – куюмджи), серебряных дел мастер: измененное окончание и передвинутое ударение придают этой фамилии итальянское звучание"* [3, с. 294].

Есть основания предположить, что это изменение сделал сам Архип Иванович. Сохранился подлинник прошения в совет Императорской Академии художеств, датированный 21 августа 1868 года, собственноручно подписанный Архипом Ивановичем. Четкая подпись гласит: Куинджи [4]. Характерно, что двумя годами позже в виде на жительство, выданном будущему выдающемуся пейзажисту 22 марта 1870 года, чиновник Мариупольской городской думы записал: Куюмджи [5]. Такова была мариупольская традиция произнесения и начертания этого слова. Может, даже не традиция, а наиболее употребительная форма, т.к. в записи о бракосочетании Архипа Ивановича с Верой Леонтьевной Кечеджи в метрической книге мариупольской церкви Рождества Богородицы от 23 июля 1875 года фамилия представителей одного и того же семейства написана в двух вариантах: Архип Иванович и его отец – как Куимджи, его брат – как Куимчу [6]. Кстати, в современных справочниках мариупольской телефонной сети имеются абоненты по фамилии Куюмджи, и ни одного – Куинджи.

То обстоятельство, что мариупольский православный грек носил фамилию явно турецкого происхождения, не должно вызывать особого удивления. Родным языком А. И. Куинджи был урумский (в быту его иногда называют греко-татарским). Этот факт

доказывается как местом рождения художника (Карасу-Базар, или Карасевка – предместье Мариуполя, населенное главным образом урумами), так и достоверными воспоминаниями современников. Урумский же язык – наряду с крымско-татарским – близкородственен по своему лексическому составу языку турецкому.

Казалось бы, вопрос решен, и не стоит к нему возвращаться. Однако время от времени приведенная выше трактовка подвергается сомнению. Оппоненты утверждают, что ни в урумском языке, ни в румейском (другом языке мариупольских греков, корни которого восходят к древнегреческому) нет слова «куинджи», переводящегося на русский как «золотых дел мастер». Его корень даже отдаленно не напоминает слово «золото», переведенное на урумский или румейский язык. Интересную гипотезу в свое время выдвинул по этому поводу греческий поэт Леонтий Кирьяков. Он считал, что корень «куин-» – искаженное слово «колодец» на румейском языке, а «-джи» – традиционный тюркский суффикс, обозначающий профессию. Таким образом, по Кирьякову, Куинджи – «человек, который копает колодец». Автор этого сообщения должен признаться, что и он довольно долго придерживался этой версии. Более тщательный лексический анализ показал, что ближе к истине все же были первые биографы Куинджи.

Обратимся к русско-турецкому словарю [7]: ювелир – куюмджу. Интересно, что слово "куюмджу" в значении "ювелир" или "золотых дел мастер" с теми или иными отклонениями встречается не только в тюркских, но и других языках, народы-носители которых находились в длительных контактах либо с турками, либо с крымскими татарами. Например, на сербскохорватском – «куюнджия» [8], на болгарском – «куюмджия» (устаревшая форма) [9], на языке донских армян – «хуюмджия».

Турецко-русский словарь [10] дает разгадку и фамилии Еменджи; по утверждению Неведомского [1, с. 4], ее носили отец и дед Архипа Ивановича. Йеменджи по-турецки – сапожник, шьющий туфли «йемени». Йемени – простые туфли без каблуков с острыми приподнятыми вверх носками. Но тогда непонятно: кем же был дед Архипа Ивановича – сапожником или ювелиром? Почему в метрике Архип записан сыном сапожника по фамилии Еменджи [1, с. 4]? То есть на русский лад – сын сапожника Сапожникова. Может быть, это результат недоразумения: когда в метрику записывали фамилию отца, а он, плохо владея русским языком, не понял вопроса и вместо родовой фамилии назвал свою профессию?

Для ответов на эти и другие вопросы, связанные с происхождением и родом занятий предков Архипа Ивановича Куинджи, требуются дополнительные исследования.

Использованные источники

1. Неведомский М. П. А. И. Куинджи. – СПб., 1913.
2. Менделеева А. И. Менделеев в жизни : записи прошлого. – М. : изд-во М. и С. Сабашниковых, 1928.
3. Унбегаун Б. Русские фамилии : пер. с англ. / общ. ред. В. А. Успенского. – М. : Прогресс, 1989.
4. ЦГИАЛ. – Ф. 789, оп. 6, ед. хр. 141, л. 1.
5. ЦГИАЛ. – Ф. 789, оп. 6, ед. хр. 175, л. 7.
6. ГАДО. – Ф. 214, оп. 1, д. 2, л. 58.
7. Щербинин В. Г. Русско-турецкий словарь. – М. : Русский язык, 1989.
8. Груич Б. Речник руско-српскохорватски, српскохорватско-руски. – Цетинье : Обод, 1961.
9. Беренштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1966.
10. Магазаник Д. А. Турецко-русский словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1967.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ГРАЖДАНИН МАРИУПОЛЯ

В. Л. Кечеджи-Шаповалов.
Рис. Е. С. Красникова

До сих пор из поколения в поколение в Мариуполе передаются рассказы об основателе городского театра Василии Леонтьевиче Кечеджи-Шаповалове. Среди них есть документальные свидетельства о его деятельности в качестве актера, антрепренера, директора и хозяина театра.

Еще при жизни Василия Леонтьевича авторы книги «Мариуполь и его окрестности» относительно полно описали события, связанные с огромным желанием Шаповалова построить в Мариуполе театральное здание [1, с. 294–296]. Так, в 1885 году он ликвидирует свое торговое дело и решается построить за свой счет здание театра. И, как нам известно, его мечта сбылась. В течение двух лет он построил и открыл 8 ноября 1887 года здание, названное Концертным залом. Замечательной страницей истории Мариупольского театра стала постановка «Ревизора» в день открытия. Шаповалов обновлял этот спектакль из года в год.

Благодаря Василию Леонтьевичу мариупольцы видели таких выдающихся по таланту артистов, как В. Н. Андреев-Бурлак, М. Т. Иванов-Козельский, М. Л. Кропивницкий, М. М. Глебова, Г. Н. Федотова и много других прославленных актеров, которые приезжали в наш город.

В книге «Старейший в Украине» краевед Л. Яруцкий сообщает: *"В середине 90-х годов прошлого [XIX – прим. автора] века имя основателя Мариупольского профессионального театра В. Л. Шаповалова исчезает со страниц печати. Дальнейшая судьба Василия Леонтьевича нам неизвестна: то ли его уже вообще не было в живых, то ли из-за отсутствия коммерческой жилки, изворотливости и гибкости не удалось ему удержаться не только в роли антрепренера, но и в качестве владельца театра"* [2, с. 54].

Как же в действительности сложилась дальнейшая судьба В. Л. Кечеджи-Шаповалова?

Найденные мной малоизвестные, но, тем не менее, опубликованные материалы позволили прояснить дальнейшую судьбу Василия Леонтьевича. Он управлял театром в течение восьми лет и завоевал репутацию творческого человека, для которого интересы кассы никогда не имели решающего значения: он уже потратил на театр значительное состояние.

Это был удивительный человек. Трогательно, даже с обожанием относился к талантливым актерам. Умел объединить увлеченных людей и гордился, что помогал им обрести себя в искусстве. Однако таланты не спасали актеров от сложностей их жизни. Борьба за роли, интриги подчас создавали весьма сложную атмосферу в театре. Кроме обычных трудностей антрепризы директор театра сталкивался еще с одной. Как только, даже временно, падали сборы, в труппе обнаруживались неизбежные при такой ситуации враждебные группировки. Ко всем неприятностям в театре у Шаповалова еще добавилась тяжелая болезнь сердца. Не выдержав бесконечных финансовых сложностей и конфликтов в труппе, Василий Леонтьевич ушел в сторону от сложностей провинциального театрального быта. Наверное, человек более практичный, чем Шаповалов, при той популярности, которую имело его детище, сделал бы себе состояние.

Зимний театр (концертный зал) в Мариуполе

Конечно, каждого истинного мариупольца болезненно волновала всякая весть о судьбе театра. Но она должна волновать вдвойне, когда речь идет о единственном драматическом театре в Мариуполе. Здесь возникает этическая ситуация: человек из любви к искусству и родному городу построил театр, всю свою сознательную жизнь, почти всегда – ценой немалых трудов, часто отказывая себе в чем-то необходимом, любовно пестовал свое детище и, понимая его значение и пользу для развития культуры в Мариуполе, решает самое свое дорогое и заветное передать городу на весьма льготных условиях. Не тщеславие, не какая-то выгода заботили Шаповалова при этом, а стремление принести пользу родному городу. Мариупольские купцы, представлявшие в основном городскую думу, приняли это предложение с приличествующими случаю изъявлениями благодарности и тут же забыли о нем.

Василий Леонтьевич, скрепя сердце и потеряв при этом 35 тысяч рублей, продал свое детище И. И. Уварову. Богатый человек, хозяин чугунолитейного завода Уваров не собирался терять деньги из-за искусства и отдал театр в эксплуатацию приезжим антрепренерам. На смену таким романтикам от антрепризы, каким в Мариуполе знали Шаповалова, шли откровенные предприниматели. Театр попал не в те руки, которые могли бы способствовать его доброй службе людям.

О судьбе театра Шаповалова в разное время писали многие, взывая к общественности и призывая сохранить театр. Но положение не изменилось. Со временем о былом творческом авторитете Мариупольского театра даже завзятые его поклонники вспоминали все реже.

Потеря театра, с которым в его жизни было так много связано, потрясла Василия Леонтьевича. Его здоровье ухудшилось, и в 1896 году он выехал в Германию на лечение, надеясь на скорое выздоровление и возвращение домой, в Мариуполь.

Однако в чужих краях пришлось ему остаться навсегда. Некогда подвижническая, полная творческого горения жизнь Василия Леонтьевича оборвалась на пятьдесят втором году его жизни. Он умер 26 ноября 1897 года от болезни сердца, умер в Берлине, где и похоронен, по высказанному им желанию, на кладбище Владимирского братства. На могиле установлен обелиск из красного полированного гранита с надписью:

В.Л. Кечеджи-Шаповалов
[родился] в Мариуполе 1. 01. 1845 г.
[умер] в Берлине 26. 11. 1897 г.

О смерти выдающегося гражданина Мариуполя не сообщила ни одна газета. Лишь спустя длительное время «Мариупольский Справочный листок» поместил небольшую заметку о том, что три года назад ушел из жизни создатель Мариупольского профессионального театра.

Когда думаешь о том, что сделал В. Л. Шаповалов на своем сценическом и административном пути, кажется невероятным, что путь этот был им пройден, в сущности, всего лишь за восемнадцать лет, если не считать годы учебы в Императорском Новороссийском университете. А сделано было много. Однако многое осталось и не досказанным в этой короткой жизни, прожитой бурно и целеустремленно. Кое-кто считал его слишком мягким, нетребовательным директором театра. Но мягкость характера и душевная чуткость в отношении к актерам – разве это не достоинство, если человек, к тому же хранил нежную и горячую любовь к родному городу?!

Использованные источники

1. Петрашевский А. Ф. Театр в Мариуполе // Мариуполь и его окрестности : Отчет об учебных экскурсиях Мариупольской Александровской гимназии / под ред. Г. И. Тимошевского. – Мариуполь, 1892. – С. 291–296.
2. Яруцкий Л. Старейший в Украине : Из истории Донецкого областного драматического театра (г. Мариуполь). – Мариуполь, 1998. – 102 с.

Виктор Вереникин

ИНЖЕНЕР И ПИСАТЕЛЬ АЛЕКСАНДР МЕЕРОВ

В 1974–1975 годах в Мариуполе (тогда Жданове) жил и работал над книгами писатель-фантаст Александр Александрович Мееров, автор научно-фантастических произведений, которые и сегодня пользуются большой популярностью у читателей. Гораздо меньше он известен как инженер – один из создателей реактивных двигателей, благодаря которым запускались спутники и космические корабли.

В период проживания А. А. Меерова в нашем городе я работал корреспондентом газеты «Приазовский рабочий». Мы неоднократно встречались с Александром Александровичем. Он рассказывал много интересного о том, как начиналась отечественная космонавтика, подарил несколько уникальных фотографий. В «Приазовском рабочем» было опубликовано моё интервью с Александром Александровичем, приуроченное к совместному советско-американскому космическому эксперименту «Союз-Аполлон» [1, с. 2].

Для начала, несколько строк из биографии А. А. Меерова. Родился он 5 мая 1915 года в Харькове, здесь окончил химико-технологический институт. Будучи студентом, увлёкся созданием реактивного двигателя и топлива для него. Проходил стажировку в Реактивном научно-исследовательском институте (РНИИ), где работали И. Т. Клеймёнов, С. П. Королёв, В. П. Глушко. Производственную практику проходил на Московском авиационном заводе. Здесь он и стал работать после получения диплома о высшем образовании. На этом заводе он проводил стендовые испытания реактивных двигателей, испытывал стратопланы с этими двигателями, разрабатывал специальные защитные приспособления.

собления – стратокамеры. Их по праву можно считать прообразами современных космических скафандров. В таких стратокамерах можно было подниматься на высоту до 12 километров.

С 1938 года А. А. Мееров работал в КБ-7 наркомата боеприпасов в должности начальника испытательной станции. Александр Александрович занимался стендовыми и полигонными испытаниями ракетных двигателей.

В 1940 году состоялось слияние КБ-7 с Реактивным научно-исследовательским институтом. Приходилось часто бывать в служебных командировках.

Во время одной из них А. А. Мееров и был арестован по ложному обвинению как «враг народа». К счастью его не отправили в лагерь. Как опытный и грамотный специалист он был направлен в Казань, в полутюремное научно-исследовательское учреждение, так называемую «шарашку». По инициативе Л. Берии их создавали по самым разным направлениям и, прежде всего, авиационному и ракетному. В такой же «шарашке» в период репрессий работали и основоположники советской космонавтики – С. П. Королёв и В. П. Глушко.

Не без помощи специалистов подобных «шарашек» был осуществлён первый полет ракетного самолета с двигателем конструкции РНИИ 15 мая 1942 года нашим земляком, Героем Советского Союза летчиком Г. Я. Бахчиванджи. Его именем позже был назван кратер на Луне, который соседствует с кратером, носящим имя Сергея Павловича Королева.

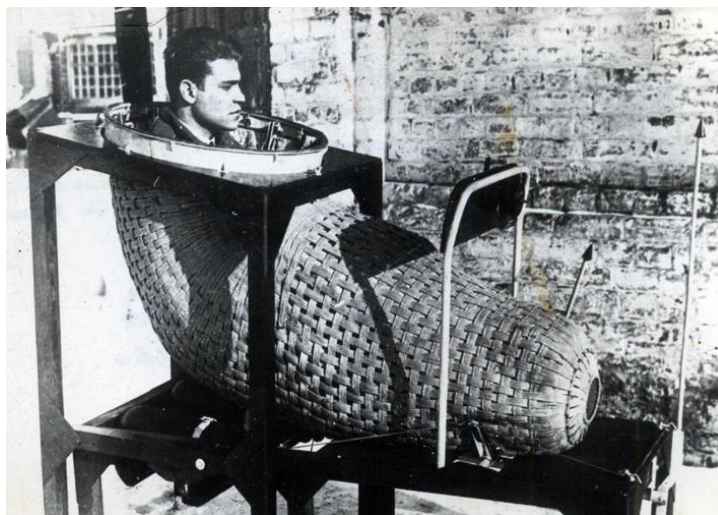
Много лет А. А. Мееров работал начальником химической лаборатории в опытно-конструкторском бюро (ГДЛ-ОКБ), руководимом академиком Валентином Петровичем Глушко, с именем которого связаны все успехи советского ракетного двигателестроения.

Одной из разработок Александра Александровича было пусковое горючее для ракетного двигателя химического зажигания РД-1ХЗ, который впоследствии получил широкое применение [3, с. 40–43].

Очень важно мнение о ракетных двигателях космонавтов. Ведь именно они, фактически, являются испытателями этих двигателей, вверяют им свою жизнь. Вот несколько записей из книги отзывов летчиков-космонавтов о работе двигателей ГДЛ-ОКБ на кораблях «Восток».

"Двигательную установку принято называть сердцем машины. Очень сложное и совершенное сердце, созданное коллективом ОКБ, работало отлично и вынесло «Восток» 12 апреля 1961 года в космическое пространство. Как командир «Востока» сердечно благодарю вас, дорогие товарищи, за созданные совершенные двигатели и оборудование к ним. Желаю новых больших творческих успехов. Гагарин".

"Во время старта и выведения корабля на орбиту хорошо ощущаешь силу и мощь ракетных двигателей, созданных вашим коллективом. Не зря двигатели называют сердцем ракеты-носителя. Это очень правильно. Благодаря вашему коллективу советские летчики-космонавты осуществили мечту всего человечества. Сердечное спасибо вам за замечательные двигатели. Николаев".

А. А. Мееров во время испытания стратокамеры – прообраза современных космических скафандров. Москва. 1936 г.

Встреча в опытно-конструкторском бюро. В первом ряду слева-направо: лётчик-космонавт В. М. Комаров, начальник химической лаборатории А. А. Мееров, руководитель ГДЛ-ОКБ В. П. Глушко, лётчик-космонавт В. В. Терешкова

"Сила природы удерживает человека на Земле. Но человек гением своего ума и труда сумел оторваться от притяжения Земли и выйти в космическое пространство. Это ваш труд – труд коллектива ОКБ – создал мощные двигатели, с помощью которых стартовали наши замечательные корабли... Быковский" [2, с. 24].

Подобные записи сделали в книге отзывов, находящейся в ГДЛ-ОКБ, также летчики-космонавты, летавшие на космических кораблях серий «Восход» и «Союз».

* * *

Писательским трудом А. А. Мееров стал заниматься еще в студенческие годы. В 1955 году в Харькове был издан его первый научно-фантастический роман «Защита-240», в котором писатель развил идею об электромагнитной природе мышления. В 1962 году был напечатан роман «Сиреневый кристалл». Его действие разворачивается вокруг находки на малоизученных островах «космических зёрен», посланцев внеземной жизни. Эволюция развития этих «зёрен» управляется инопланетным электронным мозгом. Это произведение было тепло встречено читателями, критиками и писателями-фантастами. В частности, высокую оценку роману дали Иван Ефремов, братья Борис и Аркадий Стругацкие, с которыми Александр Александрович дружил много лет. В 1971 году вышло в свет его последнее произведение – «Право вето», посмертно был опубликован роман «Осторожно – чужие!» (1979). Александр Александрович написал также несколько научно-фантастических рассказов: «Время, назад!» (1963), «Поиск надо продолжать» (1966), «Пятно в пространстве» (1972).

А. А. Мееров – участник первого Всесоюзного семинара писателей-фантастов и авторов приключенческого жанра при ЦК ВЛКСМ (1960). Принимал активное участие в работе секции писателей-фантастов при Ленинградской организации Союза писателей СССР, хотя формально не являлся членом этого Союза. Произведения А. А. Меерова переведены на английский, болгарский, венгерский, грузинский, китайский, корейский, монгольский, немецкий, польский, румынский, сербско-хорватский, словацкий, французский, чешский, японский языки.

К сожалению, Александр Александрович не всё из задуманного успел завершить. Так, незаконченной осталась документально-художественная книга о создателях советской ракетной техники, которые заложили фундамент современных космических достижений. Не была завершена и работа над научно-фантастическим романом «Великолепная планета». Этот роман, по плану автора, должен был стать его первой книгой о будущем. Ранее события в его книгах развивались в прошлом или настоящем.

Завершая интервью, опубликованное в «Приазовском рабочем» 25 июля 1975 года, А. А. Мееров сказал: *"Надеюсь, что у меня хватит сил и здоровья осуществить всё задуманное"*. Увы, жить ему тогда оставалось всего чуть больше месяца...

Умер Александр Александрович 4 сентября 1975 года, похоронен на Старокрымском кладбище в Мариуполе. Долгие годы он жил «без имени», был засекреченным. После смерти стал известен как человек, немало сделавший для страны, – для её славы и безопасности. Многие почитают его как автора прекрасных научно-фантастических книг, некоторые из которых были написаны в Мариуполе.

Использованные источники:

1. Вереникин В. Н. Реальность фантастики // Приазовский рабочий. – 1975. – 25 июля. – С. 2.
2. Глушко В. П. Ракетные двигатели ГДЛ-ОКБ. – Москва, 1975.
3. Гольдберг С. И. Мечты и прозрение // Преодолеть земное притяжение. – Мариуполь, 1992. – С. 39–49.

Александр Чернов

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ, ИЛИ СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА...

Рассказ коллекционера

Русскую поговорку «На ловца и зверь бежит» в полной мере можно отнести и к нам, коллекционерам. Поиск предметов коллекционирования очень напоминает охоту, и зачастую эта поговорка срабатывает. Наградой за настойчивость и увлеченность часто бывает счастливый случай. Вот о таком счастливом случае я и хочу рассказать.

Как-то, будучи в Донецке, мы с товарищем зашли в художественный салон посмотреть живопись местных мастеров. Как коллекционер, всегда надеешься: а вдруг кто-то сдал что-то интересное, заслуживающее внимания. Но все было как обычно: салонная живопись, рассчитанная на невзыскательного покупателя, или, другими словами, – на продажу. Кроме нас в салоне находился небольшого роста коренастый пожилой человек, ничем особенно не выделявшийся, – ни тебе «художественной» бороды, ни усов, ни пышной шевелюры. Ничто не выдавало в нем художника. У продавца он спросил:

- Не продана ли какая-нибудь моя картина?

- А как ваша фамилия?

- Стирн, – долетело до моего уха.

- Ба! – думаю, – знакомая фамилия! Буквально недавно я просматривал старые, 1950–1960-х годов, каталоги мариупольских городских выставок и встречал там эту редкую фамилию.

- А вы не проживали когда-то в Мариуполе? – спросил я.

- Да, – ответил он, – я довольно долго жил в Мариуполе.

В завязавшемся разговоре выяснилось, что сейчас он живет недалеко от Донецка, продолжает писать картины, которые и продает через этот салон. На стенах действительно висело несколько его работ, которые на общем фоне ничем особенным не выделялись. Пейзажи были какие-то «вымученные», рассчитанные на обывателя. Было

видно, что автор их писал на продажу. Собеседник очень обрадовался нашему знакомству и пригласил к себе в гости. Мы взяли у него адрес и пообещали навестить.

Через некоторое время позвонил мой товарищ.

- Ты знаешь, я только что приехал от Стирна, купил кучу этюдов! И каких этюдов – просто бомба! Старик не хотел продавать их, говорил – ерунда все это, мусор. Зачем они вам?

На следующее утро счастливый обладатель работ Стирна был у меня, хотя проживал от Мариуполя за 200 километров. Привез несколько десятков этюдов и в крайнем возбуждении стал их выкладывать на буфет. У нас это заведенный обычай. На фоне старинного буфета хорошая живопись всегда смотрится особенно привлекательно.

И тут я испытал мгновения, знакомые каждому коллекционеру. Этюды, как драгоценные камни, играли всеми своими красками и заставляли сердце учащенно биться. Почти все они были настолько хороши, что я не знал какие выбрать. Мой друг эту проблему решил просто, сказал, что все этюды он оставляет мне, так как себе он уже выбрал.

Почти все они представляли собой законченные произведения. Редко встретишь художника, который с таким упоением вкладывал бы душу в маленький этюд. Для многих художников этюд – это рабочий материал, быстрая «зарисовка». Для Альберта Стирна этюд – это память о состоянии природы, живое общение с природой, это восторг перед красотами природы. Удивляешься не только мастерству, завершенности каждого из них, но и возникающему у тебя, зрителя, того радостного мироощущения, какое наверняка пережил автор, создавая свое произведение.

В газете «Приазовский рабочий» я опубликовал два мариупольских этюда и небольшую статью о незаслуженно забытом художнике [2]. Мой товарищ отвез газету старому живописцу, который был этому рад, как ребенок.

С того памятного дня прошло несколько лет, я все никак не мог вырваться к художнику, в его захолустье – вымирающий, депрессивный шахтерский городок. И вот в середине февраля 2006 года у меня раздался телефонный звонок. На другом конце провода был Альберт Стирн. Оказалось, что он приехал в Мариуполь к своим детям и хотел бы встретиться со мной. Мой товарищ ему обо мне много рассказывал, вот ему и захотелось со мной пообщаться. Я, конечно, отложил все свои дела и назначил ему встречу около драматического театра в два часа дня. Стирн сказал, что будет в черной шубе и такой же шапке.

В назначенное время меня ожидал невзрачный, сторбленный, небольшого роста старичок в поношенной шубе и шапке, какие уже лет тридцать никто не носил.

- Я очень плохо выгляжу, – как бы извиняясь, проговорил он.

Я его, конечно же, узнал, хотя с момента нашего знакомства прошло несколько лет. Узнал я его, прежде всего, по его живым, выразительным глазам под кустистыми бровями, которые остались такими же, как и на его автопортрете из моей коллекции.

Вскоре мы были у меня. Гость с большим интересом рассматривал картины, висевшие на стенах, подходил к ним близко, чуть ли не впиваясь в них глазами.

- Хочу, – говорит, – познать технику каждого художника. Я всегда радуюсь, когда кто-то может написать лучше меня. У меня совершенно отсутствует чувство зависти.

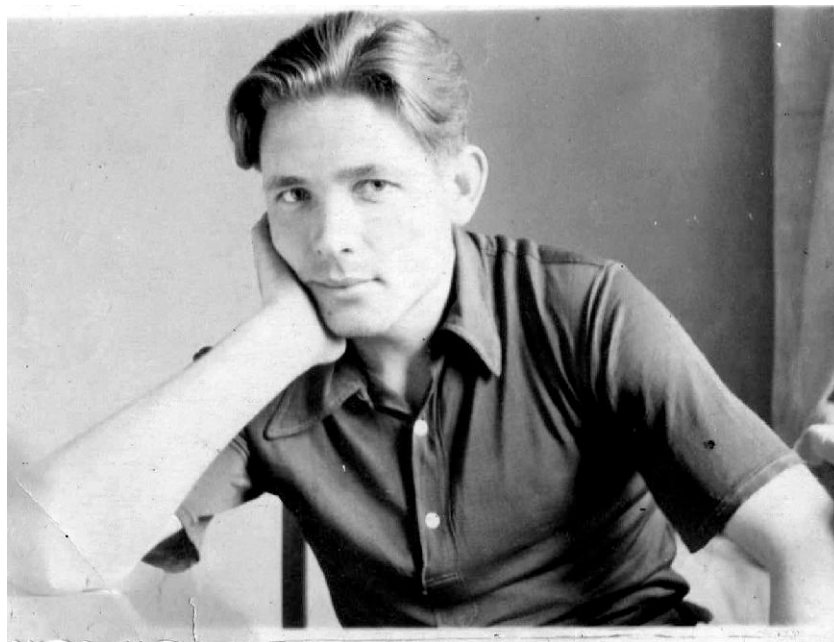
Проговорили мы с ним более четырех часов на самые разные темы. Меня удивило, как художник без усталости декламировал стихи своих любимых поэтов – Пушкина, Блока, Есенина. Вспоминал свою жизнь, сколько ему пришлось пережить в детстве и юношестве. На судьбу не жаловался, а наоборот – считал себя самым счастливым человеком на земле. По этим воспоминаниям я попытался набросать его биографию, и вот что из этого получилось.

Стирн Альберт Васильевич родился 21 мая 1928 года в небольшом городке Спас-Деменске под Козельском в Калужской области. В раннем детстве семья переехала в

Козельск, где и прошли детские и юношеские годы будущего художника. Род Стирна происходил из прибалтийских латышей, однако отец его уже родился в России. Слово «стирна» с латышского языка переводится как лань, серна. А когда отец получал паспорт, то она трансформировалась в русифицированную – Стирн. Отец работал инженером-геодезистом, был великолепным математиком и своего первенца назвал в честь Альберта Эйнштейна. Он мечтал, что сын пойдет по его стопам, но у Альберта не было склонностей к точным наукам – ему нравилось рисовать.

В 1937 году его отца репрессировали. Через год он освободился, однако вторая волна репрессий отправила его в лагерь Соликамска, а затем Казахстана на 10 лет. На свободу он вышел в 1948 году, прожил долгую жизнь и умер в 94 года. Мать Альберта также подверглась репрессиям и в военное время отсидела два года. Будущего художника все это время воспитывала тетка. В 1943 году 15-летнего Альберта отдали в интернат, где находились несовершеннолетние уголовники и дети так называемых врагов народа. Там ему пришлось испытать настоящий ад. Работали в лесу на лесозаготовках при 40-градусном морозе. В бараках температура зимой опускалась до минус 15. Грелись тем, что разогревали кирпичи на костре и клали их под матрацы, так как заснуть при таком холоде было невозможно. Жили впроголодь. Несколько раз он переболел малярией. Чудом выжил.

После войны Альберт Стирн устроился рабочим на буровые установки в городе Козельске. Примечательно, что мастерские по ремонту бурильного оборудования находились прямо в Оптиной Пустыни. Художник считает, что эти святые места оказали на него самое благотворное влияние.

А. Стирн во время учебы. Москва. 50-е гг. XX в.

В 1948 году он успешно сдал экзамены в Московское художественно-промышленное училище им. Калинина на живописное отделение. Помогла ему в этом искусствовед Лидия Алексеевна Беспалова. Ее отец сидел в одном лагере с отцом Стирна и был с ним очень дружен. Он в своих письмах просил дочь оказать посильную помощь сыну друга.

Крайняя нужда заставила будущего художника совмещать учебу с работой. В училище на талантливого студента обратили внимание и называли его не иначе, как «наш Левитан». В те годы в училище работал консультантом известный живописец Василий

Николаевич Бакшеев. Он относился к той славной плеяде русских художников, которая украшена именами Поленова, Левитана, Нестерова. Это был художник, до тонкостей изучивший жизнь природы, знающий множество ее секретов и тайн. Эти тайны он постигал в постоянном общении с природой и учил этому своих учеников, несмотря на свой преклонный возраст. Было ему в то время далеко за восемьдесят. Если посмотреть на ранние этюды Стирна, то мы увидим несомненное влияние Бакшеева. Не скрывает этого и сам художник. Главное, чему учил их учитель, – умению восторгаться красотами природы. Наставления мастера Альберт с успехом воплощал в своих работах. Также среди учителей запомнился Стирну Николай Присекин, признанный баталист-грековец.

Последние два курса студент Стирн жил в общежитии училища, которое располагалось на Красной Пресне. Вокруг возводились высотные новостройки, которые соседствовали с одно- и двухэтажными строениями старой Москвы. Альберт любил эти уголки старого города. А ещё ему нравилось одно и то же место писать в разные времена года. Постепенно из этих этюдов сложилась целая сюита – «Москва уходящая», так можно назвать эти небольшие картонки. На них рукой начинающего мастера запечатлены старые московские дворики с развешенным на веревке бельем, спешащие куда-то в ненастную погоду москвичи, грузовик с нехитрым скарбом новоселов и где-то вдали – строящиеся высотки. Уже в этих ранних работах Стирн заявил о себе как художник, тонко чувствующий настроение природы, её переменчивый нрав. А его этюд «Светает в московском парке» (1954 год) можно поставить в один ряд с этюдами самого Левитана.

В училище Альберт познакомился с младшей сестрой искусствоведа Лидии Беспаловой, был близок к их семье. Лидия Алексеевна в то время работала над монографией об Апполинарии Васнецове [1] и была вхожа в мастерскую самого Константина Юона. Она познакомила Стирна с известным живописцем и педагогом. Живопись молодого художника понравилась Юону, и он предложил ему поработать в его мастерской, благо тот только что защитил дипломную работу. Было это в 1956 году.

Выпускник художественного училища отказался от заманчивого предложения мэтра, его больше прельщала романтика. В этой ситуации, как нельзя лучше, проявился характер Стирна, который во многом определил его дальнейшую судьбу. У него совершенно отсутствовало тщеславие, амбиции и зависть. Ему была присуща заниженная самооценка, к своему творчеству он относился крайне небрежно и самокритично. Альберта не прельстила карьера столичного живописца под покровительством советского живописца-классика и открывающиеся при этом возможности. Он предпочел романтику и выбрал Владивосток, куда уехал вместе со своей женой Надеждой – тоже выпускницей этого училища. Там они работали два года на фабрике игрушек, пока не случился пожар в их квартире, во время которого сгорели почти все работы молодого художника. Под

А. Стирн — участник художественной самодеятельности. 50-е гг. XX в.

воздействием таких обстоятельств Альберт почувствовал себя одиноким и чужим в далеком городе.

В это время старший брат художника зовет его к себе на Азовское море, в город Жданов (Мариуполь), где он работал инженером на заводе металлоконструкций. Альберт принимает приглашение, и в 1958 году супруги переезжают в Мариуполь. Он устраивается рабочим в трест «Металлургмонтаж», где проработал последующие три года.

В Мариуполе в эти годы сложился интересный коллектив художников, устраивались ежегодные городские

выставки. Стирн сразу «вписался» в среду местных мастеров, приобщился к выставочной деятельности. Но нельзя сказать, что она была очень плодотворной. Так, в каталоге городской выставки за 1960 год можно найти его единственную картину «Ради мира и дружбы». Впечатляют размеры полотна: 150x200 см. Эту картину хорошо помнит Лель Николаевич Кузьминков, который был участником всех тех выставок.

- Это была эпоха Хрущева и тема, связанная с генсеком, была в фаворе. Вот Стирн и решил замахнуться на злободневную тему, но работа у него вышла вялой и неинтересной, – вспоминал Лель Николаевич.

Возможно, такая неудача повлияла на дальнейшую выставочную деятельность художника – в 1962 году он представил единственный пейзаж «Над речкой». В дальнейшем Альберт Стирн все реже и реже выставлялся, пока окончательно не замкнулся и стал писать в «чемодан», или, как говорят художники, «для души». Почему в «чемодан»? Да потому что, когда мы с ним познакомились, у него было несколько полных чемоданов этюдов, которые он никому никогда не показывал, так как считал все это мусором. Вот так художник относился к своему творчеству. Но вернемся к его биографии.

В Мариуполе у супругов родился сын Владимир. Семья получила 3-х комнатную квартиру на левобережье, недалеко от моря. Но совместная жизнь не заладилась. А. Стирн оставил квартиру жене и сыну и ушел к другой женщине.

Это была Инна Толкачева – художник-прикладник, выпускница Ростовского-на-Дону художественного училища. В Мариуполе она, можно сказать, увековечила свое имя как автор и исполнитель знаков, венчающих знаменитые мариупольские высотки, – дома со шпилями. Жили они в гражданском браке в старом районе Мариуполя на улице Фонтанной. Там у них родился сын Александр. Альберт поменял работу: простым рабочим ушел в горячий цех завода «Азовсталь». Но семейная жизнь вновь дала трещину. А. Стирн и И. Толкачева вскоре расстались. Тут нужно отметить, что личная жизнь художника заслуживает отдельного романа.

Во время работы на заводе Альберт посвящал досуг любимой живописи: писал уголки старого Мариуполя, речку Кальмиус, море на рассвете или закате. Ежегодный отпуск проводил с маленьким этюдником в руках на Кавказе или в Карпатах. Любил писать этюды в Святогорье. Часто туда ездил, благо это было не так далеко от дома. Творил для собственного удовольствия, совершенствуя и оттачивая технику.

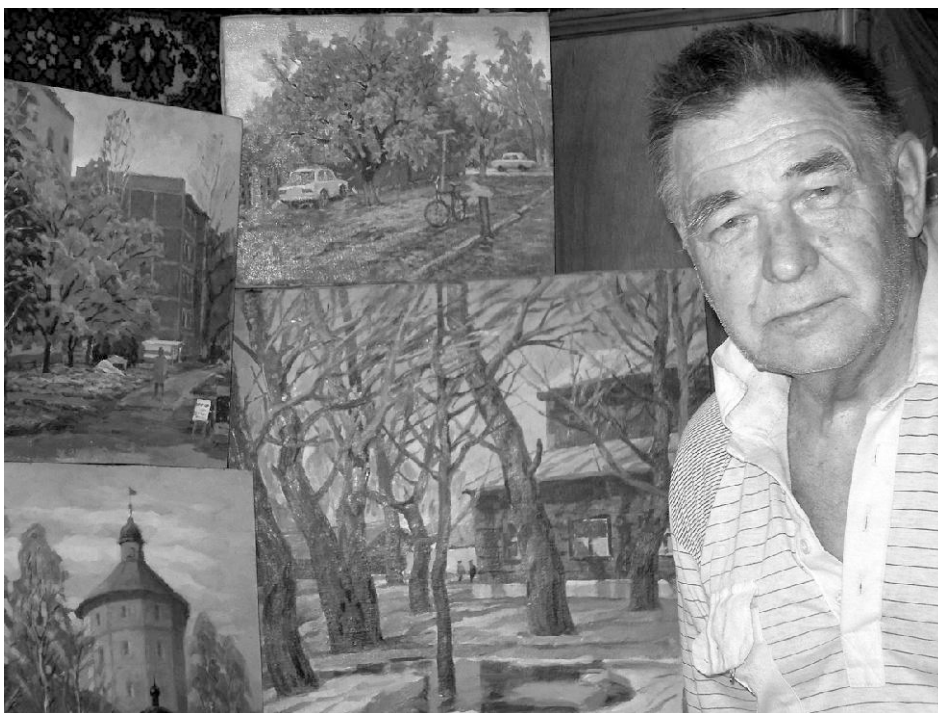
Примечательный случай произошел в 1973 году. По инициативе местных художников в Мариуполе была организована первая республиканская выставка пейзажа, так называемый «Мемориал А. И. Куинджи». Приехали известные живописцы: Татьяна Яблонская, Сергей Шишко, Николай Глущенко и другие. В тот памятный день в новом выставочном зале шло обсуждение работ, представленных на выставку. Туда зашел Стирн со своими этюдами. Он только что прибыл из очередной творческой поездки по старым русским городам, так называемому Золотому кольцу. Альберт выложил перед высоким жюри свои этюды. Слова, которые он услышал из уст Татьяны Яблонской, он запомнил на всю жизнь: *"Здорово и как убедительно! У меня такое впечатление, как будто я сама побывала в каждом из этих уголков"*.

В 1983 году Стирн выходит на пенсию и уезжает в небольшой городок под Донецком – Красногоровку. Там у него появилась новая семья. Однако благополучия и достатка он так и не приобрел, живя в небольшой квартирке на верхнем этаже пятиэтажной «хрущевки». Все свое счастье он находит в живописи, поэзии и музыке. Он пишет стихи, а когда становится совсем невмоготу – берет в руки гармошку и «уходит» таким образом от серой действительности. Еще в молодости он самостоятельно научился играть на фортепиано, разучил почти все произведения Баха, участвовал в художественной самодеятельности.

Для Альберта Васильевича не существовало жизненных невзгод, бытовых проблем и, по большому счету, семейных обязательств. Он жил и дышал искусством.

Пройдя через большие лишения в детстве и юности, он обрел ту степень духовной свободы, которая доступна далеко не каждому. Себя считает самым счастливым человеком.

Конец 1980-х – начало 1990-х годов были в творчестве Стирна очень плодотворными: художник почти каждый год выезжал в «творческие командировки». За это время он побывал в Прибалтике, Новгороде (1988 год), в Крыму, Пскове (1989 год), путешествовал по Золотому кольцу России (1990 год). В 1991 году посетил старинные города России: Ферапонтово, Кириллов, Великий Устюг. И отовсюду привозил массу великолепных этюдов.

А. Стирн в своей мастерской. Красногоровка. 2006 г.

Художник достигает пика в своем творчестве, этюды пишутся легко, раскованно, на одном дыхании. Живописец восторгается красотами старинных русских городов, ему с легкостью удается передать изменчивое состояние природы: туманное утро и тихий вечер, розовый снег на закате и ненастье где-нибудь в российской глубинке. Его этюды дышат восторгом перед природой, её собственной жизнью. Художнику нравится изображать смену времен года, находя в каждом ее состоянии особую красоту, особое звучание красок. Некоторые этюды настолько удачны, что так и хочется поставить их в один ряд с бессмертными творениями Левитана, Поленова, Бакшеева и других классиков русской живописи.

Как говорит сам художник: *"Мои этюды написаны ветрами, зорями и бурями. Я получил самую высокую награду в этом мире – бесконечную любовь к жизни и умение дорожить каждым её мгновением. Эта награда – за все то, что мне пришлось пережить в детстве и юности"*. На прощание старый художник мне сказал: *"Что видим мы – видимость одна. Ибо суть того, что видим – не видна"*.

- Чьи это слова? – спросил я.

- Возможно мои. А может быть, их кто-то сказал и до меня.

Использованные источники

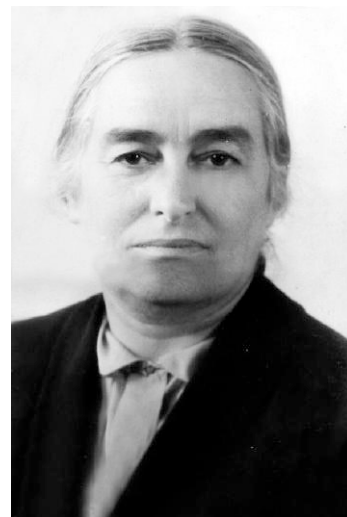
1. Беспалова Л. А. М. Васнецов. 1856–1933. – М., 1956.

2. Чернов А. Незаслуженно забытый мастер // Приазовский рабочий. – 2004. – 4 июня. – С. 16.

Мария Тищенко

НАША ЛЕТОПИСЬ
История семьи Тищенко¹

Мария Афанасьевна Тищенко (1904–2003) – замечательный ученый, педагог и организатор медицинской науки в Украине, доктор медицинских наук, профессор, одна из руководителей Украинского института усовершенствования врачей.

М. А. Тищенко

Родилась 13 апреля 1904 года в городе Мариуполе Екатеринославской губернии в греческой семье. Окончила Харьковский медицинский институт в 1929 году, была оставлена в аспирантуре на кафедре нормальной анатомии, возглавляемой академиком В. П. Воробьевым, известным широким кругам бальзамированием тел Ленина и Котовского. В 1935 году была назначена ассистентом кафедры патологической анатомии, где работала под руководством выдающихся профессоров Г. Е. Земана и А. И. Струве. В 1940 году защитила кандидатскую диссертацию. Во время Великой Отечественной войны

вместе с институтом находилась в эвакуации в Оренбурге. Вернувшись в Харьков, в 1945 году стала доцентом кафедры патологической анатомии медицинского института, а в 1951 году была приглашена заведовать кафедрой патологической анатомии Украинского института усовершенствования врачей и прозектурой Центральной городской клинической больницы. В 1959 году защитила докторскую диссертацию.

Перу М. А. Тищенко принадлежат более 50 научных работ, касающихся проблем туберкулеза, онкологии, инфекционных болезней, гастроэнтерологии. Под ее руководством защищены 4 докторские и 14 кандидатских диссертаций. Работая в Украинском институте усовершенствования врачей, она воспитала целую плеяду специалистов, работавших патологоанатомами во многих регионах СССР.

Являлась членом правления Украинского и Всесоюзного общества патологоанатомов. За безупречную научно-педагогическую и общественную деятельность была награждена орденом Трудового Красного Знамени и многочисленными медалями.

Мария Афанасьевна Тищенко прожила непростую и достойную жизнь. Она была человеком высокой духовности, широчайшей эрудиции, признанного профессионализма. До последних дней профессор Тищенко была трогательно внимательная к людям, бесконечно любила свою семью, многочисленных учеников и родной Мариуполь – город ее счастливого детства и тревожной юности. Она свято берегла семейные традиции и реликвии, сохранившиеся со времен крымского пребывания мариупольских греков. Воспоминания М. А. Тищенко, написанные для детей и племянников, – яркое подтверждение неиссякаемости ее любви к родине и людям давно отшумевшего Мариуполя...

*Елена Узбек,
Харьковский государственный университет им. Каразина*

1. Отрывок из воспоминаний: Тищенко М. А. Наша летопись. История семьи Тищенко. – Харьков, 1998.

Глава 4 Детство

Помню себя я очень рано: было мне около трех лет. Помню, гуляла в серой шубке во дворе дома по Мариинской² улице. Коля был еще очень маленький, Женя только родился. Помню нашу корову светло-песочной масти, с одним рогом, весьма агрессивную. Все ее боялись, и, когда она отрывалась от привязи и появлялась во дворе, была паника.

Помню наших дворовых собачек, небольших дворняжек: рыжевато-голубого Мальчика – очень активного сторожа, никого постороннего не пропускавшего, довольно злого, и сероватого, как бы с сединой, Бутика – добродушного, ласкового пса, беспрекословно подчинявшегося Мальчику.

Смутно помню дядю Васю (папиного брата), жившего тогда у нас. Помню, как однажды упала я в помойную яму, как меня оттуда извлекали, какой был переполох.

У меня в столовой, в углу (под иконой) была «квартира», в которой размещались мои игрушки. Там был гардероб, кровать с постелью, кукла и пр. Бабушка пошила кукле из светло-сиреневого шелка платье, сделала одеяло, подушки, постельное белье. Когда Коля стал ползать, он как-то залез в мой угол, перевернул все мои игрушки, и горю моему не было конца. Второй раз меня постигла беда, когда кто-то однажды зажег вечером лампадку и опрокинул из нее лампадное масло на мои игрушки.

Тищенко Афанасий Иванович - выпускник Феодосийского учительского института, преподаватель Мариупольского высшего начального училища, инспектор высшего начального училища при заводе «Никополь», отец М. А. Тищенко

Я очень боялась одного из друзей мамы и папы – священника: когда он приходил к нам в своей рясе, с огромной курчавой русой шевелюрой, я забиралась глубоко под кровать.

Дедушка и бабушка курили; дедушка покупал табак «Месаксуди», сам набивал гильзы. Гильзы продавались в изящных ящичках по 100 штук. За гильзами дедушка посылал в лавку меня с Колей, и мы гордо исполняли это поручение. В благодарность получали подарочек – небольшой сувенир: открытку, картинку или еще что-нибудь, обнаруженное в коробке, которую дедушка распечатывал при нас...

Ранней весной дедушка и бабушка переезжали в сад³, мы все позже, когда начинались каникулы у папы. В саду было привольно. Папа прикупил к саду часть склона «горы», сделал террасы и засадил их абрикосами. Он очень любил абрикосы. На одном участке этого склона сделали площадку и построили кирпичный дом из 4 комнат, в котором жили папа, мама и мы, дети. Вблизи дома, в подножье горы, выстроили погреб, и немного дальше – большой каменный сарай, где было отведено место для коровы, а когда бывала лошадь, то и для нее. К этому помещению была

пристроена маленькая квартирka из комнаты и кухни, в которой круглый год жил сторож. С 1914 года ее занимал турок Омар, из пленных.

Папа не был, подобно другим садоводам, промышленником, он был любителем-садоводом, занимался и очень увлекался посадкой новых, еще неизвестных ему плодовых деревьев. Это не позволяло иметь всегда гарантированный урожай, и доходы с сада были

2. Точнее «Марьинская», ныне ул. Кирова.

3. Сад располагался на правом берегу реки Кальчик, в районе так называемых Садков-1 (прим. ред.).

значительно меньше возможных.

Все мы, члены семьи, включая и нас, детей, очень много работали в саду. Весной вскапывали, сажали огород, обрызгивали деревья. Летом много времени забирала прополка сада и сбор фруктов...

Собранный урожай перебирался и складывался в плетенные из лозы корзины. Это делали бабушка и мама, никому не доверяя, чтобы отбор был тщательно проведен. Корзины взвешивались, отбрасывался вес тары, и на деревянных бирках, привязанных к ручкам, записывался чистый вес, после того как кусочком стекла была счищена предыдущая запись. Корзины ставились на дроги с рессорами, со специальной платформой, покрывались брезентом (почему-то называемым у нас парусом), а на рассвете впрягалась лошадь, и дедушка (а после его смерти – папа) возил это на рынок, где все оптом продавалось в магазин либо скупщикам (часто для отправки в другие города)...

Порченные фрукты утром следующего дня бабушка и мама разделявали: часть шла на сушку, а из части варили повидло. Для сушки папа купил специальный шкаф с двумя наклонными полками, застекленный спереди и сверху. Этот шкафчик внизу был снабжен приспособлением, дающим возможность его поворачивать. Среди дня нас – детей – посылали поворачивать сушилку к солнцу. За лето насушивали много яблок, вишен, слив, груш, абрикос, райских яблочек. Вся сушка сохранялась в холщовых мешках в кладовке, и ее хватало до следующего лета. Из сухофруктов варили компот (узвар), и все мы ежедневно по вечерам ели его. Я помню, как вечером, перед сном я ем ложкой из тарелки узвар, сидя у дедушки на коленях, а он показывает мне картинки из журнала «Нива».

Из части фруктов варили повидло. Маме и бабушке не хватало на это времени, и выручала одна соседка, пожилая вдова. Летом она ходила к знакомым, варила повидло, за что ее кормили и снабжали частью сваренного повидла. В остальное время года она обшивала всех – и старых, и детей – часто переделывала и ремонтировала одежду. Звали ее Натальей Егоровной. Много лет спустя, когда у нас уже не было сада, и мы жили на заводе, она приезжала к нам на несколько дней и обшивала всех. Повидло хранилось в больших черепянных макотрах в кладовой и, как правило, к следующему лету поедалось...

В большом доме⁴ у нас было шесть комнат. Парадный вход с улицы вел в очень маленький тамбур, из которого 3 ступеньки вверх – и вторая дверь вела в небольшую прихожую. Из нее налево вела дверь в большую комнату – гостиную, направо – в папин кабинет, а затем – небольшой коридорчик вправо вел в столовую. Здесь же, в прихожей, на стене на очень крепких крючьях висела сложенная лестница, выпрямив которую, можно было попасть на чердак. Рядом с кабинетом располагалась комната дедушки и бабушки, сообщавшаяся со столовой. Из столовой влево попадали в большую комнату – детскую, а за ней – в папину и мамину спальню.

Обстановка в доме была весьма скромная, перевезенная из старого дома, только самое необходимое. Отопление было печное, печи – с кафельными «зеркалами», освещение электрическое.

Из столовой дверь вела в узкий коридорчик, в который открывались двери из кладовой, туалета и ванной комнаты. Заканчивался коридорчик дверью в кухню, в которую вели 3 ступеньки вниз.

Кухня была очень большая. Слева от входа было большое широкое окно, под ним стояла длинная лавка. Прямо против двери была устроена большая русская печь, а слева от нее – большая плита. Справа от печи дверь вела в маленькую комнату для домработницы. Под кухней был погреб, вход в который был со двора. В коридорчике, слева от входа в кухню был выход в тамбур, а из него – на террасу, с которой спускались по 4-5 ступенькам во двор

---

4. Дом находился на улице Таганрогской, ныне Артема (прим. ред.).

Во дворе продолжением дома была длинная каменная пристройка, в ней – сарай (каретник), и из него по ступенькам вверх – вход в комнату кучера-дворника. Далее, рядом с сараем располагались конюшня и коровник, и еще дальше – птичник.

В глубине двора располагался сад. В нем папа посадил абрикосы, дававшие крупные прекрасные плоды. Были в саду яблони, вишни, груши, сливы; у забора росли кусты черной смородины, любимой мамой, и крыжовника, который очень любил папа. От двора сад отделял низкий забор из штакетника; двор почти весь был вымощен камнем, в глубине его был установлен большой столб с четырьмя петлями – «гигантские шаги» – игра для нас.

Осенью дедушка привозил с рынка целый воз живой птицы: по 10–15 штук индюшек, гусей, уток, которых к весне съедали. Кур не покупали. Ежегодно бабушка подсыпала яйца под квочек, и к зиме всегда бывало 3–4 десятка кур. Таким образом, и яйца были свои.

Жили скромно: нам, детям, редко покупали новое, обычно перешивалась одежда старших младшим. Но, по традиции, праздники всегда отмечались. За несколько дней до праздника папа привозил цветы (гиацинты), которые до времени держались в парадном тамбуре на лестнице. К Пасхе пеклись псатыри – нечто вроде кренделей. Испеченные, они нанизывались по 50–70 штук в связке и вывешивались на чердаке. Их употребляли с чаем или кофе, и хватало их на 1,5–2 месяца.

Пеклись «пасхи» (так назывались куличи). При этом пеклось их несколько десятков, разных размеров, из очень сдобного теста. Когда они остывали, их помещали в те же формы, в каких они пеклись, где они сохранялись, не черствея, около месяца. Красилось около 100 яиц, зажаривался в ржаном тесте окорок. Делалась сырная пасха, много различных закусок. Псатыри и пасхи пеклись в русской печи, в ней же зажаривался окорок.

С вечера под пасху в гостиной у стены устанавливался большой столовый стол. На нем ставились цветы, большая и пара маленьких пасх, в вазах помещались псатыри, различные печенья, мазуреки, торты. Ставился окорок на блюде, ручка его была украшена цветной жатой бумагой.

Для украшения пасхального стола мама и бабушка готовили зеленые пирамидки. Для этого бралась пара крупных бутылок, обмазывалась грязью (обычной размоченной землей), в которую вдавливались семена пшеницы или овса. Когда зерна прорастали, их стебельки росли вверх, параллельно бутылке, густо ее покрывая и образуя своеобразную пирамидку. Кроме того, в глубокую тарелку высыпался слой чечевицы и ежедневно поливался. После прорастания чечевицы образовывался очень симпатичный зеленый сосуд, в который кучкой укладывались крашеные яйца.

Обычно утром папа парадно одевался и отправлялся делать поздравительные визиты, а мама принимала визитеров. Визит продолжался от нескольких минут до получаса. Обязательно подавались кофе и сливки. Перед пасхой постились все, кроме нас, детей; на страстной неделе постились все и говели. В пасхальную ночь ездили к всенощной; утром все разговлялись.

Хорошо и весело отмечались и рождественские праздники, и Крещение. На Крещение ездили на берег реки, где священник святил воду. Там любители мастерили из льда небольшой алтарь, иногда просто художественно выполненный. Отмечалась и масленица. Ходили в гости, принимали у себя гостей.

В Мариуполе в то время, несмотря на то, что это был уездный город, все можно было купить. Центральной была очень широкая Екатеринославская⁵ улица, позже – Советская⁶. Она вела от собора⁷ вверх к часовне и продолжалась далее вверх – до сквера с

---

5. Екатерининская (прим. ред.).

6. Пр. Республики, пр. Ленина (прим ред.).

7. Харлампиевский собор располагался в начале ул. Екатерининской, ныне пр. Ленина (прим. ред.).

расположенной в нем Мироносицкой⁸ церковью. На этой улице проводились различные парады и торжества.

На этой же улице помещались и некоторые крупные магазины. Я очень хорошо помню большой книжный и писчебумажный магазин Палкина⁹. Чего там только не было! Когда мы учились, папа весной или летом ходил в этот магазин вместе с нами, учениками, и закупал все необходимое к новому учебному году, включая ранец, учебники, тетради, ручки, карандаши, перья и пр. Потом, дома все с захватывающим интересом изучалось.

За углом располагался крупный магазин Адабашева. На первом [этаже] продавались ткани. При этом покупателя приглашали сесть перед прилавком, на который выкладывались разнообразные образцы желаемых тканей. На втором этаже продавалось верхнее платье. Здесь же принимались заказы на пошив верхнего платья; при этом по желанию заказчика портной приезжал к нему домой для снятия мерок, примерок и доставки готового изделия. Был крупный посудный магазин Пиличева, гастрономические магазины и многие другие.

В 1913 году меня определили в 1-ый класс женской городской гимназии, Мариинской – по имени императрицы Марии Федоровны; это была та гимназия, которую окончила мама. Учение в гимназии было платным, но мы, как дети учителя, были освобождены от платы... В первый день утром папа повел меня на занятия, подвел к зданию, сказал: «Перейдешь улицу – это и есть твоя гимназия», – и ушел, предоставив мне действовать самостоятельно. Я сначала попала не в тот подъезд, но, будучи бойкой девочкой, дорогу куда нужно нашла.

Поступила я в первый класс, минуя младший и старший приготовительный, так как умела читать и считать. В гимназии был 10-летний курс обучения – от младшего приготовительного до восьмого. В нашей гимназии была зеленая форма. При этом мама должна была заранее прийти в канцелярию и познакомиться с образцом формы на манекене. Материал на форме – шерсть темно-зеленого цвета – у всех должен был быть одинаковым и продавался он у Адабашева. Передник для каждого дня черный кашемировый, праздничный – белый с пелеринкой. И форма, и передники должны были быть пошиты у всех одинакового фасона, согласно образцам, без каких-либо излишеств и украшений. Кроме того, полагалась и летняя форма из светлой парусинки такого же фасона с теми же передниками.

В Мариуполе было еще две частных женских гимназии: одна – «Остославская»¹⁰, другая – «Дарий»¹¹, по фамилии их директрис. «Остославки» имели зеленую форму, а «Дарьялки» – синюю. В этих гимназиях не соблюдались строгие правила фасонов одежды, да и поведения тоже. Было еще женское профессиональное училище с коричневой формой и женское епархиальное училище (закрытое, для дочерей священнослужителей) с темно-красной формой.

Была одна мужская Александровская гимназия (имени императора Александра III). В ней тоже было все очень строго. Форма – светло-серая с «серебряными» пуговицами и голубым кантом на фуражках. Было еще мужское реальное училище. Реалисты носили черную форму с «золотыми» пуговицами и желтым кантом на фуражках. У них все было значительно свободнее и проще, чем в гимназии. Начальница нашей гимназии, немка Александра Александровна Генглез – высокая худощавая женщина, всегда в строгом синем платье, наводила на всех страх. Встречая ее в коридоре, нужно было отойти в сторонку, остановиться и сделать реверанс. Она была начальницей и в то время, когда в гимназии училась мама. Ни в коем случае нельзя было бегать по коридору – нужно было степенно ходить; если кого-нибудь начальница ловила бегущей,

---

8. Марии-Магдалининская церковь (прим ред.).

9. Возможно, магазин братьев Гольдриных или Приходько-Пыхненко (прим. ред.).

10. Женская гимназия, учрежденная В. Е. Остославской (прим ред.).

11. Женская гимназия, учрежденная Н. С. Дарий (прим. ред.).

сейчас же наказывала, поставив у окна.

Гимназия занимала целый небольшой квартал и представляла собой трехэтажное здание в виде буквы «П». На третьем этаже был огромный зал с иконостасом, это заменяло церковь. В субботу служилась вечерня; нужно было являться в форме с черным передником. В воскресенье утром была утренняя; на ней все были в белых передниках. К вечерне я никогда не ходила, а к утрине обязательно. Нас выстраивали по классам напротив иконостаса. Слева от нас, через проход располагались тоже по классам реалисты – у них не было своей церкви.

**Ученица Мариупольской
Мариинской гимназии
Мария Тищенко**

В остальное время иконостас закрывался парусиновой шторой и зал превращался в учебное помещение, где проводились занятия по гимнастике и танцам. Для гимнастики мы переодевались в особую форму из светло-серого кашемира, тоже у всех одинаковую. Форма состояла из ровного платья с поясом и коротеньких, до колен, штанишек, внизу на резинке. На ноги надевались черные кожаные туфельки без каблуков. Занятия по гимнастике были два раза в неделю.

Для уроков танцев (один раз в неделю) оставались в форме, надевали только туфельки. Проводились занятия под музыку, у рояля долгие годы была одна и та же пожилая женщина.

В каждом классе был небольшой шкафчик, куда складывались мешочки с вышитой на них фамилией ученицы и формой для гимнастики. Дежурная перед уроком раздавала всем эти мешочки. За перемену все переодевались, выстраивались перед классом, и со звонком классная наставница вела всех наверх в зал. По окончании урока также парами уходили в класс.

Были еще уроки рукоделия. Для их проведения из такого же, как и для костюма для

гимнастики, второго мешочка доставалась белая простынка, и ею накрывалась парта. Извлекались иголки, нитки, наперсток и материал для занятий. Учили нас штопать, накладывать латки, делать различные швы, метать петли. Эти мешочки хранились во втором шкафчике, и перед уроком дежурная также раздавала их ученицам.

Основными предметами были: русский язык, арифметика, Закон Божий (преподавал

священник), французский язык; со второго класса – география и история. В старших классах преподавалась алгебра и геометрия и во все годы, с первого класса – пение.

В гимназии был штат классных наставниц, которые вели свои классы от приготовительного до восьмого включительно. У нас наставницей была Антонина Михайловна Бахчиванджи. После перемен она следила, чтобы мы все усаживались за парты и, стоя у дверей, ждала очередного преподавателя, как бы сдавая ему класс. Нередко она присутствовала на занятиях, сидела на задней парте и, таким образом, была в курсе успехов подопечных ей учениц.

Изредка она посещала учениц дома, знакомясь с условиями их жизни. У нас она бывала очень редко, во-первых, потому что папа был учителем, а во-вторых, мои успехи не внушали опасений. Мне она говорила: «Твоя мама окончила гимназию с золотой медалью, ты должна окончить с бриллиантовой».

В 1913 году отмечалось 300-летие дома Романовых. Организовывались

ученические гимнастические упражнения (выступления), для чего отбирались лучшие гимнастки. Я попала в их число. Шилась специальная для этого случая форма, для которой покупалось у Адабашева уже заранее отобранное количество определенного материала. Форма делалась из синего сатина. Платье с юбочкой в складку, с большим матросским воротником – белым с красной каймой, с красно-белым поясом и штанишками до колён. Это соответствовало русскому флагу.

**Ученицы Мариупольской
Мариинской женской гимназии во
время празднования 300-летия
дома Романовых. 1913 г.**

**Фото из фондов
Мариупольского
краеведческого музея**

Я участвовала в упражнениях с кольцами. Делались такие кольца из дерева специальным мастером, который приходил в гимназию и снимал размеры для каждой гимнастки. Кольца обвязывались полосами синего, красного и белого сатина. В день праздника нас построили перед гимназией и под марш духового оркестра отвели за город на ипподром, где проводилось празднование. Было очень жарко, и нас угощали водой, апельсинами, печеньем, конфетами. Наши родители были там зрителями.

Сначала я не представляла себе, как нужно учиться. Дома меня не наставляли, уроков я не готовила и как-то в один из дней получила две двойки: по русскому языку и по арифметике. Я была счастлива, что у меня есть отметки и, придя домой, с гордостью сообщила об этом маме. Так как я пришла не одна, а с девочкой-соученицей (что бывало очень часто), мама мне ничего не сказала. Когда девочка ушла, мама мне всё объяснила и с этих пор стала следить за моими занятиями. Училась я хорошо, и во второй класс перешла с наградой 1-й степени.

Нас все время убеждали, что в гимназиях учились «не наши дети». Мне это не понятно. В нашем классе были дети учителей, служащих, рабочих и пр. Примеры: Лиза Були – гречанка из поселка Старый Крым, дочь мелкого торговца; Зоя Голушкова – русская, сирота, дочь рабочего и портнихи из завода Никополь; Изабелла Беньковская – полька, дочь мастера завода Никополь. Таких примеров можно привести много. Обучались дети разных национальностей (русские, поляки, евреи, греки), разных вероисповеданий. Неправославные освобождались от уроков по Закону Божию, уходя на это время из класса. Конечно, были и такие, как Ира Балабина, дочь видного мариупольского юриста, жившего в большом доме напротив гимназии, имевшего свой выезд, лошадей и пр.

Глава 5 Завод Отрочество

В 10–12 километрах от Мариуполя располагались заводы Никополь¹² и Провиданс¹³. Никополь был в ведении поляков, а Провиданс – у бельгийцев. Ближе к Мариуполю был Провиданс. Между двумя заводами было широкое пространство, на котором помещался общий для обоих заводов рынок, окаймленный с двух сторон небольшими кирпичными магазинами, ближе к середине от них были устроены деревянные лавочки и столы с навесами.

С одного края рынка располагалась церковь из красного кирпича [Николаевская – прим. ред.], за которой устраивался привоз, куда из соседних сел привозились для продажи сельскохозяйственные продукты. Церковь эта относилась к заводу Провиданс. В поселке завода Никополь имелась своя церковь из белого кирпича [Петро-Павловская – прим. ред.], построенная на площади вблизи школы.

Пространство рынка было замощено булыжником. С рынка начиналась дорога в Мариуполь, по которой ходили принадлежащие частным предпринимателям дилижансы, экипажи, подводы, а зимой – сани. Дорога шла сначала между заводами, потом сворачивала под прямым углом налево и мимо завода Провиданс и его шлаковой горы устремлялась вниз, проходила по долине между садами к речке, затем по мосту через нее поднималась вверх и входила в Мариуполь.

Помимо шоссейной дороги между заводами и Мариуполем было железнодорожное сообщение. На магистрали, ведущей в Мариуполь, возле домика путевого обходчика была устроена т.н. площадка, на которой останавливались идущие с последней перед Мариуполем станции Сартана местные поезда – рабочий и ученический. Этими поездами пользовались жители поселков обоих заводов, близлежащих сел и поселков, приобретая в имевшемся на площадке киоске проездные билеты.

По пути в Мариуполь была и еще одна остановка поезда – Жабовка, на которой выходили учащиеся ближе к ней расположенных учебных заведений и жители близлежащих районов, кому нужно было на рынок. Конечная остановка – Мариупольский вокзал – располагалась на берегу Азовского моря, и поезд некоторое время следовал по берегу, огибая город.

Оба завода были металлургическими с несколькими цехами, из которых я запомнила доменный, листопрокатный и трубопрокатный. Каждый завод имел свою железнодорожную колею. Завод Никополь соединялся с основным железнодорожным путем Сартана – Мариуполь непосредственно на станции Сартана, а завод Провиданс – через станцию Жабовка. Это были только служебные пути, по которым перевозили на заводы сырье, а с заводов готовую продукцию. Почта для жителей заводских поселков поступала через ближе к ним расположенную станцию Сартана, на ней же сходили с поезда и прибывающие на заводы пассажиры, добравшиеся к месту пешком либо на конном транспорте, используя подъезжавших к приходу поезда извозчиков.

Вся жизнь на заводах протекала по заводским гудкам, почему-то упраздненным после национализации заводов. С этого времени оба завода слились в один, получивший название «Имени Ильича»...

Мы переехали на завод Никополь 4 (17) декабря 1914 года. Это был Варварин день, мама вечером была на именинах у своей тети (жены дяди Константина), и вместе со всеми вещами на завод переехал только папа, а мы все на следующий день.

---

12. Завод Никополь-Мариупольского горного и металлургического общества (прим. ред.).

13. Завод «Русский Провиданс» (прим. ред.).

Училище, в которое папа был назначен заведующим (тогда это звучало – инспектором) только организовывалось, и папе надлежало провести эту организацию. Это было 4-х классное высшее начальное училище, такое же, как и то, в котором папа работал в Мариуполе. Организовывалось оно на заводе Никополь. Сначала там были открыты только два класса: первый и второй. Помещение для училища строилось рядом с начальной школой¹⁴, вблизи ж/д площадки.

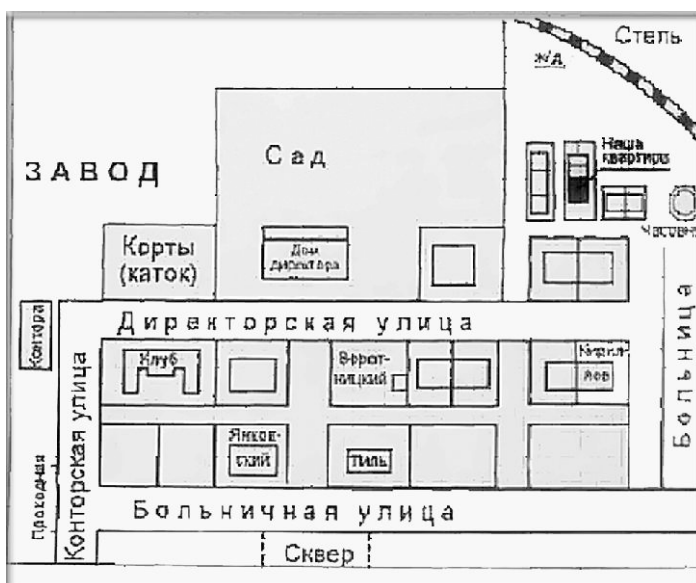
До окончания строительства для училища и нашей квартиры отвели крыло на 1-м этаже заводского клуба, размещавшегося в добротном красного кирпича трехэтажном здании, вблизи главной конторы завода в углу, где соединялись две главные улицы Конторская¹⁵ и Директорская¹⁶.

Находился клуб в глубине двора, засаженного деревьями. Папе было отведено 8 комнат, в 4-х разместилось училище, а по другую сторону широкого коридора была наша квартира...

В клубе был театральный зал, в котором сотрудниками завода ставились спектакли, устраивались танцевальные вечера¹⁷. Под театром был ресторан; были в клубе различные секции: бильярдная, шахматная и др. Напротив клуба через улицу располагались теннисные корты, а зимой там устраивался каток. Заведовала клубом энергичная женщина-полька Антонина Иосифовна, с которой у папы и мамы установились добрые отношения.

Несколько комнат в клубе занимали одинокие служащие завода, в том числе главный бухгалтер, некто Штельбейн Исаак Иосифович, который ежедневно по утрам приходил к маме выпить стакан только что выдоенного парного молока.

Немного далее кортов располагался обширный двор директора завода Василевского. В глубине двора стоял 2-х этажный красного кирпича корпус, перед

**План центральной части поселка
завода «Никополь»**

14. Это было 4-х этажное здание из белого кирпича, располагавшееся на северной окраине колонии. На площадке перед школой часто проходили митинги и собрания бастующих рабочих; трибуной при этом служил балкон школы, с которого выступали ораторы. В первом этаже школы размещались квартиры учителей. Здесь жили зав. школой Елисей Андреевич Ефремов и 3 семейные учительские пары: Степан Иеговский с женой Пашей, Артур Дзенис (латыш) с женой Маргаритой и Иван Ефимович Попов с женой Еленой Афанасьевной Маклаковой (текст из иного варианта воспоминаний М. А. Тищенко).

15. Ныне ул. Левченко.

16. Ныне ул. Петра Волосевича.

17. На «Никополе» кроме клуба на Директорской улице, обслуживавшего преимущественно администрацию завода и его инженерно-технический персонал, был еще «Народный дом». Это одноэтажное барачного типа здание имело зрительный зал и сцену; в нем проводили любительские спектакли, иногда – собрания рабочих, и после 1918 года – диспуты на религиозные темы между священнослужителями и представителями бюро компартии. Эти диспуты проходили на высоком уровне, с использованием цитат из Библии и из работ известных философов. Мы всегда посещали эти диспуты. На заводе «Никополь» был сквер, и в нем – ротонда, на которой вечерами в субботу и воскресенье играл духовой оркестр завода (текст из иного варианта воспоминаний М. А. Тищенко).

которым был разбит прекрасный цветник, отгороженный от улицы высокой металлической решеткой. По усыпанным гравием дорожкам цветника разгуливали павлины. Позади дома был фруктовый сад и различные службы; там же жил садовник, ухаживавший за садом и цветниками.

У директора был единственный сын, который учился в Мариупольской гимназии и ездил на занятия и домой в карете, запряженной парой лошадей, а позже, когда появились автомобили, в машине.

Дальше по Директорской улице размещались еще 3 дома, занимаемые помощниками директора. Эти дома были окружены большими дворами с цветниками. На противоположной стороне Директорской улицы располагались тоже окруженные садами и цветниками дома старших инженеров завода. Напротив дома директора был довольно большой незастроенный участок, на котором росло несколько фруктовых деревьев. Все остальное пространство было засажено цветами. На этом участке был только маленький садовый домик; разводил и обрабатывал цветы служащий завода И. А. Воротницкий [сотрудник расчетного отдела – прим. ред.], у которого всегда можно было купить тут же срезанные цветы.

Директорская была очень тихой, почти непроезжей улицей, утрамбованной шлаком и гравием. Тротуар для пешеходов был только с одной стороны, противоположной дому директора. Улица Больничная¹⁸, располагавшаяся через одну узенькую улочку¹⁹, являясь по существу основной магистралью завода, была очень оживленной. Она вела к больнице, к железнодорожной платформе и в соседние села...

Директорская улица, начинаясь от конторы, с другой стороны упиралась в забор больницы завода Никополь. Главный врач больницы пользовался большим авторитетом и жил тоже на Директорской улице в большом доме, как и некоторые ведущие инженеры завода. Когда мы переехали на завод, главным врачом был некто Янковский, сын которого тоже учился в Мариупольской гимназии и часто ездил вместе с сыном директора.

Вскоре Янковский уехал, и место его занял Спиридон Феофанович Кириллов, прекрасный хирург, доктор медицинских наук, окончивший Мариупольскую гимназию в один год с мамой, тоже с золотой медалью.

В больнице, помимо Кириллова, был прекрасный высококвалифицированный персонал: терапевты Л. Л. Рожанский, Е. П. Майзель, стоматолог М. А. Давыдова, офтальмолог Виноградский. На заводе Провиданс была своя больница, тоже с очень

хорошими специалистами: терапевтом Либскеровым, хирургом Медалье.

Строительство помещения для высшего училища быстро подвигалось вперед, и через 1–1,5 года занятия стали проводиться в новом помещении.

Сооружался дом и для педагогического персонала. Строился он в районе т.н. новой колонии за Директорской улицей, крайний к степи. Половина дома предназначалась нам, вторая половина с двумя 2-х комнатными квартирами – для учителей. Папа

немного изменил планировку квартиры, и вместо планированных 4-х больших комнат устроил 5, 6-й стала маленькая комната для домработницы.

Поскольку дом строился в месте, где прежде ссыпалась жужелица (отходы с завода), после окончания строительства верхний слой земли (толщиной около 0,5 метра) бригадой пленных австрийцев был снят и заменен

**План дома и усадьбы
А.И. Тищенко**

18. Ныне ул. Бодрова (прим. ред.).

19. Ныне ул. Семашко (прим. ред.).

привезенным со степи черноземом. С обеих сторон перед домом заводской садовник разбил цветники, а в остальной части двора папа посадил фруктовый сад, в котором всегда держал 2–3 улья пчел.

Нашими соседями были учитель географии и истории Т. К. Кулаев и учительница русского языка и литературы Елизавета Ивановна Антошина со своей двоюродной сестрой Еленой Андреевной Чентуковой. Эти женщины были большими нашими друзьями.

Наша квартира располагалась близко от железнодорожной площадки, и поэтому мы стали ездить на учебу поездом²⁰. Это было тем более удобным, что с нами ездила Елена Андреевна, работавшая письмоводительницей в Мариупольском епархиальном училище. Она была очень хорошим человеком, как и ее сестра, одинокой, удивительно умевшей находить с нами общий язык. С нею связано многое из нашего детства и юности.

Обычно по дороге к поезду она стучала нам в окно, я и Коля выходили и шли всегда вместе. На площадке к нам присоединялись некоторые мои одноклассницы, всей компанией мы садились в поезд. Сойдя с поезда на конечной остановке в Мариуполе, мы некоторое время шли вместе, а потом расходились каждый по своей дороге...

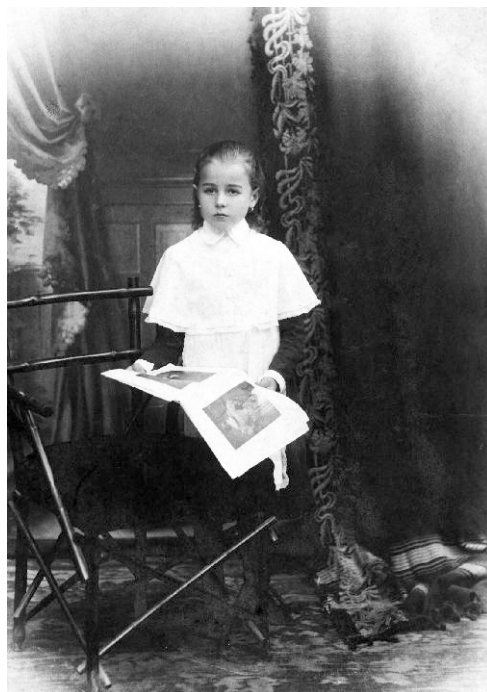
Ученический поезд состоял из вагонов 3-го и 4-го класса, а позже – из товарных теплушек. Проездные месячные билеты мы покупали у кондукторов, разносивших их по вагонам. Мы очень привыкли к ним, и они нас хорошо знали. Поездки в гимназию были далеко не легкими. Помещения для ожиданий поезда не было, ждали на открытом месте в любую погоду: и в дождь, и в холод. Иногда такое ожидание было довольно долгим, потому что перед ученическим пропускались вне очереди военные поезда.

Одеты мы были тепло, но не соответственно необходимости долгого ожидания в морозы, иногда довольно сильные, да еще и с частыми в тех местах ветрами. Особенно мучительно мерзли ноги. Валенки в то время в Мариуполе не носили. На ноги я надевала гамашки и поверх ботинок короткие суконные боты. Очень зябли и руки, несмотря на то, что имелись перчатки или варежки и муфты. меховых пальто тогда ни у кого из детей не было, но пальто на вате с меховым воротником достаточно хорошо утепляло.

Позже для ожидающих поезд был построен барак, защищавший от частых и сильных ветров. За время ожидания поезда и последующей поездки в неотапливаемых вагонах мы сильно перемерзли, и по приезде в Мариуполь быстро бежали по Слободке (так называлась расположенная у берега моря низменная часть города), вбегали на возвышенность, на которой располагался сам город, и только тогда чувствовали, что согрелись.

Учились мы хорошо. Из класса в класс я переходила с наградами...

В то время моей лучшей подругой была Изабелла Беньковская, круглая отличница, первая ученица нашего класса. Была она светлой шатенкой, удивительно хорошенькой, доброй, ласковой. Она была младшей дочерью мастера завода и имела старших сестер Ядвигу и Ванду и брата Казимира. Жила она по соседству со своими родителями у не имевшей детей крестной польки, бывшей замужем за греком Пичахчи. Оба очень любили Изабеллу. Пичахчи

**Гимназистка Изабелла
Беньковская**

20. Ранее дети ездили дилижансом (прим. ред.).

Семья Беньковских перед возвращением в Польшу. 1918 г.

работал в конторе завода и имел в Мариуполе свой домик с большим садом на одной из главных улиц, недалеко от моря. Когда в 1921 году поляки уезжали в Польшу, по договоренности между обеими семьями Изабелла осталась у Пичахчи, которые удочерили ее. Вскоре Пичахчи ушел на пенсию, и они переехали в Мариуполь. Я была очень огорчена. Мы были очень дружны с Изабеллой, постоянно бывали вместе, между нами не было никаких тайн...

Другой моей подругой была тоже соученица и тоже полька Поля Галлет, жившая недалеко от нас на новой колонии. Ее отец был мастером на заводе. В семье у них было 4 девочки: старшая Леокадия – Ледя, вторая – Поля (Апполинария), третья – Марыхна (Мария) и четвертая – Ваця (Вацлава), их тетка, ровесница Леди...

В 1920 году мы окончили 7 классов гимназии, к тому времени преобразованной в трудовую школу. Нам выдали свидетельство (весьма убогое) об окончании семилетней женской школы.

Летом 1921 года все поляки уехали в Польшу. Им давали несколько эшелонов, и они уезжали группами с большим количеством багажа. Галлету было жаль продавать свою корову, и они оставили ее нам, собираясь когда-нибудь приехать за нею, чего, конечно, не произошло. Мы расстались навсегда...

Мое отрочество, как и детство и отрочество моих братьев, прошло в трудных условиях войны, начала революционных годов, гражданской войны, голода. Пережить голод помог нам наш сад. Сад был большой, требовал много сил, а нанимать помощников на страдную пору весны, лета и начала осени (как это было прежде) уже нельзя было. Работали сами, всей семьей от зари и до зари...

Фрукты папа возил на базар и на вырученные деньги покупал различные носильные вещи, на которые осенью он выменивал в окрестных селах пшеницу и другие продукты. Однажды папа поехал на Кубань, откуда привез довольно много пшеницы. Периодически папа вместе с Колей на санках возили мешок пшеницы на ветряную мельницу. Из муки простого помола мама пекла хлеб и готовила еду.

У нас всегда была корова, в эти годы с ней было очень трудно. Прежде всего, с кормежкой. Часть молока мама ежедневно продавала на базаре, а на вырученные деньги

покупала сено, которое на себе приносила домой. Кроме того, её нужно было и охранять, потому что у многих крали коров и всякую живность. Мы организовали ночные дежурства, в которых принимали участие, кроме папы и мамы, я, Коля и Женя. Дежурили в кухне, каждые 15–20 минут выглядывая из окна в ванной комнате, из которого был виден сарай с коровой.

На следующий год изменили тактику, и на ночь вводили корову в кухню. К этому времени из-за очень ограниченного количества топлива мы самоуплотнились. В столовой у печи пристроили небольшую плиту, на которой готовили и которая обогревала 3 комнаты, а 3 комнаты и кухня оставались нежилыми. Утром рано корову выводили в сарай, а кухню мама тщательно мыла...

В эти трудные годы папа собирал семейный совет, в котором принимали участие папа, мама, я, Коля и Женя. На этих советах обсуждался вопрос, кому и что нужно купить к зиме из одежды и обуви, какие сделать запасы. Таким образом, в планировке семейных дел принимали участие и мы – дети.

Один год всем мальчикам купили сапоги, а на следующий из выменянной в селе желтой кожи мне сапожник сделал дамские сапожки (шик!), а ребятам починил сапоги, приделав к ним новые желтые передки. Было необычно, но кто на это обращал внимание?! Мне из маминого плюшевого пальто пошили шубку, Коле и Жене из большого темно-зеленого пледа сделали зимние полупальто, а Пете и Лене из чего-то старого – не то пальто, не то полупальто...

До чего же скромны были наши ребята! Коля и Женя лето ходили босиком, даже с завода в сад, в стиранных, потерявших свой цвет серых рубашках и тоже стиранных коротких брюках. При этом совсем не стеснялись. Петя и Лена тоже ходили босиком в старенькой одежде, но они были еще «малыши» и не так бросались в глаза. А Коле было уже 15–16 лет, Жене – 13–14! Удивительные все-таки были ребята: честные, умненькие, скромные, строгие, работающие.

Юность

После окончания 7 классов гимназии я не могла поехать учиться дальше. Время было тяжелое, и папа с мамой категорически были против моего отъезда. Папа устроил меня на третий (последний) курс «Мариупольских постоянных педагогических курсов», которые я окончила в 1921 году. Во время учебы на курсах я жила в Мариуполе у тети Нади Синиковой. Она не была нам родственницей, была хорошей знакомой бабушки, и мама звала ее тетя Надя. Синиковы до революции были купцами. Жили на Николаевской улице недалеко от собора. Сам Сиников ежегодно отдыхал в Кисловодске (у него было слабое сердце). С ними жила бедная одинокая женщина, Мария Леонтьевна, которую они приютили. Их единственный сын учился в Москве в университете и рано умер. Сиников (старик) умер еще до революции.

Жила я у них в голодную зиму 1921 года. Каждый понедельник мама отводила меня в Мариуполь, и каждый раз мы тащили с собой кульки и кошелки с провизией на неделю. При этом мы немного подкармливали двух старушек. В субботу после занятий я возвращалась домой. При этом ходили мы пешком.

Когда я кончала курсы, папа иногда меня предупреждал, что я не буду работать в заведующей им школе, он это считал неудобным. Поэтому я устроилась в так называемую «министерскую», тоже семилетнюю школу, которая располагалась в 4-х этажном здании рядом с «папиной» школой.

Все учителя заводского района меня прекрасно знали, я, собственно, выросла у них на глазах... Встретили меня в школе хорошо. Учителей не хватало, классы были переполнены... Меня вместе с группой детей отвели в пустое помещение и предложили начать занятия, предоставив полную самостоятельность.

Вскоре выяснилось, что организовали мне класс весьма пестрого состава: одни уже читали, другие и букв не знали, одни свободно считали, другие представления не имели о счете. Если добавить, что кроме парт в классе не было ни стола, ни стула, окна были выбиты, и ветер гулял по комнате – можно понять, как я растерялась, и настроение было далеко не радостным.

Вечером к нам пришла соседка – учительница «папиной» школы Варвара Александровна Пестич узнать, как прошел мой первый день учителя. Я с горечью рассказала ей все о пережитом. В ответ она предложила мне перейти в их школу, где было вакантное место педагога. Я, помня папино предупреждение, отказалась, но она категорически настаивала. Дело в том, что в это время папа был в отпуске и уехал на Кубань за хлебом, а исполняла обязанности заведующего школой Варвара Александровна. Она сказала, что всю ответственность она берет на себя, и со следующего дня я была зачислена в штат 3-ей трудовой школы заводского района, как она называлась. Папе по приезде домой пришлось смириться с происшедшим...

С тех пор я стала уже не девчонкой, а взрослой, хотя мне еще было 17 лет, и профсоюзный билет я получила не синий, как взрослые, а розовый. Учительницей школы я была зачислена с 23 июня 1921 года. С этой даты начался мой трудовой стаж, и началась моя трудовая деятельность, продолжавшаяся 65 лет, включая пять лет учебы в институте и первый год аспирантуры. Страшно даже подумать!

Мы с мамой обсуждали, что я куплю на мою первую зарплату. Но... Зарплата задерживалась, получила я ее только в сентябре. А вещи катастрофически дорожали, и в результате, получив зарплату, я смогла купить только горшочек хризантем.

В последующем я никогда не получала в школе зарплату на руки, я только расписывалась в ведомости, а деньги папа вручал маме.

Мне хочется сказать немного о Варваре Александровне Пестич. Она была дочерью генерала, из дворян. Муж ее – серб, офицер – погиб [в первую мировую войну]. Она прекрасно знала языки и очень хорошо играла на рояле. У нее было трое детей: 2 сына и дочь. Иногда она устраивала у себя музыкальные вечера с участием Николая Ивановича Безуглова, преподававшего в школе пение и руководившего школьным оркестром. Варвара Александровна играла на пианино, а Николай Иванович на скрипке, а я, примостившись в уголке, слушала и наслаждалась. Звучал Шопен, Чайковский, Рахманинов и другие...

Я умела читать ноты, играла некоторые пьесы, вальсы, романсы. Несомненно, играла плохо. Больше всего я любила вальс, любила его играть, слушать и, конечно, танцевать. Танцевали тогда и другие танцы: эспань, падеспань, па дэ каре, краковяк, польку, венгерку, мазурку, чардаш, но самым любимым был вальс. И сейчас не могу без душевного трепета слушать вальс или видеть, как его танцуют.

Летом, когда наша семья переезжала в сад, я с бабушкой оставалась на заводе, вернее только ночевала там. Вставала я очень рано, кормила бабушку и сразу же шла в сад, где в шесть часов утра была дойка двух коров. Наша Манька давала мало молока, но оно было густым, у нее были большие дойки, и доить ее было легко. Вторая корова – симменталка Гвезда – давала много молока, у нее были небольшие дойки, и доить ее было очень трудно. Потом я собирала хворост в саду и готовила завтрак, затем обед, а потом и ужин. В первый год я готовила на кабице, т.е. на кирпичках, на которые ставилась кастрюля, а под ней разводился огонь.

Утром готовила суп, на обед борщ и что-нибудь на второе – какие-нибудь каши, остатки которых разогревались на ужин. Мыла посуду, убирала, а вечером шла на завод, неся с собой еду бабушке. Дома грела еду, кормила бабушку, а уже на следующий день до моего прихода она ела сама. Домой я еще несла мешок травы и кормила двух поросят...

Недалеко от сада по другую сторону речки располагалась шлаковая гора, образовавшаяся вследствие многолетнего сброса отходов завода Провиданс. По верху

этой горы были проложены рельсы, по которым везли вагонетки с расплавленным шлаком и, опрокидывая их, выливали содержимое. При этом все вокруг озарялось заревом, продолжавшимся пока не остынет шлак, обычно до 20–30 минут. Так гора росла, и уже в то время была довольно высокой. Слив шлака проводился несколько раз в сутки. Вечером в свете зари заканчивались наши вечерние работы: убирался скот в конюшню и хлев и проч. Другого освещения во дворе не было. Комнаты освещались керосиновыми лампами, но мы старались улечься спать, не зажигая ламп.

Дорога из сада домой шла по самому берегу речки по узкой полосе, за которой на одном участке берег очень круто поднимался вверх на довольно большую высоту. Наверху был забор еврейского кладбища. Одним из видов наших затей было влезание по этому обрыву наверх. Это было довольно трудное мероприятие...

По упомянутой тропинке нужно было обогнуть изгиб речки, затем подняться на высокую насыпь, перейти речку по железнодорожному мосту и затем уже идти на завод. Но был и более короткий путь: прямо в саду переправиться лодкой через речку, а затем по ее берегу пройти к заводам. Берег у речки в участке переправы не имел густого камыша, а на противоположном берегу были деревянные мостки.

Весел не было, кто-нибудь толкал лодку с нашего берега, а при подходе к противоположному берегу нужно было выпрыгнуть на берег, одной ногой придерживая лодку, и затем оттолкнуть ее обратно, где ожидал провожатый...

Занятия в школе шли успешно. Коллектив учителей состоял из весьма квалифицированных специалистов, общение с которыми было и приятно, и полезно. Помимо названных выше, русский язык и литературу преподавала Елизавета Ивановна, пользовавшаяся большой любовью учащихся. Математику преподавал папа, физику и химию – Кулаев, историю и географию – молодая учительница.

В школе и в училище до 1918 года преподавали Закон Божий. Занятия вел священник Никопольской церкви отец Иван Китаев. Настоятелем Провиданской церкви был отец Григорий Чернявский, своеобразный человек, из цыган, порывистый, невыдержанный. Оба священника входили в круг знакомых папы и мамы. Они бывали у нас, и мы бывали у них. У Китаева было двое сыновей, младший – Витя был моим одноклассником. У Чернявских было трое детей: дочь и два сына. Дочь была старшей, звали ее Пенелопой, она была очень умной девушкой, получившей хорошее образование.

В числе знакомых папы был и начальник почты Нечаев. У него было двое детей: сын Василий, который был революционером и находился в ссылке, и дочь Анна, учительница, с которой мама всю жизнь дружила. После революции Василий Михайлович возвратился из ссылки, и через некоторое время женился на Пенелопе. Свадьба была очень пышно отпразднована...

Папа любил детей, любил свое дело и хорошо организовывал работу школы... Он учредил в школе ежегодные летние экскурсии. Ездили учащиеся двух последних классов – 6-го и 7-го и иногда отдельные ученики из 5-го. Средства для этих поездок добывала сама школа путем организации в течение года платных школьных концертов и выставок. Билеты были дешевыми, всем доступными, и родители учащихся, рабочие и служащие, зная цели этих вечеров, охотно их посещали.

В школе был небольшой собственный струнный оркестр, которым руководил учитель пения Николай Иванович Безуглов. На вечерах дети довольно хорошо играли, кроме того были номера сольного пения, декламации, мелодекламации и постановки фрагментов пьес. На выставках, часто сочетавшихся с концертами, выставлялись рукоделия учениц, работавших в кружке под руководством Варвары Александровны. Какие чудесные работы фигурировали на этих выставках! Работы распродавались, и вырученные деньги тоже шли в фонд для экскурсий. У меня и сейчас есть купленное мамой декоративное полотенце, вышитое методом «ришелье» одной из отличниц школы Табачниковой. Все собранные деньги папа сдавал в банк на счет школы, а летом они

использовались по назначению.

Первое путешествие было совершено летом 1924 года в Крым. Папа был его руководителем, я – учительницей, а среди участников был Женя – ученик 7-го класса. Это было незабываемое путешествие! Поездом мы поехали в Севастополь. Там папа обратился в гороно, и нам оказали содействие: поселили в одной из школ, наметили маршруты по Севастополю и далее – по Крыму. В Севастополе мы пробыли 2 или 3 дня, побывали на Графской пристани, посетили панораму и кое-какие музеи, съездили в Инкерман.

Потом отправились пешком по Южному берегу Крыма. На время путешествия наняли 2 подводы, в одной везли закупленные в дорогу продукты и вещи экскурсантов, вторая служила для отдыха уставших или приболевших. К вечеру мы прибыли в Байдары. Поужинали, улеглись спать, а желающие, в их числе и я, отправились к Байдарским воротам наблюдать восход солнца. Шли мы всю ночь и видели это удивительное, красивейшее зрелище. Затем возвратились к основной группе, немного отдохнули и – в дальнейший путь. По дороге несколько раз делали привалы, обычно у ручьев или речушек, дежурные готовили еду, все умывались, мыли ноги, ели, отдыхали.

В то же время по той же дороге шла экскурсия какого-то техникума или рабфака Москвы. Обычно мы догоняли и перегоняли друг друга во время привалов, выражая свой привет криками: «Да здравствует Москва» или «Да здравствует Сартана». Ночевали мы в Симеизе, в школе. Дальнейший путь наш был через Мисхор, Алупку, Ливадию и Ялту.

Мы осматривали (всегда с экскурсоводами) Алушкинский дворец, Ласточкино гнездо, Ливадийский дворец. При этом нужно сказать, что в 1924-м году в этих дворцах еще не были организованы санатории, они еще не были разрушены и довольно основательно разграблены и то, что мы видели, ни в какое сравнение не идет с виденными мною в 70-е и 80-е годы теми же объектами...

Помимо школы, я увлекалась цветоводством. У нас был цветник, который моими усилиями стал образцовым. Я любила по книге определять цветы и травы, собираемые во время прогулок в степи. В то время я мечтала ехать учиться в Москву в сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, на факультет садоводства и цветоводства.

Одно лето я разводила шелковичных червей. Тетя Зоя (бабушкина подруга) дала мне немного грены (яйца шелковичных червей). Весной я их высыпала в коробку, и через несколько дней появились мелкие светло-серые червячки. Кормила я их листьями шелковицы, которой у нас в заводской колонии было очень много. Червячки быстро росли и превратились в крупных белых червей длиной около 8–10 сантиметров и 1–1,5 сантиметра в диаметре.

К этому времени я их устроила на столе, покрытом белой бумагой. На стол я клала все более крупные ветви шелковицы с листьями. Черви лазили по ветвям, быстро поедая листья. Ночью обычно был слышен шум, напоминавший шум дождя. С ветвей черви никуда не уползали, а позже они стали образовывать коконы. Несколько дней продолжалось их плетение. Это было очень интересное зрелище, посмотреть которое приходили многие наши знакомые. Сначала черви образовывали внешние слои кокона, а затем заплетали изнутри и, таким образом, первое время сквозь тонкую сеть кокона как через паутинку можно было видеть работавших червей.

Когда заканчивалось образование коконов, черви превращались в «куколки». Большую часть куколок я выдержала в решете над кипящей водой, чтобы убить куколок, находившихся внутри кокона. Часть коконов я оставила, положив слоем в коробку. Спустя некоторое время куколки превратились в бабочек, проделали отверстия в коконах и вышли наружу, а коконы уже нельзя было использовать для получения нитей шелка. Вышедшие из коконов небольшие белые бабочки летать не могли, а только ползали. И еще через несколько дней я получила новую грену.

Моя бабушка рассказывала мне, как нужно получать нити из коконов, я тоже собиралась этим заняться, но так и не успела. На следующий год, когда мои ученики перешли в первый класс, я решила разводиться с ними червей, для чего мне было предоставлено помещение в школе. Но меня постиг страшный конфуз: черви из грены не появились. Объяснялось это тем, что, уплотняясь на зиму в трех комнатах, я забыла грену в неотапливаемой комнате, и она погибла. Я ужасно переживала.

Мечта об учебе не покидала меня. Как учительница, я была членом профсоюза «Робос» («Робітники освіти»). В институт можно было поступить только по путевке профсоюза, а в нашем «Робосе» были путевки только в ИНО – «Інститут народної освіти», что меня не устраивало, т.к. я не хотела навсегда оставаться учительницей.

В заводе в профкоме союза «Металлист» бывали разнообразные путевки, и в 1923 году была путевка в Тимирязевскую академию. Среди рабочих завода редко кто интересовался такими путевками, и поэтому папе обещали, что если до 15 июля не появится среди членов «Металлиста» желающий получить эту путевку, она будет нам. Но мне не повезло: буквально за два дня до назначенного срока путевку отдали рабочему заводу из пленных австрийцев, оставшихся в СССР. Этот человек не дал мне в том году поехать учиться, но и сам опоздал в академию и не был принят...

Из моих знакомых у нас составила неплохая компания, и мы почти ежедневно встречались у кого-нибудь. У нас собирались по четвергам; девочки вязали, парни читали вслух, играли в различные игры. Было интересно и весело. Новый 1924 год встречали у нас. И вот в этот вечер произошло событие, которое немного взволновало маму, но которому не придали значения.

Мы своеобразно гадали. На столе лежала большая стопка открыток различного содержания, мы по очереди вытаскивали, не глядя, открытки, загадывая, что предстоит в новом году. Загадала и я. И вытянула копию известной картины (не помню автора) под названием «Анатомия сердца». На открытке изображался подвал с высоко расположенными небольшими окнами и узкими длинными столами. На переднем плане, на столе лежало тело молодой женщины со спускающимися со стола длинными волосами. Подле стола стоял старый человек, и в руках у него было извлеченное из тела сердце.

О чем можно было подумать? Меньше всего о том, что мое будущее – анатом, и позже – патологоанатом.

И еще одно событие. Как-то в конце зимы, в том же 1924 году в то время, когда я мылась, я обнаружила у себя в левой груди небольшой узелок. Об этом я сказала маме, которая меня успокоила, посоветовав немного подождать и растереть место с узелком. Однажды во время вечернего чая мама спросила меня: «Как твой узелок?» Папа сразу спохватился и, узнав в чем дело, предложил немедленно пойти к врачу.

Мы с мамой пошли к нашему постоянному врачу Л. Д. Рожанскому. Он был терапевтом и, посмотрев меня, сейчас же отвел к хирургу, нашему знаменитому С. Ф. Кириллову. Последний посмотрел меня, диагностировал доброкачественную опухоль, предложил удалить ее и назначил день операции.

Под местным обезболиванием эту опухоль С. В. Кириллов удалил... После операции к вечеру у меня поднялась температура, и утром мама отвела меня в больницу. Там обнаружили кровоизлияние в рану и стали ее лечить открытым путем. Ежедневно приходилось ходить на перевязки, и это доставляло мне физические и моральные переживания. Перевязки проводились в малой операционной. Когда это делала фельдшерница, мне было больно, а когда перевязывал фельдшер – Иван Павлович, было совершенно безболезненно, но я очень стеснялась раздеваться перед ним до пояса. Вот тогда появилась мечта ехать в медицинский институт, стать врачом, делать безболезненные манипуляции, чтобы женщины шли ко мне, не стесняясь...

Мысль о медицинском институте все больше владела мною. Вопрос был в путевке.

Как-то папа поделился нашими затруднениями со своей бывшей сотрудницей, и она нашла выход. Она работала в Мариуполе в горкоме партии. Там ежегодно получали путевки в различные учебные заведения, но разбирались обычно только путевки в рабфаки, направления в институты оставались неиспользованными.

Она посоветовала получить в «Робесе» путевку в ИНО и обменять ее в горкоме на необходимую нам. Так я получила путевку в Харьковский медицинский институт...

Александр Чернов

ЗАГАДОЧНЫЙ В. В. ВЕРЕЩАГИН

Светлой памяти Олега Николаевича Карпенко посвящая.

Эта история берет свое начало в 2005 году, когда я приобрел рисунки, приписываемые великому русскому художнику В. В. Верещагину. Их было сорок семь, все они были аккуратно наклеены на паспарту и закрывались с лицевой стороны папиросной бумагой. По всему было видно, что их бывший владелец очень ими дорожил. А принадлежали эти рисунки Николаю Иосифовичу Никаро-Карпенко (1894–1963) – незаурядной и экстравагантной личности послевоенного Мариуполя. Чтобы не быть голословным, предоставлю слово о моем герое старшему сыну Николая Иосифовича, Олегу Николаевичу Карпенко, у которого и хранились рисунки до последнего времени.

«Мой отец, Николай Иосифович Никаро-Карпенко, родился в селе Буды на Черниговщине в многодетной семье военного священника – была такая должность в царской армии. Он был совсем мальчиком, когда родители определили ему профессию военного, отдав для обучения в Черкасский кадетский корпус. Николай завершил обучение в 1914 году, когда началась первая мировая война. Его направили в действующую армию. Молодому офицеру довелось командовать стрелковым взводом, но в одной из атак он был ранен в ногу, в бессознательном состоянии попал в плен к австрийцам. В плену провел три года, там научился играть на виолончели, столярничать, а все свободное время посвящал рисованию.

В 1918 году, после окончания первой мировой войны, вернулся на родину, в Украину. Занимался разными делами: играл в военном оркестре, был актером в театре, там же работал декоратором, трудился на стройке. Окончив Киевский художественно-строительный институт (1923–1930), переезжает в Харьков и поступает в мастерскую знаменитого архитектора академика А. Н. Бекетова. За 10 лет работы в Харькове на его счету более 40 проектов жилых и общественных зданий, выполненных как самостоятельно, так и в составе творческих коллективов.

В начале 1930-х годов он впервые приезжает в Мариуполь, где ему предстояло спроектировать жилой квартал в Ильичевском районе, а также несколько зданий для строящихся заводов «Азовсталь» и им. Куйбышева. Тут он и познакомился с мариупольчанкой, которая вскоре станет его женой и моей матерью.

Во время Великой Отечественной войны работал при армии художником и переводчиком, выполнял работы по маскировке военных и промышленных объектов. В свободную минуту старался сделать карандашный набросок или акварельный этюд. Демобилизовался только в 1947 году, приехал с семьей в Мариуполь, на родину жены. Еще до войны по его проектам в Мариуполе в Ильичевском и Орджоникидзеvском районах были построены кварталы жилых многоэтажных домов. Но наибольший вклад в

архитектурный облик нашего города внес Никаро-Карпенко в послевоенные годы. Вот только некоторые объекты: водная станция коксохима, старое здание ГИПРОМЕЗа, памятник летчикам в городском саду, интерьер голубого зала кинотеатра «Победа» и др.

Его никогда не оставляла жажда деятельности. На его картинах можно увидеть Мариуполь, каким он был в 1931 и до 1962 года. Одни пейзажи узнаваемы и сейчас, другие, увы, уже изменились. Н. И. Никаро-Карпенко – участник многочисленных художественных выставок в Харькове, Киеве, Донецке, Мариуполе».

А теперь вернемся к рисункам. Все они снабжены регистрационными номерами от «П039343» до «П039397». По утверждению Олега Николаевича, последнего владельца рисунков, эти номера были присвоены в государственной Третьяковской галерее (далее – ГТГ) в конце 1950-х годов, куда его отец возил рисунки на экспертизу и для возможного приобретения главным музеем страны. Позже, уже Олегом Николаевичем, регистрационные номера были проставлены в соответствии со списком рисунков, составленным отцом.

Получается всего 55 рисунков. Из них 5 рисунков ныне принадлежат Мариупольскому краеведческому музею (рег. № П039354, П039356, П039357, П039368 и П039370). В сквозном перечне отсутствуют 3 рисунка с рег. № П039348, П039361 и П039362, которые, возможно, и попали в ГТГ. О них вспоминал младший сын Николая Иосифовича, Георгий, который ездил тогда в Москву вместе с отцом (на тот момент ему было 15 лет): *«В Третьяковке выбрали самые лучшие рисунки. Они отличались большими размерами и были жанровыми. Например, на одном было изображено много офицеров русской армии, проводящих рекогносцировку, на других – всадники, лихо скачущие на лошадях. Тогда отцу Третьяковка заплатила приличную сумму денег – по 50 рублей за рисунок. Для примера: ж/д билет из Мариуполя в Москву стоил 18 рублей. Старики-эксперты сказали, что большими деньгами они не располагают, поэтому могут купить только 3 рисунка».*

Какова же история происхождения папки с рисунками В. В. Верещагина? О том, что это рисунки Верещагина, в семье Карпенко существовала «железная» легенда. По моей просьбе Олег Николаевич в 2005 году изложил ее на бумаге.

«Случайно, в 1928 году, студент Киевского художественного института Николай Карпенко (известный под псевдонимом – НИКАРО), находясь в Крыму на практике, познакомился с пожилым человеком, как оказалось, бывшим крымским помещиком. За нарисованные портреты его родни этот житель Крыма подарил молодому художнику хранившиеся у него несколько карандашных рисунков, предположительно принадлежавшие руке Василия Верещагина. Как они оказались у этого человека – неизвестно.

С 1947 года бывший студент, ставший затем известным архитектором-художником Никаро-Карпенко, поселился в Мариуполе. В 1956 году Николай Иосифович, будучи в Москве, представил эти рисунки на экспертизу в Третьяковскую галерею, где специалисты подтвердили их подлинность и авторство В. Верещагина. Тогда же Третьяковка часть рисунков приобрела для своего собрания. Подтверждением этому служат регистрационные номера, проставленные на каждом паспарту, на которые наклеены рисунки. К сожалению, никакого документа, подтверждающего регистрацию рисунков в ГТГ, не сохранилось, хотя, по логике вещей, он, вероятно, был тогда получен.

Говоря об их происхождении, можно с большой долей уверенности предположить, что упомянутые рисунки, тематически связанные с событиями русско-турецкой войны, составляют часть работ, утерянных Верещагиным в те далекие годы.

Как известно из биографии художника, находясь в действующей армии на

территории Болгарии, он отправил вместе с директором военного госпиталя, уезжавшим в Россию, два ящика багажа, в которых, кроме прочего, находились его рисунки и заготовки к предполагавшимся картинам. Но этот багаж так до места назначения и не дошел. То ли он затерялся в дороге, то ли нечестным на руку оказался тот человек. Все попытки художника разыскать пропажу не увенчались успехом. Верещагин очень сожалел о пропаже, так как там содержалась большая часть его труда и задел для дальнейшего творчества».

Эта же история была отражена в нескольких статьях в местной периодической печати [1; 2; 3; 4]. Легенду о принадлежности рисунков самому В. В. Верещагину подтверждает и мариупольский писатель Анатолий Белоус, близко знавший семью Никаро-Карпенко. Вот что он писал в своей статье: *«Только перед смертью в 1962 году он [Никаро-Карпенко – прим. ред.] получил ордер на квартиру, прожив с 1947 года в тесной комнатенке старого дома по ул. Пушкина с двумя сыновьями и женой.*

В этой комнатенке стоял старинный рояль с прислоненной к нему виолончелью, на которой время от времени художник играл. Звуки классической музыки в исполнении седодривого мастера в вельветовой коричневой блузе, мольберт с незаконченным наброском картины, старинный альбом с фотографиями лучших скульптурных групп музеев Европы, папка с эскизами, сделанными рукой самого Верещагина, – все это создавало пленительную атмосферу духовной возвышенности и романтичности» [5].

Что сразу бросилось в глаза при осмотре рисунков?

Безусловно, все рисунки выполнены на высоком профессиональном уровне художником (или художниками) с академическим образованием. Некоторые из них были тщательно проработаны и закончены, другие – быстрые наброски, подчас мимолетные. Все рисунки были аккуратно обрезаны и наклеены на паспарту, за исключением нескольких – они были наклеены на «свежие» картонки уже гораздо позже. Многие рисунки предохраняются уже не старой калькой, а разного сорта бумагой (по-видимому, той, что была под рукой). Некоторые рисунки и паспарту были немного обрезаны. Это видно, если посмотреть на обратную сторону рисунков – отдельные надписи явно нелогично «подрезаны». Удивляет и тот факт, что практически нет двух одинаковых «картонок». Напрашивается вывод: рисунки хранились как на паспарту, так и в отдельных листах, и в таком виде они и попали к Н. И. Никаро-Карпенко в 1928 году. Часть рисунков (24 шт.) подписаны монограммой, остальные без подписи. Возможно, они принадлежат двум разным художникам. Рассмотрим эти две группы рисунков.

Подписанные рисунки выполнены карандашом, сангиной, а некоторые – тушью и пером. Многие из них снабжены пояснительными надписями. Тематически они очень разнообразны: тут и русско-турецкая война, и учебные студии, есть наброски головок, как правило, простых людей, есть наброски жанровых сценок, а также – мужской фигуры, судя по одежде, европейской принадлежности. Один рисунок датирован 1877 годом – это «Отец Ираклий». На трех рисунках изображены участники балканской кампании: «Начальник Болгарского ополчения Столетов и командир 3 бригады б.о. (неразборчиво) полк. граф Михаил Павлович Толстой», «Командир Др. Б. О. Граф Павел Федорович Тизенгаузен и комендант Эскизагры Михаил Абрамович Ефремов, Майор Б. О.», «Андрей Васильевич Попов, убитый под Эскизагрой».

Неподписанные рисунки отличаются манерой исполнения, особенно это касается штриховки. Они не имеют пояснительных надписей. Привязывать их к русско-турецкой войне нет оснований, за исключением, пожалуй, 3–4 рисунков – «Туркестанский солдат в зимней форме», «Голова казака в профиль», «Портрет горца и мужчины» и «Всадник». Остальные рисунки – это головки людей различного социального сословия: «Ямщик», «Голова крестьянки», «Портрет крестьянки в платке», «Портрет врача», «Портрет

чиновника», «Головка юноши в профиль», «Головка женщины», «Девушка-крестьянка на солнце», «Мальчик в картузе». По типуажу изображенных можно предположить, что принадлежат они россиянам. Великолепные рисунки – «Ступня ноги» и три изображения лошадей, которые как раз и выпадают из этой группы по уровню исполнения.

С самого начала мой поиск был направлен на В. В. Верещагина. Благо, под рукой оказалось не так уж и мало нужной литературы: каталоги живописи и графики, письма В. Верещагина и др. [6; 7; 8; 9; 10].

Первое, что пришло на ум, – сравнить почерк Верещагина (благо, многие рисунки в каталогах были подписаны рукой художника) с почерком на моих рисунках, а также монограмму на рисунках – с тем, как подписывался Верещагин. Увы, тут ждало разочарование: почерки были совершенно разные, а тем более подписи. Верещагин подписывал рисунки редко и, как правило, одной буквой «В».

Зато в каталогах нашлось много рисунков с похожими типами людей. Например, в ГТГ был рисунок В. В. Верещагина «Ямщик татарин в степях Урала (Иван Варишев)», чем-то похожий на моего «Ямщика» по манере исполнения, а «Казахский татарин» перекликался с моим «Портретом горца и мужчины». В Вологодской картинной галерее «Портрет старушки-вологжанки» отдаленно напоминал мой рисунок «Портрет крестьянки в платке». В ГТГ хранилась одноименная с моим рисунком картина «Туркестанский солдат в зимней форме».

Так рисунки пролежали около двух лет, пока мне в руки не попал журнал «Образотворче мистецтво» со статьей Дмитрия Степовика «Рисунки И. К. Будкевича» [11]. Хотел было написать: «случайно», однако, в который раз убедился, что ничего случайного в нашем мире не происходит. Это было как раз то, что я искал, – подарок судьбы!

В статье были помещены три рисунка художника И. К. Будкевича из его цикла «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.». Из них два рисунка очень напоминали мои: это двойной портрет «Болгарин и русский солдат» (1877), а также «Болгарин из Старой Загоры» (1877). Но главное заключалось в том, что все рисунки были подписаны такой же монограммой, как и мои. Вот что пишет Д. Степовик в своей статье:

«Все рисунки Будкевич выполнил карандашом на серо-голубой тоновой бумаге, изредка усиливая отдельные места белыми. Авторская монограмма – характерное переплетение латинских букв «И. Б.» – поставлена на каждом листе тушью и, очевидно, уже в Киеве, куда художник вернулся после пребывания в Болгарии. Несмотря на этюдный характер рисунков, они выдают руку мастера, который за короткий промежуток времени сумел передать наиболее интересное и характерное в человеке, в состоянии природы. Обращает на себя внимание пластичность рисунков».

Эти слова, несомненно, относятся и к моим рисункам. Далее – слово Д. Степовику: *«Тема русско-турецкой войны нашла отражение в серии рисунков украинского художника Иосифа Константиновича Будкевича (1841–1895). Его творчество еще не нашло должного отражения в искусствоведении. До сих пор не были опубликованы и рисунки, о которых и пойдет речь в этой статье. В свое время это был талантливый художник, педагог, которого уважали современники. Про Будкевича – преподавателя Киевской рисовальной школы – тепло отозвался в «Воспоминаниях старого учителя» основатель этой школы, известный украинский живописец Николай Мурашко. Он приводит краткие биографические данные о художнике: родился он в Киеве, успешно учился в Петербургской Академии искусств, был награжден восемью медалями, посетил ряд стран Западной Европы и Ближнего Востока. В Киевской рисовальной школе Будкевич заслужил уважение учеников и помог Н. Мурашко несколько усовершенствовать систему обучения основам изобразительного искусства. Однако, неудовлетворенность звала художника в дальние поездки и путешествия, поэтому он проработал в школе только один осенне-зимний сезон (1878–1879).*

И. Н. Крамской (1837–1887).
Портрет И. К. Будкевича. 1878.
Бумага, акварель, белила, графитный карандаш. 31,8x28.
Музей русского искусства. Киев

Ценил Будкевича как художника с демократическими взглядами, как единомышленника и товарища по академии И. Крамской. В фондах Киевского государственного музея русского искусства хранится интересный акварельный портрет Будкевича (1878), выполненный Крамским.

В Болгарию Иосиф Будкевич прибыл в июле 1877 года вместе с П. Соколовым. Как и другие художники, направленные в штабы армий, они должны были собирать материал для будущих батальных картин или специальных альбомов, посвященных кампании. Будкевич побывал в районах боевых действий под Плевной, Шипкой, Тырново, Габрово. Особенно его интересовали болгарские повстанческие отряды, в которых командирами были русские офицеры.

Художник рисовал прифронтовую и фронтовую жизнь по свежим впечатлениям. Рисунки, которые легли в основу альбома, изданного позднее в Париже, хранятся сейчас в Киевском государственном музее русского искусства. Они донесли до нас почти через столетие живое дыхание событий того периода, образы людей, которые жили и боролись за свободу Болгарии».

Вот так писал украинский искусствовед Дмитрий Степовик 38 лет тому назад о рисунках И. К. Будкевича, посвященных русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Возможно, находка, как минимум, 27 рисунков, принадлежавших руке Будкевича, позволит более углубленно взглянуть на творчество забытого мастера.

Приведу перечень рисунков с монограммами художника. Тематически не все рисунки относятся к русско-турецкой войне. Часть из них, могу предположить, относятся к его путешествию по Западной Европе, а некоторые, возможно, – к периоду преподавания в Киевской рисовальной школе Н. Мурашко (1878–1879). Поэтому русско-турецкую серию приведу отдельно, в конце списка.

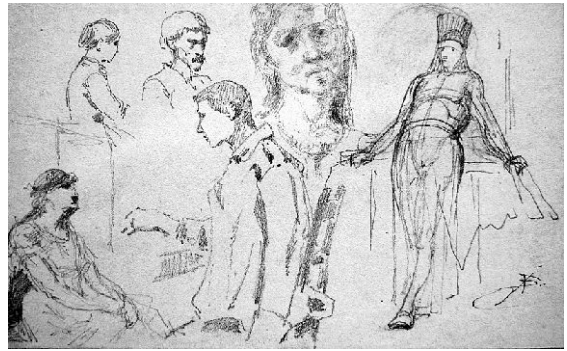
1

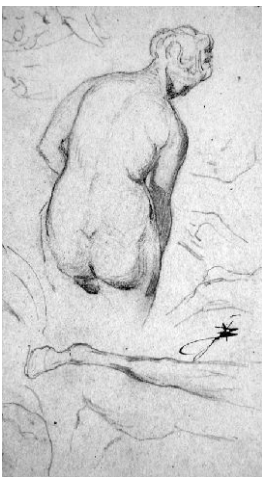
2

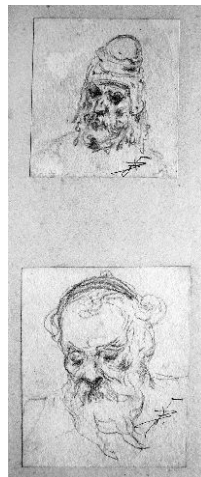
3

4

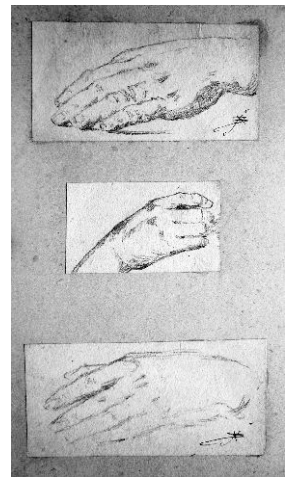
5

6

7

8

1* **Головки (7 ед.). Рука, нога, ухо человека. Ноги лошади.** Наброски. Б., светло-корич. чернила, перо. 16,8x21,2 На обороте: П039343 г.т.г., 1/1П039343 г.т.г. (все карандашом, №1 подпись Никаро-Карпенко (Н-К) (чернилами), 1 (красная шариковая ручка)

2* **4 женских и 2 мужских головки, идущая фигура.** Наброски. Б., граф. кар. 11,8x19,3

На обороте: П039346 г.т.г., №4 подпись Н-К

3* **5 мужских и 3 женских головок.** Наброски. Б., граф. кар. 11,9x18,9

На обороте: П039382, 40/32 П039382 г.т.г., 36 подпись Н-К

4* **Женская и 2 мужские головки, фигура священнослужителя (?), солдат в шинели, сидящая женщина.** Наброски. Б., граф. кар. 11,7x18,9 На обороте: П039383 г.т.г., 41/33П039383 г.т.г., 37 подпись Н-К, №34

5* **Обнаженная женская фигура (со спины), ноги лошади.** Наброски. Б., граф. кар. 14,6x8,1

На обороте: П039377, 35/27 П039377 г.т.г., 31 подпись Н-К, №28

6* **Головки старцев (два наброска).** Б., сангина 6,7x6,2 и 9x7,2

На обороте: П039347, 5/5 П039347 г.т.г. №5 подпись Н-К

7* **Две женщины за работой. Портрет юноши. Женский портрет в профиль.** Наброски. Б., граф. кар. 4,8x4,6; 4,9x3,5; 3,8x3,3 На обороте П039369, 27/20 П039369 г.т.г., №23, подпись Н-К, 3 шт., №21,

8* **Кисти рук (три наброска, один из них без подписи).** Б., сангина 6,3x11,9; 4,8x8,2; 6,2x12,8

На обороте: П0393349 г.т.г., 7/6 №8 П0393349 г.т.г., подпись Н-К

9

10

11

12,13,14

15,16,17

9* **Головка грустного человека.** Б., сангина. 11,7x8,4 На обороте: П039351,9/8 П039351 г.т.г., №9 подпись Н-К

10* **Головка женщины, смотрящей вниз.** Б., сангина. 12,4x10,3

На обороте: П039396 г.т.г., 54/46 П039396 г.т.г., 40 подпись Н-К, №47

11* **Портрет девочки.** Б., сангина. 12,8x8,9 На обороте: П039373, 31/23 П039373 г.т.г., 27 подпись Н-К, №24

12* **Гипсовые античные головы (2 ед.), женская головка.** Наброски. Б., граф. кар. 15,4x18,4

На обороте: П039364, 22/16 П039364 г.т.г., №18 подпись Н-К, №17

13* **Три мужские фигуры (чиновники?).** Б., тушь, перо 11,8x10,6

На обороте: П039384, 42/34 П039384 г.т.г., 38 подпись Н-К, №35

14* **Мужская фигура в плаще и шляпе (Старый мушкетёр).** Б., тушь, перо, растушевка 22x13,8

На обороте: П039372, 30/22 П039372 г.т.г., 26 подпись Н-К, №23

15* **Кавалер (со спины). Голова в профиль, нога.** Наброски. Западная Европа. Б., граф. кар. 14,7x8,2

На обороте: П039371 г.т.г., 29/21 П039371 г.т.г., 25 подпись Н-К, №22

16* **Мужская фигура за работой (Крестьянин?).** Западная Европа. Б., граф. кар. 14,7x8,1

На обороте: П039344 г.т.г., 2/2 П039344 г.т.г., №2 подпись Н-К, 2

17* **Крестьянин (поколенная фигура в пол-оборота).** Западная Европа. Б., граф. кар. 14,7x8,2

На обороте: П039392 г.т.г., 50/42 П039392 г.т.г., 46 подпись Н-К, №43

18

19

20

21

23

22

Русско-турецкая серия:

18* Портрет Андрея Васильевича Попова.

Б., граф. кар. 20,5x13,4 Внизу авторская надпись: *Андрей Васильевич Попов, убитый под Эскизагрой.* На обороте: П039358 г.т.г., 16/12 П039358 г.т.г., 84 подпись Н-К, №13

19* Портреты графа Павла Федоровича Тизенгаузена и майора Михаила Абрамовича Ефремова.

Серо-голубая б., граф. кар. 16,8x26,1 Внизу авторская надпись: *Командир Др.Б.О. Графъ Павелъ Федоровичъ Тизенгаузенъ. Михаилъ Абрамовичъ Ефремовъ Майоръ Б.О. Комендантъ Эскизагры.* На обороте: П039363 г.т.г., 2 1/15 П039363 г.т.г., 17 подпись Н-К, №16

20* Портреты Столетова и графа Михаила Павловича Толстого.

Серо-голубая б., граф. кар., белила 16,8x25,3 Внизу авторская надпись: *Начальникъ Болгарского ополчения Столетовъ. Командиръ 3 бригады Б.О. (неразборчиво) Полк. Графъ Михаилъ Павловичъ Толстой* На обороте: П039376, 34/26 П039376 г.т.г., Верещагин коллекция Никаро №28, №27

21* Портрет Отца Ираклия. 1877 г. Б., граф. кар. 14,3x8,4 Внизу авторская надпись: *Отець Ираклий родилс.. 1775 год... рисованъ Тырново Рис. въ 1877* Чуть выше рукой Отца Ираклия на болгарском или старославянском языке (неразборчиво): *раба твоего Владыко.* Еще выше надпись тушью: *соб. над..* (по-видимому, подтверждающая надпись написанного ниже Отцом Ираклием, сделанная автором уже в Киеве одновременно с монограммой). На обороте: П039397 г.т.г., 55/47 П039397 г.т.г., 51 подпись Н-К, № 48

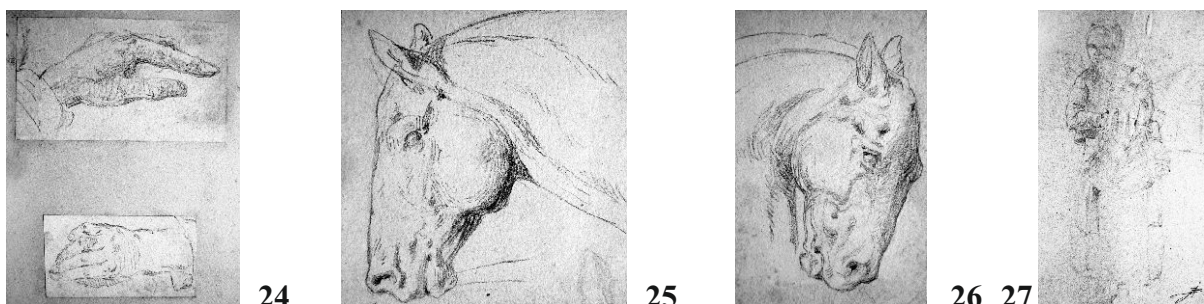
22* Руки военного хирурга. Б., граф. кар. 8,8x19,7

На обороте: П039389, 47/39 П039389 г.т.г., 43 подпись Н-К, № 40

23* Портрет башибузука. Б., граф. кар. 22,4x14,9 Внизу авторская надпись: *Башибузукъ Тырново.*

На обороте: П039355, 13/11 №П039355 г.т.г., 51 подпись Н-К (обрезано), № 12

Можно также смело предположить, что четыре рисунка без монограмм принадлежат Будкевичу. Об этом говорит и техника рисунков, и тематически они не выпадают из вышеперечисленной серии. В пользу моей версии говорит и тот факт, что два рисунка «Кисти рук» (рег. №П039349) из трех подписаны, а один небольшого размера остался без подписи, так же как и два аналогичных наброска (рег. №П039385).

24* **Кисти рук** (два наброска). Б., сангина. 8x13,7; 5,8x10,2

На обороте: *П0393385 г.т.г., 43/35 П0393385 г.т.г., 39 подпись Н-К, №36*

25* **Голова лошади** (левый профиль). Б., сангина. 9,7x9,4

На обороте: *П0393381 г.т.г., 49/41 П0393381 г.т.г., 45 подпись Н-К, №42*

26* **Голова лошади** (правый профиль). Б., сангина. 13,5x8,8

На обороте: *П0393387 г.т.г., 45/37 П0393387 г.т.г., 41 подпись Н-К, №38*

27* **Девочка болгарка из Эскизагры**. Б., сангина. 26,1x16,8 На лицевой стороне рукой автора: *Д.Б. из Эскиза...* На обороте: *П039365 г.т.г., 23/17 П039365 г.т.г. №19 подпись Н-К, №18*

Можно с полной уверенностью утверждать, что еще 4 рисунка Будкевича хранится в Мариупольском краеведческом музее. Все они подписаны собственноручно художником его монограммой. Всего же из коллекции Н. И. Никаро-Карпенко в музей поступило 6 рисунков (из них 2 – на одном паспарту). Все они эти годы значились как работы В. В. Верещагина (дата поступления в музей – до 1963 года). Приведу их перечень, согласно каталогу «Куинджи и его современники. Живопись и графика сер. XIX – нач. XX веков» [12]:

28* **Портрет. 1877–1878**. Б., сангина. 7,5x6 Спр. вн. тушью: *монограмма*. Инв. №416-Гр (На обороте: *П039370*).

29* **Мужская голова (набросок) 1877–1878**. Б., сангина. 10,2x10,7 Спр. вн. тушью: *монограмма*. Инв. №417-Гр (На обороте: *П039370*, два наброска на одном паспарту).

30* **Портрет П. П. Калитина 1877–1878**. Б., граф. кар. 20,6x13,5 Спр. вн. тушью: *монограмма*. Инв. №418-Гр (На обороте: *П039357*). Внизу авторская надпись: *Павель Петрович Калитинъ Командиръ 3 Болгарской дружины Павший въ дѣль подѣ Эскизагрой со знаменемъ въ рукахъ 19 іюля 1877 года*

31* **Портрет С. А. Цурикова 1877–1878**. Б., граф. кар. 20,5x13,5 Спр. вн. тушью: *монограмма*. Инв. №418-Гр (На обороте: *П039356*). Внизу авторская надпись: *Ординарецъ Его Импер. Высочества Главнок. Д. Ар. Сергей Андреевичъ Цуриковъ.*

Итого 37 рисунков (на 30 паспарту) из собрания Н. И. Никаро-Карпенко принадлежат украинскому художнику И. К. Будкевичу – мастеру, на сегодняшний день, известному только в узких кругах. Введение в оборот такого большого количества работ художника, надеюсь, позволит лучше оценить его творческий потенциал и вернет его имя из забвения.

Когда я работал над этой статьей, пришло печальное известие: 21 декабря 2009 года скоропостижно скончался Олег Николаевич Карпенко – конструктор, архитектор, поэт, музыкант, художник, автор многочисленных краеведческих очерков, просто добрый и порядочный человек – мой товарищ и коллега. За несколько дней до его смерти я поделился с Олегом Николаевичем своими «достижениями» в атрибуции рисунков, чему он был искренне рад.

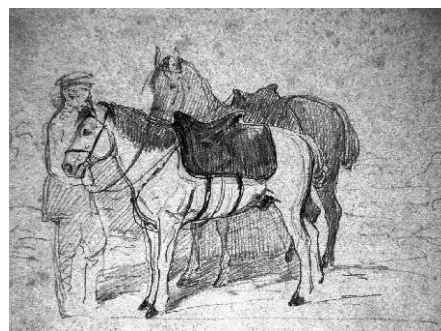
Кому принадлежат остальные, неподписанные 20 рисунков из «папки Никаро-Карпенко»? Думаю, не Будкевичу. В качестве аргумента хочу сослаться на вышеприведенную статью Степовика, где он пишет: «...Авторская монограмма – характерное переплетение латинских букв «И. Б.» – поставлена на каждом листе тушью и, очевидно, уже в Киеве, куда художник вернулся после пребывания в Болгарии». В моем же собрании многие более удачные и завершенные рисунки не подписаны, в отличие от менее значительных «почеркушек», подписанных монограммой. Кто автор этих рисунков? Возможно, и В. В. Верещагин! Но подтвердить это может только искусствоведческая экспертиза. Я же ограничусь сравнительным анализом иконографии некоторых рисунков с аналогичными работами В. В. Верещагина в других музеях и версией происхождения папки с этими рисунками.

32

33

34

35

36

37

32* Туркестанский солдат в зимней форме. Б., граф. кар. 19,8x15,4

На обороте: №3 Подпись Н-К, П039345,3/3П039345 г.т.г. Паспарту было обрезано со всех сторон, так, что № проставленный в ГТГ, был обрезан и дублирован уже позже.

В ГТГ в Москве есть одноименная картина. 1873 г. Х.,м. 33,5x18. Инв. №2016. В Киевском ГМРИ хранится эскиз-набросок к вышеназванной картине «Туркестанский солдат в зимней форме», б. на к., граф кар. 22x14. Инв. № рг-73

33* Мальчик в картузе (анфас). Б., граф. кар. 13.3x10,2

На обороте: №7 (исправлено на 8) Подпись Никаро-Карпенко П039350 гтг 8/7 П039350 г.т.г.

В ГТГ в Москве имеется рисунок «Мужская голова в картузе» (правый профиль). 1865 г., б. граф. кар. 6,5x5.5. Инв. №2255; «Голова молодого человека в картузе» (левый профиль) и др. наброски на листе. 1865 г. б. граф. кар. 11,5x19,3. Инв. №2233. Имеется этюд «Парень в черном картузе», напоминающий типаж рассматриваемого рисунка [10, с. 232].

34* Ездовой с лошадьми. Б., граф. кар. 11,8x15,5

На обороте: №10 Подпись Н-К, П039352 г.т.г., 10/9 П039352 г.т.г., №105 (красным карандашом, полустерта)

35* Портрет врача (?). Б., граф. кар. 15,7x10,4

На обороте: №11 Подпись Н-К, П039353 г.т.г., 11/10 П039353 г.т.г., 53 шт.

36* Казахский татарин. Б., граф. кар. 13,5x11,1

На обороте: №14, №13 Подпись Н-К, П039359 г.т.г., 17/13 П039359 г.т.г.

В ГТГ в Москве имеется несколько рисунков с похожей иконографией: «Казахский татарин», б., граф. кар. 10,2x6,6. Инв. №2151; «Старик татарин» (в профиль), б., граф. кар. 9,7x6,7. Инв. №2181 и др.

37* Портрет юноши (правый профиль). Б., граф. кар. 12,3x8,1

На обороте: №15, №14 Подпись Н-К, П039360, 18/14 П039360 г.т.г.

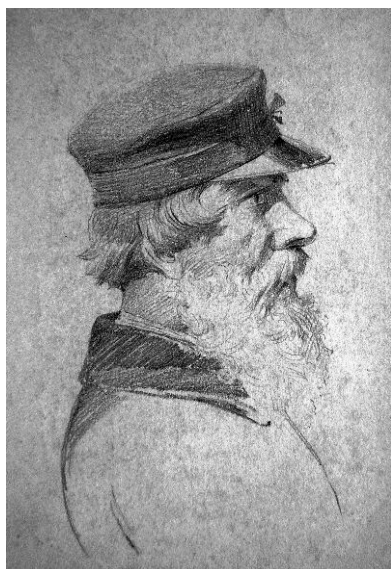
38

39

42

40

41

38* Лошади в разных позах (8 набросков). Б., граф. кар. 19x28

На обороте бумаги: остатки подписи чернилами Н-К (обрезана), П03936 (обрезана), №19. Лист подгонялся под новое паспарту, приклеен сверху в двух точках. На обороте: №19, №20 Подпись Н-К, П039366 г.т.г., 24/18 П039366 г.т.г.

39* Всадник татарин (рисунок). **Фрагменты 2 фигур и задней части лошади** (наброски).

Б., граф. кар. 20,4x25,6 На обороте паспарту : №20, №21 Подпись Н-К. Лист обрезан и наклеен на новое паспарту сверху в двух точках. На обратной стороне рисунка: №20 Подпись Н-К (по-видимому, сдублирована рукой сына художника шариковой ручкой) П039367, 25/19 П039367 г.т.г.

В ГТГ в Москве имеется несколько рисунков с похожим мотивом: «Всадник татарин», б., граф. кар. 8,6x7,2. Инв. №2128, 2139 и др.

40* Портрет кучера (правый профиль). Б., граф. кар. 17,7x11,4

На обороте: №25, 28 Подпись Н-К, П039374 г.т.г., 32/24 П039374 г.т.г.

В ГТГ в Москве имеется несколько рисунков с похожим мотивом: «Русский ямщик на одной из станций Уральского хребта» (правый профиль), б., граф. кар. 10,8x7,9. Инв. №2293; «Ямщик татарин в степях Урала», б., граф. кар. 12,6x8,7. Инв. №2296; «Русский ямщик из уральских казаков», б., граф. кар. 15,5x9,7. Инв. №2305 и др.

41* Портрет мужчины в головном уборе. Портрет горца в меховой шапке. Женская головка. Набросок. Б., граф. кар. 21,5x29,4 (обрезан) На обороте рисунка: остатки подписи чернилами Н-К (обрезана), П039375 г.т.г. *Верещагин (коллекция Никаро)*. Лист подгонялся под новое паспарту, приклеен сверху в двух точках. На обороте: №26 Никаро, П039375 г.т.г. 33/25 П039375 г.т.г.

42* Телега с юным извозчиком. Набросок. Б., граф. кар. 13,7x25,9

На обороте: №29, 31 Подпись Н-К, П039378 г.т.г., 36/28 П039378 г.т.г.

43

44

45

46

47

49

43* Портрет крестьянки в платке. Б., граф. кар. 21,9x14,9

На обороте: №30, 34 Подпись Н-К, П0393789 г.т.г., 37/29 П0393789 г.т.г.

Отдаленно напоминает «Старушку-Вологжанку» из Вологодской ОКГ, Х., м. 29,5x22, Инв. №Ж-180

44* Мужской портрет (чиновник). Б., граф. кар. 17,8x13,2

На обороте: №37, 40 Подпись Н-К, П039386 г.т.г., 46/38 П039388 г.т.г. Паспарту было обрезано снизу так, что № проставленный в ГТГ, был обрезан и сдублирован уже позже.

45* Головка молодой женщины (на ветру). Б., граф. кар. 13,3x11,

На обороте: №39, 42 Подпись Н-К, П039388, 44/36 П039386 г.т.г.

46* Молодая крестьянка на солнце (полуфигура). Б., граф. кар. 21x18,6

На обороте бумаги: №41, 44 Подпись Н-К. Лист приклеен на новое паспарту в одной точке (левый нижний угол). На обороте паспарту: №41, П039390 г.т.г., 48/40 П039390 г.т.г. Верещагин 1877г. из коллекции Никаро.

47* Головка молодой крестьянки. Набросок. Б., граф. кар. 17,8x12,4

Моделью послужила «Молодая крестьянка на солнце». На обороте: №45, 48 Подпись Н-К, П039394, 52/44 П039394 г.т.г.

48* Нога лошади. Набросок. Б., граф. кар. 13,8x8,6

На обороте: №46, 49 Подпись Н-К, П039395, 53/45 П039395 г.т.г.

49* Ступня ноги. Б., граф. кар. 14,8x9,8

На обороте: №44, 47 Подпись Н-К, П039393, 51/43 П039393 г.т.г. (карандашом), Сер. Никаро № 01. Паспарту обрезано с трех сторон так, что № проставленный в ГТГ, был обрезан и сдублирован уже позже.

Рисунок поражает своей светотеневой иллюзорностью, анатомической достоверностью. Видна твердая, уверенная рука большого мастера.

50* Дом с террасой. Б., тушь или чернила, 12,7x9,2

На обороте: №31, 34 Подпись Н-К, П039380, 38/30 П039380 г.т.г.

51* Лошадь. Набросок. Б., граф. кар. 19,9x12,2

На обороте: №32, 35 Подпись Никаро-Карпенко, П039381 30/31 П039381 г.т.г.

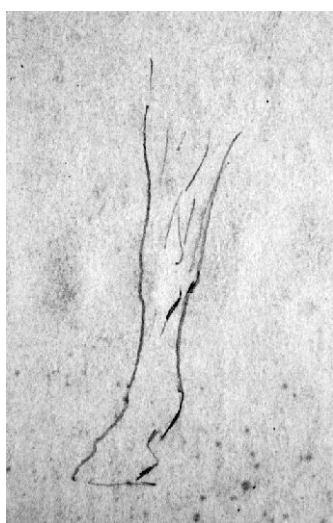
Два последних рисунка несколько выпадают из общей группы. Первый, скорее всего, изображает постройку в каком-либо балканском городе (Тырново или др.). Его можно отнести как к Будкевичу, так и к Верещагину. Второй рисунок выполнен как-то неуверенно, видны переделки. Набросок трудно приписать кому-либо из вышеперечисленных художников. Впрочем, быть категоричным я не буду.

Ещё два рисунка из «папки Никаро-Карпенко» принадлежат Мариупольскому краеведческому музею, и значатся как работы В.В. Верещагина. Это:

52* Конюшня. Набросок. 1877-1878. Б., граф. кар. 11,6x17,7 Инв. №414-Гр (На обороте: П039368)

53* Круп лошади. Голова лошади. Набросок. 1877-1878. Б., граф. кар. 15,6x8,2 Инв. №415-Гр (На обороте: П039354)

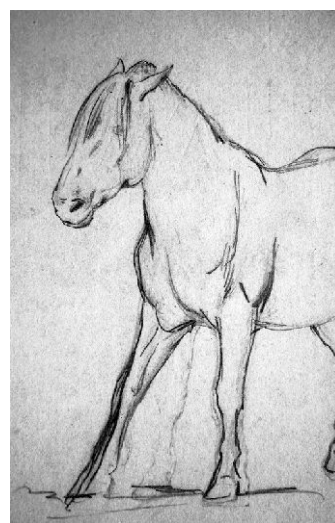
Теперь вернемся к версиям происхождения рисунков. Первый вариант: папка с рисунками, еще до революции, входила в какое-либо известное частное собрание. Возможно в каком-то редком каталоге мы найдем описание наших рисунков!

48

50

51

А может быть, у коллекции и коллекционера была печальная судьба? Годы лихолетья – революция и гражданская война – не обошли стороной и культурные ценности, накопленные многими поколениями передовой части российского общества. Вот что писал об этом периоде известный советский искусствовед и крупнейший коллекционер рисунков А. А. Сидоров: *«Об этой грани нашей культурной истории можно вспоминать очень много интересного. На «рынок» были брошены неведомо откуда взявшиеся предметы искусства и старины. В панике бежавшие именитые богачи бросали все... Начиная с первых лет революции собиратели рисунков встречались с остатками некоторых старых коллекций, которые расплылись очень давно, разошлись по рукам, и мало шансов на то, чтобы о них возникло целостное представление. Рисунки переходили из рук в руки, и в мое собрание они попадали неустановимыми путями»* [13].

Наша папка с рисунками свой «установленный» путь берет из Крыма 1920-х годов. А если вспомнить, что через Крым пролегал путь значительной части русской эмиграции, то можно предположить, что рисунки были утеряны, украдены или обменены на что-либо. Поэтому их новый владелец (бывший помещик?) так легко с ними расстался в 1928 году. По-видимому, он не представлял истинной ценности рисунков. Правда, при этом он точно знал, что принадлежат они руке Верещагина. Можно предположить, что так ему сказал бывший владелец рисунков. То, что в папке находятся рисунки не только Верещагина, он не стал говорить, так как был уверен, что имя Верещагина окажет магическое воздействие на любого мало-мальски образованного человека.

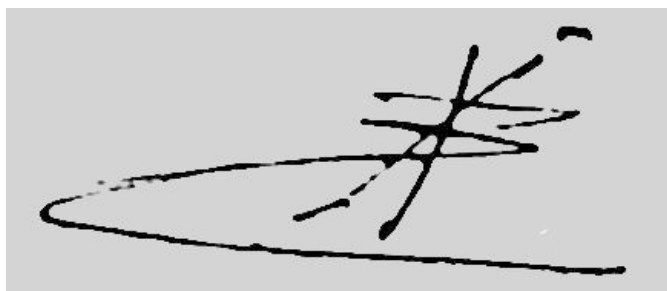
Второй вариант: рисунки Верещагина были утеряны или украдены еще в русско-турецкую компанию 1877-1878 годов и «выплыли» ровно через пол-столетия в Крыму. Эту версию выдвинул О.Н. Карпенко, основываясь на факте отраженном в письме В. В. Верещагина к В. В. Стасову: *«Через докторов Боткина или Юрия Трифоновича Чудновского не узнаете ли, Владимир Васильевич, чего о докторе Стуковенко, взявшемся еще в декабре прошлого года в Плевне доставить мои этюды в Систово, на мою квартиру, и не отдающего их мне до сих пор. Неужели нет возможности раздобыть этого сукина сына? Как он не понимает, что этюды крайне нужны мне! Нельзя ли напечатать в «Новом времени» «просьбу к доктору Стуковенко, бывшему в Плевне, доставить туда-то порученную ему в декабре 1877 г-м В. Верещагиным посылку, крайне нужную». Можно печатать до тех пор, пока эта всероссийская бестия не отзовется. Не увидите ли кого из бывших в компании графа Соллогуба, например сына доктора Склифосовского или других. Они, вероятно, знают, где этот толсторожий доктор, который, как я слышал, уехал из действующей армии. Слышал я также, что он имеет в Москве брата, также доктора. До свидания. В.В. (Париж. 1/13 июля 1878 г.)* [14].

Известно, что в феврале 1878 года Верещагин возвратился с Балкан в Париж и продолжил работу над своими индийскими историческими композициями. Однако, вскоре он полностью переключился на тему русско-турецкой войны. Вот что пишет об этом периоде Л. М. Дёмин: *«Законченных этюдов в красках Верещагин привез сравнительно немного: условия боевой и походной жизни не очень-то располагали к работе над этюдами. К сожалению, большинство из тех, которые художник все же сумел сделать, – всего около тридцати – оказались утраченными. Верещагин поручил знакомому доктору М. И. Стуковенко доставить их из Плевны в Систово на временную квартиру художника. Стуковенко перепоручил груз какому-то случайному офицеру, и в результате все этюды бесследно исчезли. Верещагин предпринимал длительные поиски, но безрезультатно. Так что в основном приходилось полагаться на многочисленные рисунки в альбомах и на отдельных листах, иногда беглые и схематичные»* [10].

Версия О. Н. Карпенко очень заманчивая, однако, не выдерживает критики по

нескольким причинам. Во-первых, бесспорные рисунки русско-турецкой кампании принадлежат И. К. Будкевичу, о чем было изложено выше. Во-вторых, в письме Верещагина упоминаются этюды, но никак не рисунки.

Таким образом, можно предположить, что рисунки были «занесены» в Крым «волной русской эмиграции». Возможно, это часть чьей-то коллекции, которую пришлось заплатить за какую-то услугу или «кусочек хлеба». Известно также, что одна из дочерей художника (Анна, 1895 г. р.) умерла в годы гражданской войны на юге России от тифа. Может быть рисунки принадлежали ей? Вопросы, вопросы... Ответ может дать только грамотная искусствоведческая экспертиза.

Использованные источники

1. Карпенко О. Н. Он был живописцем от бога // Ильичевец. – 2002. – 5 октября.
2. Буров С. Д. Николай Никаро-Карпенко // Мариупольская неделя. – 2001. – Август (№ 33).
3. Притыкина И. Выставка картин спустя 50 лет // Твой Мариуполь. – 1999. – 21 июля.
4. Никаро-Карпенко Николай Иосипович. 1894–1963. Персональная выставка к 105-летию со дня рождения. Живопись, архитектура. Мариуполь, 1999 г. : пресс-релиз.
5. Белоус А. Краски юга и тона истории // Приазовский рабочий. – 1999. – 4 августа.
6. Каталог Государственной Третьяковской галереи. Рисунок и акварель / В. Г. Перов, И. Н. Крамской, В. В. Верещагин. – М. : Искусство, 1955.
7. Каталог Вологодской областной картинной галереи. Живопись, скульптура XVIII–XX веков. – Вологда, 1975.
8. Рисунок и акварель русских художников второй половины XVIII – начала XX вв. : каталог выставки / Киевский государственный музей русского искусства. – Киев: Мистецтво, 1964.
9. Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма. – М. : Изобразительное искусство, 1981.
10. Демин Л. М. С мольбертом по земному шару : Мир глазами В. В. Верещагина. – М. : Мысль, 1991.
11. Степовик Д. Рисунки И. К. Будкевича // Образотворче мистецтво. – 1974. – № 2. – С. 28–29.
12. Куинджи и его современники. Живопись и графика сер. XIX – нач. XX веков : каталог / авт.-сост. Т. Ю. Були, Н. Е. Куреньшева. – Мариуполь: Рената, 2011. – 60 с.
13. Сидоров А. А. Записки собирателя. – Ленинград, Художник РСФСР, 1969.
14. Василий Васильевич Верещагин. Избранные письма. – М. : Изобразительное искусство, 1981.

Наши авторы

Божко Раиса Петровна – историк, заместитель директора Мариупольского краеведческого музея, член Национального Союза краеведов Украины, Почетный краевед Донетчины.

Бойко Владимир Алексеевич - кандидат технических наук, инженер промышленного транспорта, заместитель Генерального директора ПАО «Мариупольский металлургический комбинат им. Ильича» по транспорту (1994-2012 гг.).

Були Татьяна Юрьевна – историк, заведующая художественным музеем им. А.И. Куинджи

Буров Сергей Давидович – кандидат технических наук, сценарист документального кино, Почётный гражданин города Мариуполя, член Национального Союза журналистов Украины, член Национального Союза краеведов Украины, автор программы «Мариуполь. Былое» на ТРК «Сигма».

Вереникин Виктор Николаевич – журналист, предприниматель, член Национального Союза журналистов Украины, член Национального Союза краеведов Украины.

Гольдберг Семён Исаакович – журналист, член Национального Союза журналистов Украины и Межрегионального Союза писателей Украины.

Дейниченко Елена Васильевна – филолог, сотрудник научной библиотеки Мариупольского государственного университета.

Забело Александра Валерьевна – историк, научный сотрудник Мариупольского краеведческого музея.

Кучугура Лидия Ивановна – историк, археолог, заведующая отделом Мариупольского краеведческого музея, член Национального Союза краеведов Украины.

LV – автор сайта <http://parasoma.narod.ru> .

Мазур Павел Иванович – педагог, методист, «Отличник просвещения», член Национального Союза краеведов Украины, Почётный краевед Донетчины, Почетный краевед Украины.

Морозов Леонид Павлович – коллекционер открыток мариупольской тематики.

Милицина Любовь Михайловна – историк, научный сотрудник Мариупольского краеведческого музея.

Некрасовский Юрий Яковлевич – журналист, член Национального Союза журналистов Украины, инструктор-методист по туризму, кандидат в мастера спорта по туризму.

Проценко Аркадий Дмитриевич – деятель культуры, Почётный гражданин города Мариуполя, член Национального Союза журналистов Украины, член Национального Союза краеведов Украины, Почётный краевед Донетчины.

Салькова Надежда Владимировна – историк, преподаватель Мариупольского колледжа ГВУЗ «Приазовский государственный технический университет».

Тафинцев Сергей Иванович – преподаватель философии, начальник штаба Мариупольского полка Войска Запорожского, член Национального Союза краеведов Украины.

Чернов Александр Михайлович – инженер-конструктор, коллекционер, член областного союза творческих деятелей «Галатей», член Национального Союза краеведов Украины.

Якушенко Людмила Семеновна – историк, главный хранитель фондов Мариупольского краеведческого музея.

Список сокращений

ГАДО – Государственный архив Донецкой области. – Донецк

ЗООИД – Записки Одесского Общества истории и древностей. – Одесса

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь

МКМ – Мариупольский краеведческий музей

ПГТУ – Приазовский государственный технический университет. – Мариуполь

ЦГАВОВУ – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. – Киев

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ

Мазур П. Мариуполеведение.....	3

ИСТОРИЯ РОДНОГО КРАЯ

LV. Кальмиусская паланка. Пограничный инцидент с ногайцами. 1747 года.....	6
Кучугура Л. Военные действия России в Северном Приазовье в 1735–1739 гг.....	16
Якушенко Л. Из истории греческого села Бешево. По материалам Мариупольского греческого суда из фондов Мариупольского краеведческого музея.....	24
Милицина Л. Условия обучения в начальных учебных заведениях Мариупольского уезда. Конец XIX – начало XX вв.....	28
Салькова Н. «Особозамечательные события» в жизни мариупольских гимназистов. По материалам ежегодных отчетов Александровской мужской гимназии.....	31
Божко Р. Кинематограф в старом Мариуполе. Начало XX века.....	36
Забело А. Музыкальная жизнь Мариуполя в годы социальных потрясений (1917–1920 гг.).....	42
Морозов Л. Портретные открытки мариупольских фотографов. К вопросу о систематизации.....	49
Гольдберг С. Как это было. Оккупационные каратели в Мариуполе.....	52
Бойко В. Из истории Ильичевской железнодорожной ветки ст. Заводская площадка – ст. Биржа	57
Некрасовский Ю. Из истории научно-исследовательского института конструкционных материалов «Прометей» (НИИ–48).....	66
Тафинцев С. Из истории возрождения казачества в Мариуполе на рубеже XX–XXI веков.....	69

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

LV. Находка керамики XVIII века в районе Бартасовой балки.....	74
Буров С. Старинный план города рассказывает.....	76
Дейниченко Е. Кирпичный стиль в Мариуполе.....	79
Були Т. Из истории открытия художественного музея им. А.И. Куинджи.....	87

МАРИУПОЛЬ В ЛИЦАХ

Буров С. К происхождению фамилии Куинджи.....	90
Проценко А. Выдающийся гражданин Мариуполя.....	92
Вереникин В. Инженер и писатель Александр Мееров.....	94
Чернов А. Счастливый случай или случайная встреча... Рассказ коллекционера.....	97

ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ

Тищенко М. Наша летопись. История семьи Тищенко.....	103
Чернов А. Загадочный В. В. Верещагин.....	120